

Н. А. ВЛАСОВ

Н. А. ВЛАСОВ

ГЕРМАНИЯ БИСМАРКА ИМПЕРИЯ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

ГЕРМАНИЯ БИСМАРКА
ИМПЕРИЯ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Серия «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Н. А. ВЛАСОВ

ГЕРМАНИЯ БИСМАРКА

**ИМПЕРИЯ В ЦЕНТРЕ
ЕВРОПЫ**

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2018

УДК 94(470)
ББК 63.3(0)52
В58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон, И. О. Ермаченко, А. А. Исэров,
А. Ю. Карачинский (ученый секретарь), Н. Н. Крадин,
П. Ю. Уваров (председатель), Т. А. Филиппова (зам. председателя)*

Рецензент:

доктор исторических наук *К. К. Худолей*

Власов Н. А. Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. —
СПб.: Наука, 2018. — 207 с.

ISBN 978-5-02-039681-4

В 1871 году на карте Европы появилось немецкое национальное государство — Германская империя. Это событие неразрывно связано с именем одного из наиболее выдающихся государственных деятелей XIX века — «железного канцлера» Отто фон Бисмарка. «Империя Бисмарка», «эра Бисмарка», «эпоха Бисмарка» — так обычно называют сегодня период германской истории с 1871 по 1890 год.

Роль «железного канцлера» в жизни страны действительно была огромной. Именно его политика внесла решающий вклад в объединение германских государств вокруг Пруссии. Он являлся автором проекта имперской конституции, создателем политических структур нового государства. Он практически единолично руководил германской дипломатией и играл определяющую роль в формировании внутривластного курса страны.

И все же история Германии 1870—1880-х годов гораздо шире, чем биография ее первого министра. Наряду с именем Бисмарка она содержит множество других имен. Это — Гельмут фон Мольтке и Альфред Крупп, Вернер фон Сименс и Август Бебель, Роберт Кох и императрица Аугуста. Это, наконец, миллионы «безымянных» немцев, приходивших на парламентские выборы, переезжавших из деревень в города, читавших романы с продолжением или социал-демократическую газету «Вперед!». Об этих людях и пойдет речь в книге.

© Власов Н. А., 2018
© Издательство «Наука», серия «Научно-популярная литература» (разработка, оформление), 2018
© Палей П., оформление, 2018

ISBN 978-5-02-039681-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

XIX век в Европе часто называют «эпохой национализма». Все более естественной казалась идея о том, что каждый народ должен жить в своей собственной стране. Однако национальные государства отнюдь не составляли большинства на континенте, недавно пережившем бурю Наполеоновских войн. Пока одни народы жили в «коммунальных квартирах» многонациональных империй, другие пребывали в состоянии политической раздробленности.

К числу последних относились и немцы. В XX веке германский философ Гельмут Пlessнер назвал своих соотечественников «запоздавшей нацией»¹ — определение, которое пользуется большой популярностью по сегодняшний день. Только в 1871 году на карте Европы появилось немецкое национальное государство — Германская империя. Это событие неразрывно связано с именем одного из наиболее выдающихся государственных деятелей XIX века — «железного канцлера» Отто фон Бисмарка.

«Империя Бисмарка», «эра Бисмарка», «эпоха Бисмарка» — так обычно называют сегодня период германской истории с 1871 по 1890 год. Вторая из этих дат — год отставки «железного канцлера» — предстает в качестве рубежа, который делит эпоху Второй империи 1871—1918 годов на две примерно равные половины. Порой кажется, что история Германии в эти два десятилетия является лишь одной из глав биографии Бисмарка, а все события и процессы в новой

империи — лишь фоном для деятельности харизматического лидера.

Роль «железного канцлера» в жизни страны действительно была огромной. Именно его политика внесла решающий вклад в объединение германских государств вокруг Пруссии. Он являлся автором проекта имперской конституции, создателем политических структур нового государства. Он практически единолично руководил германской дипломатией и играл определяющую роль в формировании внутривнутриполитического курса страны.

И все же история Германии 1870—1880-х годов гораздо обширнее, чем биография ее первого министра. Наряду с именем Бисмарка она содержит множество других имен. Это — Гельмут фон Мольтке и Альфред Крупп, Вернер фон Сименс и Август Бебель, Роберт Кох и императрица Августа. Это, наконец, миллионы «безымянных» немцев, приходивших на парламентские выборы, переезжавших из деревень в города, читавших романы с продолжением или социал-демократическую газету «Вперед!».

Далеко не все в большой стране было подвластно «железному канцлеру». Бисмарку приходилось бороться с придворной оппозицией, искать компромиссы с лидерами политических партий. Ему были практически неподконтрольны вооруженные силы. Еще в меньшей степени он мог влиять на процессы, происходившие в германской экономике и обществе. Развитие во многих сферах — начиная от политических партий и заканчивая сельским хозяйством — осуществлялось помимо, а порой и вопреки воле «железного канцлера».

Итоги этого развития по сегодняшний день остаются предметом дискуссий. После двух мировых войн немцы обратились к своей истории, стараясь отыскать причины и корни «германской катастрофы». В этот период эпоха Бисмарка часто противопоставлялась в качестве положительного образца не только Третьему рейху, но и времени правления Вильгельма II. Однако постепенно настроения стали меняться. Уже в 1960—1970-е годы историки все громче заговорили об исторической преемственности между Вторым и Третьим

рейхом, о том, что семена, взошедшие в 1933 году, были посеяны еще «железным канцлером». Некоторые проводили прямую линию «от Бисмарка к Гитлеру», рассматривая историю единого германского государства начиная с 1871 года как путь навстречу катастрофе. Широко распространился тезис о том, что именно в 1870—1880-е годы развитие германского государства и общества пошло по ложному пути, что «эпоха Бисмарка» стала временем, предопределившим весь дальнейший ход немецкой и европейской истории.

Спор этот не утихает по сегодняшний день. Однако не только поэтому история «эпохи Бисмарка» важна и интересна. Она актуальна и с точки зрения понимания современной Германии. В самых разных сферах жизни страны мы можем без труда увидеть наследство, оставленное сегодняшним немцам «железным канцлером» и его современниками. К нему относятся, например, федеративная структура государства и система социального страхования. Именно поэтому знакомство с этой эпохой важно не только для историков, но и для всех тех, кто хочет лучше узнать сегодняшнюю ФРГ.

В России интерес к личности Бисмарка был традиционно выше, чем к его эпохе. Научных и научно-популярных работ, посвященных Германии последней трети XIX века, на русском языке опубликовано очень мало. Представленная книга должна помочь заполнить этот пробел, опираясь, в первую очередь, на труды современных германских историков. Хочется надеяться, что она будет интересна как специалистам, так и всем любителям прошлого.

ГЛАВА 1

ПРЕЛЮДИЯ: ОТ КЕНИГСБЕРГА ДО ПОТСДАМА

18 января 1701 года в Кенигсбергском замке бранденбургский курфюрст Фридрих III в торжественной обстановке возложил на свою голову королевскую корону. На карте Европы появилось новое государство — королевство Пруссия.

18 января 1871 года в Большом зеркальном зале Версальского дворца прусский король Вильгельм I был в торжественной обстановке провозглашен императором. В центре Европы возникла новая могущественная держава — Германская империя.

На протяжении долгого времени немецкие историки проводили между двумя этим событиями, которые разделяет ровно 170 лет, прямую, как стрела, линию. Германская история XVIII—XIX веков превращалась в их трудах в победоносное шествие прусской монархии к исполнению своей национальной миссии. На деле, конечно, все было далеко не так просто.

В XVIII веке в центре Европы существовала Священная Римская империя германской нации. Это был, по сути, реликт Средневековья, весьма аморфное политическое образование, которое лишь с большой натяжкой можно назвать конфедерацией в современном смысле слова. В ее состав входило около трехсот государств — от сравнительно крупных княжеств до небольших рыцарских владений. Каждое из них

обладало практически полной самостоятельностью. Императора избирали курфюрсты из числа наиболее влиятельных монархов империи. В раннее Новое время на императорском троне почти непрерывно находились австрийские Габсбурги. Реальная власть императора была невелика, однако этот титул считался весьма престижным, и время от времени за обладание им вспыхивала серьезная борьба.

Было бы ошибкой изображать Первую империю (именно так ее часто называют в немецкой историографии) пустой формальностью, лишенной всякого реального значения. Она выполняла достаточно важную функцию в системе международных отношений, играя роль несовершенного, но все же действующего оборонительного союза германских государств, а также инструмента решения споров между ними. Значительной была роль Священной Римской империи и на начальном этапе формирования немецкого национального самосознания. Наличие пусть весьма условного, но все же общего государственного образования помогало немцам осознавать себя в качестве народа, объединенного общей культурой.

Государства, входившие в состав Первой империи, сильно отличались друг от друга по своему размеру и весу в системе. В начале XVIII века единственной великой державой в Центральной Европе была Австрия. В руках Габсбургов, помимо наследственных немецких земель с центром в Вене, находились владения чешской и венгерской короны. Австрия традиционно вела борьбу против Франции на западе и против Османской империи на юго-востоке и претендовала на первенство среди германских княжеств. Однако вскоре конкуренцию ей составило Прусское королевство.

Под руководством целого ряда энергичных монархов из династии Гогенцоллернов это небольшое государство на северо-востоке Священной Римской империи смогло сформировать мощную армию и значительно усилить свои позиции на европейской арене. Знаковой фигурой был, конечно же, Фридрих II Великий, правивший с 1740 по 1786 год. В ходе Войны за австрийское наследство он смог захватить

австрийскую Силезию. Затем, в годы Семилетней войны, Пруссия под его руководством выстояла, хоть и с большим трудом, против коалиции России, Австрии и Франции. Тем самым она закрепила за собой место в плеяде великих держав Европы.

В результате этих событий в Священной Римской империи сформировалась новая линия противостояния — протестантская Пруссия против католической Австрии. Германский дуализм стал важным фактором в международных отношениях на континенте. Впрочем, две «немецкие державы» не только соперничали, но зачастую и сотрудничали между собой. Представления о существовании между ними определенной «родственной связи», обусловленной принадлежностью к одному политическому и культурному пространству, все-таки существовали и играли значимую роль.

В последней трети XVIII века и Пруссия, и Австрия участвовали вместе с Россией в разделе Речи Посполитой. Монархии Гогенцоллернов это было значительно выгоднее, чем ее партнерам; именно для Пруссии было критически важно увеличить свою ресурсную базу за счет новых земель и населения. В результате власть Берлина распространилась на обширные польские территории, включая Варшаву.

Малые и средние немецкие государства — иногда их называли «третьей Германией» — играли все меньшую роль в европейских делах, становясь объектами политики великих держав. Даже Бавария и Саксония, оказывавшие серьезное влияние на международные отношения эпохи Тридцатилетней войны, постепенно отошли на второй, а то и третий план.

В 1789 году началась Великая Французская революция. Это событие оказало огромное влияние на развитие всей Европы, в том числе германских государств. Уже в начале 1790-х годов Австрия и Пруссия, которые до этого находились на грани вооруженного конфликта, совместно выступили против Франции, а немецкие княжества на левом берегу Рейна оказались театром военных действий. Как известно, победить французов немцам в этот раз не удалось. Пруссия в 1795 году и вовсе вышла из войны, в дальнейшем стремясь

половить рыбку в мутной воде европейских потрясений. В 1801 году Австрия также была вынуждена заключить мир с Францией, уже находившейся под властью Наполеона Бонапарта. Согласно условиям соглашения, левый берег Рейна отходил французам, а все лишившиеся своих владений суверены могли рассчитывать на территориальную компенсацию.

Проблема компенсации привела к весьма серьезным дискуссиям внутри Священной Римской империи, касавшимся ее радикального переустройства. Активно вмешивался в судьбу дряхлой конфедерации и Наполеон. В результате в 1803 году начался процесс, получивший название медиатизации. Основной его сутью было присоединение территорий малых государственных образований к более крупным. В частности, лишились суверенитета все без исключения духовные княжества, подавляющее большинство вольных городов, а также мелкие правители. К 1806 году, когда медиатизация была завершена, число германских государств сократилось на порядок.

К этому моменту Наполеон был уже полновластным хозяином Центральной Европы. Попытка России и Австрии в 1805 году умерить амбиции недавно коронованного французского императора привела к знаменитому поражению при Аустерлице. Пруссия, долго лавировавшая между двумя сторонами, чтобы получить максимальную выгоду, внезапно оказалась перед лицом угрозы превращения во французского сателлита. Осенью 1806 года в Берлине приняли решение воевать. В результате Наполеон провел одну из самых стремительных и блестящих своих кампаний, наголову разгромив прусскую армию. Только помощь России позволила монархии Гогенцоллернов избежать быстрой и полной оккупации. Тем не менее, в соответствии с заключенным в 1807 году Тильзитским миром, от Пруссии оставался, по сути, обрубок, зависимый от Франции и вынужденный подчиняться требованиям Парижа.

Если уж две великие «немецкие державы» оказались не в состоянии сопротивляться французам, то от малых и средних государств этого можно было ожидать еще в меньшей

степени. Многие германские монархи предпочли встать на сторону сильного, получив за это щедрые территориальные компенсации в процессе медиатизации и повышение своего статуса. В 1806 году был образован Рейнский союз, ставший, по сути, объединением французских сателлитов. Под давлением французов в том же году император Франц II отрекся от престола, одновременно объявив о роспуске Священной Римской империи. Сразу же после этого он провозгласил себя австрийским императором под именем Франца I. «Первый рейх» ушел в прошлое.

Германские государства стали частью «системы Наполеона». Австрийцы еще раз попытались бросить вызов Парижу в 1809 году, но были побеждены и вынуждены окончательно подчиниться. Несколько лет, в течение которых Центральная Европа находилась под властью Франции, стали временем критически важных изменений. Французы принесли с собой некоторые прогрессивные преобразования. Были ликвидированы многие пережитки Средневековья, введено современное гражданское право (знаменитый «Кодекс Наполеона»). Однако главной целью французской политики была не модернизация, а эксплуатация Центральной Европы.

В связи с этим в германских государствах быстро начался подъем национального самосознания, в первую очередь среди обеспеченных и образованных слоев населения. Символом эпохи стали опубликованные в 1808 году «Речи к немецкой нации» философа Иоганна Фихте. Идея единого немецкого отечества приобретала все большую популярность. Ее питали одновременно и идеалы Просвещения, во многом пришедшие из Франции, и сопротивление французским оккупантам. Благодаря этому в идейном багаже немецкого национализма появились отчетливо консервативные черты, апелляция к романтике Средневековья.

Годы французского владычества стали также временем важных реформ в германских государствах. В частности, масштабные преобразования были произведены в Пруссии. Правящая элита осознала, что именно отказ от модернизации, попытка законсервировать существующую систему ста-

ла одной из важных причин того, что в 1806 году королевство рухнуло, словно карточный домик. Прусские реформы, проведенные в 1807—1814 годах, затронули практически все сферы жизни государства и общества — от армии до экономических структур.

В 1812 году Наполеон потерпел поражение в России. Прусские и австрийские контингенты участвовали в этой неудачной кампании, однако находились на флангах «Великой армии» и действовали не особенно активно. 30 декабря 1812 года прусский генерал Йорк подписал в Таурогене конвенцию с русскими о совместных действиях против Наполеона. Опасаясь французского возмездия, король Фридрих Вильгельм III сначала осудил своего не в меру ретивого подчиненного. Только в конце февраля, когда стало ясно, что отступление Наполеона носит стратегический характер, Пруссия заключила союзный договор с Россией в Калише. Еще дольше колебались в Вене, где не хотели полной победы ни одной из сторон. Только в августе Австрия объявила войну Франции. А ряд государств Рейнского союза — в частности, Саксония — до последнего выступал на стороне Наполеона.

После победы над Наполеоном представители практически всех государств Европы собрались в 1814 году в австрийской столице, чтобы определить будущее континента. Венский конгресс оказался достаточно долгим, и основные его документы были подписаны уже в следующем, 1815 году. В результате работы «танцующего конгресса» была сформирована новая система международных отношений, важную роль в которой играли германские государства.

Венская система характеризовалась сотрудничеством великих европейских держав, предпочитавших решать спорные вопросы не военным путем, а за столом переговоров. Эту модель отношений между ведущими игроками часто характеризуют как «Европейский концерт». Другое часто употребляемое название этого «концерта» — пентархия, система пяти великих держав (Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и Россия), вершивших европейскую политику. Отношения между ними строились на основе общих интересов,

одним из которых было поддержание фактически сложившегося баланса сил. Великие державы стремились не допускать ни революционных потрясений, чреватых новыми конфликтами, ни гегемонии какого-либо одного игрока в системе. Конечно, это не исключало существования между ними достаточно серьезных противоречий и острой дипломатической борьбы; однако никто не был заинтересован в том, чтобы эта борьба приняла размах, ставивший под угрозу стабильность системы.

Важным элементом Венской системы международных отношений был своеобразный «силовой вакуум» в центре Европы. Согласно решениям Венского конгресса, на пространстве бывшей Священной Римской империи германской нации был образован Германский Союз, состоявший из более чем тридцати суверенных государств различного размера — от двух великих держав до вольных городов. Существование Германского союза, по сути, упорядочило и укрепило раздробленность страны. Лидирующую роль здесь играла Австрия; в Берлине предпочли отойти от конфронтационной линии и играть роль младшего партнера Вены.

У Германского Союза существовал центральный орган — бундестаг, заседавший во Франкфурте-на-Майне, который являлся вольным городом. Ничего общего с одноименным парламентом современной ФРГ у бундестага не было. Здесь заседали представители государств — членов Германского Союза, решавшие актуальные для всей конфедерации вопросы в соответствии с инструкциями своих правительств. По наиболее важным проблемам решения принимались единогласно. Германский Союз должен был обеспечивать политическое сотрудничество, а также — при необходимости — совместную оборону.

Одним из главных направлений деятельности Германского Союза была борьба со всеми политическими и общественными течениями, опасными для существующего строя. Так, вышедшие в 1819 году Карлсбадские постановления существенно ограничили свободу прессы. Тем не менее, национальное движение продолжало усиливаться; в этот пери-

од борьба за объединение страны была неразрывно связана с борьбой за политические свободы. Разумеется, движущей силой германского национализма был в первую очередь средний класс, а позиции регионализма оставались очень прочными. Большинство жителей Германского Союза все еще осознавали себя скорее пруссаками, саксонцами, баварцами, чем немцами.

Тем временем в Центральной Европе начался промышленный переворот. Пруссия, которой по решениям Венского конгресса досталась экономически развитая Рейнская область, во второй трети XIX века стала постепенно превращаться в локомотив индустриального развития в регионе. Это позволило ей примерить на себя роль лидера экономической интеграции. В 1833 году был создан Таможенный союз, включавший в себя большинство государств Германского Союза. В дальнейшем к нему присоединились практически все, кроме Австрии. Все попытки Вены пробиться в Таможенный союз успешно отражались Берлином, где были совершенно не заинтересованы в том, чтобы австрийцы определяли правила игры исходя из своих экономических интересов. Впоследствии историки будут часто называть создание Таможенного союза первым шагом к объединению Германии вокруг Пруссии. На самом деле в Берлине в тот момент руководствовались в первую очередь экономическими мотивами. Политические соображения присутствовали, но находились на втором плане.

Силу и слабость германского национального движения ярко продемонстрировала революция 1848—1849 годов. Ее детонатором послужили события во Франции, где в очередной раз свергли короля и провозгласили республику. Однако к востоку от Рейна революция с самого начала пошла по собственному, германскому сценарию. Взрыв оказался настолько мощным, что грозил опрокинуть троны немецких монархов. Поэтому им с самого начала пришлось отказаться от идеи вооруженного подавления «мятежей» и идти на широкомасштабные уступки восставшим — созыв парламентов, предоставление политических и экономических свобод, отстране-

ние от власти наиболее одиозных представителей правящей верхушки. Символом революции стало красно-черно-золотое знамя.

В мае 1848 года во Франкфурте-на-Майне собрался первый общегерманский парламент — Национальное собрание. Его депутаты считали своей задачей создание единого немецкого государства, а также выработку конституции. Однако с самого начала по этим вопросам возникли ожесточенные споры. Они касались, в первую очередь, участия Австрии в объединении и государственного строя Германии. Лишь в 1849 году была готова первая общегерманская конституция. В соответствии с ней, объединение страны происходило без участия Австрии (так называемый «малогерманский вариант»). Германия должна была стать конституционной монархией с гарантированными основными правами и свободами граждан.

Но ситуация в стране уже изменилась. Революция пошла на спад, многие ее участники были удовлетворены уступками, сделанными немецкими монархами. В результате к моменту создания конституции в руках Национального собрания не было никакой реальной власти. В конце концов парламентарии обратились к прусскому королю Фридриху Вильгельму IV с предложением принять императорскую корону. Тот, однако, в резкой форме отклонил их инициативу, заявив, что не желает иметь дело с бунтовщиками. После этого Национальное собрание практически прекратило свое существование.

Впрочем, мысль о создании федерации под своим скипетром прусскому королю понравилась. Он предпринял попытку сделать это самостоятельно, договорившись с рядом германских монархов. Но такое развитие событий было не в интересах Австрии и России, не замедливших вмешаться в происходящее. В какой-то момент казалось, что война между двумя «немецкими державами» неизбежна. Однако затем в Берлине решили уступить. В 1850 году в Ольмюце было подписано соглашение, восстанавливавшее Германский Союз в прежнем виде.

Германская революция 1848 года не достигла своих основных целей. Но это не значит, что она была совершенно бесплодной. Во-первых, большинство германских государств (в том числе и Пруссия) приняли конституции. Верховная власть по-прежнему принадлежала монарху, но в законодательной сфере она была ограничена парламентом — ландтагом. Прусский ландтаг был двухпалатным; члены верхней палаты назначались королем, а нижней — избирались населением на основе сложной цензовой (т. н. «трехклассной») системы. Без одобрения ландтага не мог вступить в силу ни один закон, кроме того, он должен был ежегодно принимать государственный бюджет. Во-вторых, в германских государствах начала складываться политическая традиция. Именно с 1848 года ведет свой отсчет история немецкой партийной системы.

Внутренние потрясения миновали, но наступала эпоха внешних. После революций 1848—1849 годов «Европейский концерт» все чаще начал давать сбои. Стремление одних держав изменить сложившийся баланс сил в свою пользу встречало отпор со стороны других членов пентархии, что приводило к вооруженным конфликтам. Первым из них стала Крымская война 1853—1856 годов. В конфликте России с Англией и Францией германские государства оказались между двух огней. В конечном счете Австрия поддержала западные державы, хотя так и не вступила в войну. В результате Вена оказалась в изоляции, испортив отношения с Россией и в то же время не установив прочных связей с западными державами. Пруссия с определенным трудом сохранила нейтралитет.

Следствием Крымской войны стало не только существенное ослабление позиций России на международной арене и ее внешнеполитическая изоляция. Фактически утратил работоспособность механизм «Европейского концерта», на протяжении нескольких десятилетий поддерживавший стабильность на континенте. На смену принципу совместных действий пришел принцип «каждый сам за себя». В рамках так называемой «Крымской системы» появилось окно возможностей

для изменения баланса сил, для перемен европейского масштаба.

Первой этими возможностями поспешила воспользоваться Франция, в которой установился режим Второй империи. Под властью Наполеона III она проводила активную внешнюю политику, направленную на достижение фактической гегемонии в Европе. Парижские политики не могли не понимать, что этот курс неизбежно вызовет трения с другими великими державами и может привести к формированию антифранцузской коалиции. Поэтому они стремились найти союзников, которые могли бы способствовать достижению Францией ее целей. Сотрудничество с Россией не удалось во многом потому, что правящая элита последней не собиралась соглашаться на роль младшего партнера.

В результате в качестве потенциальных союзников в Париже рассматривали средние европейские государства — достаточно сильные для того, чтобы оказать Франции реальную поддержку, но в то же время слишком слабые для того, чтобы вести со Второй империей диалог на равных. Так, Париж в 1859 году поддержал Сардинское королевство в борьбе против Австрии и тем самым способствовал объединению Италии, которое состоялось в 1861 году. В Центральной Европе в качестве потенциального союзника рассматривалась Пруссия. Разумеется, французские политики не были заинтересованы в том, чтобы на восточных границах страны образовалось новое мощное государство, однако полагали невозможным объединение Германии без согласия Франции. Наполеон III считал Пруссию потенциальным сателлитом, который сможет играть роль противовеса Австрии и, возможно, России.

Французские амбиции вызывали серьезную тревогу на другом берегу Па-де-Кале. Великобритания придерживалась «блестящей изоляции», однако политики в Лондоне, как обычно, пристально следили за происходящим на континенте и стремились не допустить чрезмерного усиления одной из держав, чреватого нарушением баланса сил. Пруссия также попадала в их поле зрения в качестве возможного противове-

са Второй империи. В связи с этим британский кабинет был объективно заинтересован в усилении королевства Гогенцоллернов.

Российская империя стремилась выйти из международной изоляции и пересмотреть наиболее тяжелые и унижительные для нее положения Парижского мира 1856 года. Сделать это было непросто. Враждебная позиция Венского правительства в году Крымской войны серьезно ухудшила австро-российские отношения, а противоречия на Балканах не оставляли надежд на их быстрое улучшение. Попытка сотрудничать с Францией, предпринятая в конце 1850-х годов, по ряду причин закончилась провалом. Французские политики не спешили пересматривать условия Парижского мира — а именно в этом заключалась основная задача российской дипломатии. Кроме того, Польское восстание 1863 года в очередной раз обострило отношения России с Австрией и Францией. Отношения с Великобританией в возрастающей степени определялись начавшейся «Большой игрой» — соперничеством на Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Азии.

Единственным возможным партнером для Петербурга становился Берлин. Династические связи и сотрудничество при подавлении восстания в Польше (скорее декларативное, чем реальное) создавали благоприятный климат в отношениях двух держав, хотя значение двух этих факторов обычно переоценивается. Представители российской элиты, включая императора Александра II, без особого энтузиазма смотрели на перспективы усиления Пруссии. Проблема заключалась в том, что у российской дипломатии в сложившейся ситуации практически не было выбора, если она действительно собиралась достичь заявленных целей. Усиление королевства Гогенцоллернов способствовало ослаблению противников России и позволяло петербургским дипломатам пересмотреть сложившийся после Крымской войны баланс сил в свою пользу.

Главным препятствием на пути реализации германских амбиций прусского руководства традиционно являлась Ав-

стрия. После 1850 года отношения двух держав представляли собой весьма своеобразную смесь из соперничества в одних вопросах и сотрудничества в других. В обществе и правящей элите Австрии и Пруссии было широко распространено представление о «кровном родстве» двух немецких держав, о том, что конфликты между ними носят «семейный» характер, а в борьбе против иностранной угрозы Берлин и Вена должны выступать единым фронтом, как это было в 1813—1815 годах. Однако в то же время в Вене ревниво следили за всеми попытками берлинских политиков усилить влияние своей страны в Германии. Австрийские дипломаты стремились заставить своих прусских коллег играть роль младших партнеров. Проблема заключалась в том, что в начале 1860-х годов Австрийская империя переживала не лучшие времена. Внутренние проблемы, поражение в Итальянской войне, практически полное отсутствие значимых союзников — все это приводило к тому, что возможности противостоять усилению Пруссии были весьма ограниченными.

Таким образом, к началу 1860-х годов у прусского руководства появилось «окно возможностей» для значительного усиления своей страны. Однако такую ситуацию еще нужно было суметь использовать. Быстрый экономический рост 1850-х годов стал для этого важной предпосылкой. Проблема заключалась в том, что к концу десятилетия Пруссия оказалась в полосе глубокого политического кризиса.

Поводом для последнего стал проект военной реформы, который встретил серьезное сопротивление у либералов, составлявших большинство в нижней палате прусского парламента (ландтага). Реформа предусматривала усиление армии и рост военных расходов, в первую очередь в связи с увеличением числа линейных полков за счет формирований ландвера (в России этот термин не очень точно, но и не без оснований переводили как «ополчение»). Либералы, считавшие ландвер воплощением принципа «народной армии», справедливо усматривали в планах короля и его окружения не только военный, но и политический аспект. На смену политически неблагонадежным ополченцам должны были прийти

вымуштрованные солдаты, абсолютно лояльные своему монарху. Вильгельм I, ставший прусским королем в 1861 году, рассматривал армию как свой личный домен и не собирался терпеть вмешательство парламента.

Ландтаг был не в состоянии повлиять на реформу как таковую, но в его власти было не утвердить бюджетные ассигнования, необходимые для усиления армии. Разумеется, причины противостояния были гораздо глубже; «военный конфликт» достаточно быстро перерос в «конституционный конфликт», борьбу за власть между королевским правительством и либералами, стремившимися расширить права и влияние парламента. На пике конфликта, в октябре 1862 года, главой правительства был назначен Отто фон Бисмарк, пользовавшийся репутацией яркого реакционера. Обе стороны ожидали от него проведения жесткой линии в противостоянии с ландтагом.

На самом деле, будучи реалистично мыслящим политиком, Бисмарк попытался достичь приемлемого для обеих сторон компромисса. На первую встречу с депутатами он принес оливковую ветвь и предложил им поддержать правительство в обмен на активную германскую политику. «Не на либерализм Пруссии смотрит Германия, а на ее мощь, — заявил Бисмарк. — Пруссия должна сконцентрировать свои силы и держать их готовыми для благоприятного момента, который уже был упущен несколько раз. Границы Пруссии, установленные Венским конгрессом, неблагоприятны для здоровой государственной жизни. Не речами, не постановлениями большинства решаются великие вопросы времени — это было большой ошибкой 1848 и 1849 годов, — а железом и кровью».¹

Депутаты, однако, не поверили в искренность его намерений. Попытка достичь примирения провалилась, противостояние правительства и парламента достигло своего пика. Бисмарк вынужден был править без утвержденного законным путем бюджета. Ему оставалось вести постоянную борьбу за политическое выживание и в то же время надеяться, что рано или поздно удастся добиться крупного внешне-

политического успеха. Последний мог отвлечь внимание общественности от «конституционного конфликта» и сделать более уступчивыми либералов, мечтавших об объединении Германии.

На первых порах эта политика не принесла результатов, однако уже в 1863 году разразился Шлезвиг-Гольштейнский кризис, предоставивший Бисмарку прекрасную возможность осуществить свои планы. Причиной кризиса стало желание датского руководства теснее интегрировать северогерманское герцогство Шлезвиг, связанное с датской монархией личной унией. Решением Лондонского протокола 1852 года Шлезвиг и соседний Гольштейн, также находившийся во владении датского монарха, должны были оставаться автономными и неразрывно связанными между собой. Оба эти принципа теперь были нарушены датчанами. Германским общественным мнением это было воспринято как агрессия, и лозунг освобождения герцогств пользовался большой популярностью.

В начале 1864 года объединенная австро-прусская армия начала военные действия против датских войск на территории Гольштейна. Официально позиция «немецких держав» заключалась в защите постановлений Лондонского протокола. Причудливый союз Берлина и Вены объяснялся тем, что австрийские и прусские политики в данном случае не хотели уступать друг другу славу защитников общегерманских интересов и в то же время нуждались в поддержке друг друга, чтобы свести к минимуму шансы успешного вмешательства в конфликт со стороны других великих держав.

Действия союзной армии на первом этапе были не слишком успешными, и кампания затянулась. Однако дипломатическое вмешательство Британии и России не принесло никаких плодов в связи с неуступчивостью датчан. Механизм «Европейского концерта» не сработал. В итоге Дания потерпела поражение и лишилась северных герцогств.

Победа Австрии и Пруссии, вызвавшая ликование во всей Германии, решила одну проблему, но создала другую. Этой проблемой стала дальнейшая судьба герцогств. Простейшее

и наиболее популярное в обществе решение — создание нового германского государства — совершенно не устраивало Бисмарка, не видевшего в этом никакой выгоды для Берлина. В итоге герцогства остались под совместным управлением победителей. В 1865 году в Гаштейне была подписана конвенция, по которой Гольштейн переходил под управление Австрии, а Шлезвиг — Пруссии. Это было очередное промежуточное решение, принятое на фоне общего ухудшения австро-пруссских отношений.

В Пруссии правящая элита практически единогласно выступала за аннексию герцогств. Однако было очевидно, что сделать это вопреки воле Австрии не получится. После того, как несколько попыток добиться компромисса провалились, обе стороны начали готовиться к столкновению. В Берлине решение воевать было окончательно принято в начале 1866 года, хотя король продолжал колебаться и искать пути избежать вооруженного конфликта.

Бисмарк развернул активную дипломатическую подготовку предстоящей кампании. Россия, как уже говорилось выше, не имела ни малейшего повода вставать на защиту Австрии. Естественным союзником Пруссии являлась Италия, претендовавшая на находившуюся в границах Австрийской империи Венецию. Тайный наступательный союз с ней был подписан в марте 1866 года. Самой сложной задачей было обеспечить нейтралитет Франции. Дипломаты Второй империи рассматривали Германский союз как сферу своих интересов и весьма ревниво относились к возможному усилению одного из германских государств. Бисмарку удалось умело сыграть на французских амбициях, поддерживая тесный контакт с Наполеоном III и раскрывая перед ним заманчивые перспективы союза двух стран, а также намекая на возможные территориальные компенсации.

В то же время Бисмарк прекрасно понимал, что французские политики совершенно не заинтересованы в серьезном усилении Берлина. Предстоящая война против Австрии должна была закончиться как можно быстрее, чтобы не оставить третьим силам возможности для вмешательства. Кроме

того, такая «братоубийственная» война не пользовалась популярностью ни в Пруссии, ни в других германских государствах. Кризис в австро-прусских отношениях достиг своего пика в конце весны 1866 года, а в середине июня прусская армия начала боевые действия. Большинство малых и средних германских государств выступили в этой войне на стороне Вены.

Несмотря на непростое положение, в котором находилась Австрия, она продолжала оставаться серьезным и опасным противником. Однако союз с Италией, заставивший монархию Габсбургов разделить свои силы между двумя фронтами, и общее превосходство своей военной организации позволили Пруссии одержать быструю и решительную победу. 3 июля состоялось генеральное сражение при Садовой, 21 июля было заключено перемирие, а пять дней спустя — прелиминарный мирный договор. Попытка французских дипломатов вмешаться в происходящее не увенчалась успехом, хотя Бисмарку пришлось приложить для этого определенные усилия.

Согласно условиям мира, Германский Союз ликвидировался, Австрия фактически отказывалась от каких-либо претензий на влияние на другие германские государства. Пруссия становилась на этом пространстве естественным гегемоном. Помимо этого, Бисмарк осуществил обширные приращения прусской территории за счет аннексии ряда противников Пруссии в центральной части Германии. Это вызвало недовольство в Париже и Петербурге, однако прусской дипломатии удалось успокоить европейские столицы.

Победа над Австрией позволила Бисмарку также разрешить внутривосточный кризис и значительно укрепить свои позиции в качестве фактического руководителя страны. Прусский ландтаг принял решение об «индемнитете» — освобождении правительства от ответственности за годы безбюджетного правления. В 1867 году под эгидой Пруссии был сформирован Северогерманский союз — конфедерация, объединившая германские государства к северу от реки Майн. Более сложной задачей была интеграция южногерманских

государств, население которых в большинстве своем весьма скептически относилось к Пруссии. Кроме того, окончательное объединение Германии с неизбежностью должно было встретить решительное сопротивление Франции.

Победа Пруссии над Австрией встревожила Париж, а произошедший в том же 1867 году Люксембургский кризис окончательно убедил французскую политическую элиту в том, что Пруссия не только опасно усиливается, но и не собирается идти на поводу у Парижа. Новая война показалась на горизонте. Поводом к кризису стало желание французского императора Наполеона III купить Люксембург у голландского короля. Сделка вызвала резко негативную реакцию германской общественности и протесты со стороны прусского руководства. В течение некоторого времени дипломатический конфликт грозил перерасти в войну. В конечном итоге французская сторона была вынуждена отказаться от своих планов.

Среди историков до сих пор идут споры о том, следовал ли Бисмарк в своей внешней политике некому заранее рассчитанному плану объединения страны, включавшему в себя поэтапный разгром противников, или принимал стратегические решения только в зависимости от конкретной ситуации, не определяя ни конечной цели, ни сроков ее достижения. На самом деле, истина, как это часто бывает, лежит посередине: политик уровня Бисмарка не мог действовать, не имея стратегического плана, однако в то же время этот план был гибким, подразумевал наличие различных вариантов и мог меняться в зависимости от конкретной обстановки.

1867—1870 годы были временем активной дипломатической борьбы между Францией и Пруссией. Проблема заключалась в том, что к обеим державам отношение в Европе было весьма настороженным. Другим значимым игрокам было в равной степени невыгодно усиление как одной, так и другой, грозившее серьезно нарушить европейский баланс сил. Естественным союзником Парижа, казалось, должна была стать Вена, однако австрийские политики в этот период столкнулись с серьезным внутренним кризисом, опасались

вмешательства России и не собирались вновь влезать в военную авантюру. Франко-австрийские переговоры в итоге не привели ни к какому результату. С другим потенциальным союзником, Италией, у французов возникли разногласия по вопросу о Папской области с центром в Риме, гарантом существования которой выступал Наполеон III.

Перед прусскими дипломатами стояла в какой-то мере более простая задача, нежели перед их французскими коллегами. Бисмарку достаточно было просто добиться нейтралитета великих держав, в то время как Наполеон III искал союзников, которые могли бы оказать, по крайней мере дипломатическое давление на Берлин.

В Великобритании с 1868 года у власти находился кабинет Гладстона, уделявший первоочередное внимание внутренним проблемам страны. Кроме того, британские политики не видели ничего плохого в ослаблении своей извечной соперницы — Франции. В Петербурге после определенных размышлений также решили, что ставка на Пруссию принесет больше дивидендов. Свою роль сыграла и дипломатия Наполеона III, стремившегося одержать однозначную дипломатическую или военную победу над своим соперником.

Тем временем попытка осуществить постепенную интеграцию южногерманских государств при помощи обновленного Таможенного союза провалилась. Более того, к югу от Майна усиливалось влияние партикуляристов, выступавших за сохранение независимости и против всякого сближения с Пруссией. Казалось, перспектива окончательного объединения Германии отодвигается на неопределенное время. Сам Бисмарк утверждал в мае 1868 года: «У нас у всех в сердце национальное единство, но расчетливый политик должен сначала делать необходимое и только потом желательное, то есть сначала обустроить дом, а затем уже думать о его расширении. Если Германия осуществит свою национальную цель уже в XIX столетии, это будет нечто великое. А если это произойдет в течение десяти или даже пяти лет, это будет исключительное событие, нежданная милость Господа».²

В то же время велась активная работа по «внутреннему обустройству» Северогерманского союза. Один за другим принимались все новые законы, призванные обеспечить единство нового государственного образования и его прогрессивное развитие. Речь шла о едином уголовном и коммерческом законодательстве, единстве мер и весов, свободе передвижения и предпринимательской деятельности, свободе формирования общественных организаций и других мероприятиях. По словам немецкого историка Эберхарда Кольба, все это привело к тому, что «Северогерманский союз в кратчайшие сроки получил самое современное экономическое и социальное законодательство в тогдашней Европе».³ В значительной степени этого удалось добиться благодаря сотрудничеству правительства с правым крылом либералов.

И все же пауза на пути к окончательному объединению Германии не затянулась надолго. Решающее влияние на этот процесс оказала война с Францией. Поводом к ее началу послужила проблема вакантного испанского престола, которую обе стороны решили использовать для достижения своих целей. Выдвижение кандидатуры дальнего родственника прусского короля вызвало острую реакцию в Париже. Несмотря на последующий отзыв кандидатуры, кризис продолжал развиваться; в этом были заинтересованы и Бисмарк, и французские политики. В июле 1870 года Франция объявила войну Северогерманскому союзу. Агрессия со стороны «наследственного врага» повлекла за собой национальный подъем во всей Германии. Связанные с Берлином тайными оборонительными союзами, южногерманские государства включились в боевые действия. Из франко-прусской война мгновенно стала франко-германской.

Уже в начале сентября французские армии были разгромлены, а в Париже произошла революция, уничтожившая режим Второй империи. Тем не менее, война продолжалась еще несколько месяцев — почувствовав вкус победы, прусские политики и военные не собирались завершать кампанию на основе «статус-кво» и требовали присоединения Эльзаса и Лотарингии. После безуспешных попыток организовать со-

противление новое республиканское правительство вынуждено было 26 февраля подписать прелиминарный мир, согласившись на поставленные условия.

К этому моменту на карте Европы уже появилось новое государство. Уже после первых побед над французской армией Бисмарк начал переговоры с представителями южногерманских монархий. Развивались они непросто, однако в ноябре были подписаны соглашения о присоединении Баварии, Бадена, Вюртемберга и Гессена к Северогерманскому союзу. Итогом стало провозглашение 18 января 1871 года Германской империи в Версале, на территории почти поверженного противника. Открылась новая страница в истории как Германии, так и всей Европы.

СТРУКТУРЫ НОВОЙ ИМПЕРИИ

Империя, созданная в 1871 году, по своей сути не представляла собой ничего радикально нового. Ее основным законом, в частности, стала слегка адаптированная конституция Северогерманского союза. Проект этого документа был написан лично Бисмарком. Впоследствии конституция не раз удостаивалась самых нелестных характеристик. Наследник прусского престола кронпринц Фридрих Вильгельм называл ее «тщательно прилаженным хаосом».¹ Историк Вольфганг Моммзен говорил о «системе непринятых решений».² Все это справедливо — по меньшей мере отчасти. Однако, оценивая конституцию, необходимо принимать во внимание ту ситуацию, в которой она создавалась.

Новая Германская империя была плодом компромисса. С одной стороны, это был компромисс между стремлением прусской элиты к гегемонии и желанием южногерманских элит сохранить особые права и привилегии. С другой стороны, это был компромисс между старой аристократической элитой во главе с монархом и новой буржуазной элитой по вопросу о власти в государстве.

Имперская конституция, вступившая в силу в мае 1871 года, была небольшой по объему и регулировала лишь основные вопросы государственного устройства. Предпринятая группой католических депутатов попытка включить в нее раздел, посвященный правам и свободам граждани-

на, окончилась неудачей. Бисмарк считал, что главное на текущий момент — зафиксировать ключевые параметры нового государства, а все остальное можно будет сделать позднее.

Что же это были за параметры? Начать следует с того, что Германская империя фактически являлась федерацией, состоявшей из 26 государств-членов (плюс имперская земля Эльзас-Лотарингия, обладавшая особым статусом). Размеры этих государств варьировались в весьма широком диапазоне. Так, Пруссия занимала 65 процентов территории всей империи, здесь же проживало почти две трети населения страны. На другом конце спектра находилось крошечное княжество Шаумбург-Липпе, где на территории в 340 квадратных километров (в тысячу раз меньше Пруссии) проживало около 40 тысяч человек (примерно 0.1 процента населения империи).³ Преобладание Прусского королевства, естественно, ощущалось во всех сферах, поэтому современники часто рассматривали новую империю как очередной этап расширения державы Гогенцоллернов. Некоторые современные историки придерживаются той же точки зрения. «Иных целей, кроме создания прусской гегемонии над другими союзными государствами и укрепления монархического принципа — прежде всего в отношении прусского короля — федерализм Бисмарка никогда не преследовал», — пишет, к примеру, Манфред Рай.⁴

Ключевой задачей «железного канцлера» было, однако, не только обеспечить прусскую гегемонию в империи, но и сохранить ключевую роль традиционных элит. Германское национальное государство создавалось не волей народа, а желанием немецких монархов, которые фактически и являлись носителями суверенитета. В их руках оставалось право принимать принципиальные решения, связанные с судьбой империи. Впоследствии, играя с мыслью о радикальном изменении конституции в обход парламента, Бисмарк опирался именно на этот тезис — немецкие монархи создали единую Германию, они же обладают правом ее «распустить» или перестроить.

Каждый «субъект федерации» имел свое правительство, парламент, конституцию. Какой-либо единой нормы не существовало; в то время как в одних государствах действовало всеобщее избирательное право, в других выборы в местные парламенты носили цензовый характер, а в двух мекленбургских герцогствах вплоть до 1918 года вообще существовали сословные представительства средневекового образца. В руках правительств отдельных государств — членов империи — остались многие сферы компетенции. Они обладали юрисдикцией практически во всех областях, касавшихся повседневной жизни гражданина — образования, здравоохранения, обеспечения общественного порядка. Каждое государство — член империи — располагало собственным бюджетом, в который шла значительная часть поступавших налогов. Единый имперский бюджет зависел от так называемых «матрикулярных взносов» — поступлений от отдельных государств.

Степень самостоятельности государств — членов империи — вовсе не была одинаковой. Наиболее широкие права смогли выторговать себе осенью 1870 года баварцы. Здесь даже вооруженные силы в мирное время оставались под командованием короля, существовало свое военное министерство, а также министерство иностранных дел. Тем не менее, на практике эти права оказывались с течением времени все менее значимыми.

Имперская земля Эльзас-Лотарингия находилась на особом положении. Фактически это была провинция империи, которой управлял назначенный в Берлине штатгальтер. У местных жителей не было своего парламента. Германская политика в отношении «освобожденных братьев» отличалась двойственностью. С одной стороны, их стремились как можно скорее сделать «настоящими немцами», с другой — не желали предоставлять равные политические права. Несмотря на то, что после окончания войны всем желающим была предоставлена возможность эмигрировать во Францию, большинство оставшихся жителей Эльзас-Лотарингии негативно относились к прусскому владычеству. Неудивительно,

что в рейхстаг от имперской земли избирали практически исключительно сторонников автономии. В 1874 году глава эльзас-лотарингской фракции в рейхстаге в первом же выступлении заклеил аннексию как грубое нарушение права и справедливости.

В компетенции имперских властей находились полномочия в сфере внешней политики и обороны, уголовного и гражданского права, а также ряд экономических и финансовых вопросов. В дальнейшем наблюдалась четкая тенденция к сосредоточению все большего числа властных полномочий в Берлине. Стоит отметить, что, вопреки расхожему стереотипу о немцах как фанатичных приверженцах порядка, полномочия различных органов власти зачастую не были строго разделены на бумаге, и границы между ними регулировались сложившейся практикой. Причем это касается всех систем государственного устройства, существовавших в Германии на протяжении последних полутора столетий — от Второй империи до современной ФРГ.

Воплощением федеративной структуры империи являлся бундесрат («союзный совет»). Он состоял из представителей отдельных государств, образовавших Германскую империю. Через него последние должны были участвовать в управлении Германией, поэтому формально именно бундесрат являлся центральным властным институтом страны. Он обладал исполнительной, законодательной и судебной властью, но чаще всего выступал в роли верхней палаты германского парламента. Участие в законодательной деятельности являлось одним из важнейших полномочий бундесрата — без его согласия не мог быть принят ни один закон. Согласие союзного совета требовалось также при роспуске рейхстага, объявлении войны и заключении мира.

В рамках бундесрата каждое государство обладало определенным числом голосов: от одного (мелкие княжества) до семнадцати (Пруссия). Общее число голосов равнялось 58. Можно легко заметить, что вес прусского королевства в этом органе был значительно меньше, чем в стране в целом. Однако прусские представители могли, во-первых, блокировать

любое изменение конституции (для него требовалось 44 голоса). Во-вторых, большинство малых государств, как правило, поддерживали Пруссию — серьезная оппозиция могла ожидаться разве что со стороны южногерманских монархий. Как показала дальнейшая практика, бундесрат фактически находился под прусским контролем.

Изначально Бисмарк собирался сделать именно союзный совет главным органом власти в империи, возложив на него функции правительства. Поэтому центральные органы исполнительной власти были изначально весьма невелики и явно не соответствовали той роли, которую им предстояло играть. В дальнейшем планы «железного канцлера» изменились, и ему пришлось оперативно выстраивать имперский административный аппарат. Бундесрат же вел все более «теневое существование», блокируя неугодные правительству решения парламента.

Главой Германской империи являлся император (кайзер). Этот титул принадлежал прусскому королю из династии Гогенцоллернов. Он обладал весьма широкими полномочиями. В его руках находились внешняя политика (заключение договоров и союзов, вопросы мира и войны) и армия (император являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами Германской империи). Он имел право по собственному усмотрению назначать главу правительства — канцлера — и других высших имперских чиновников, созывать, распускать и прерывать работу парламента. Несмотря на то, что он непосредственно не участвовал в законодательной деятельности, все законы публиковались от его имени. Впрочем, формально не обладая правом вето, он на практике всегда мог реализовать его как прусский король через бундесрат. Одной из важнейших привилегий императора было право интерпретации конституции, что в условиях неполноты и противоречивости последней могло стать исключительно эффективным инструментом власти. Большое значение в системе государственных органов играли стоявшие вне всяких конституционных рамок военный и гражданский кабинеты кайзера.

Вильгельм I, ставший первым германским императором, в 1871 году был уже весьма пожилым человеком — ему исполнилось 74 года. На прусский престол он попал лишь в связи с бездетностью своего старшего брата. Поэтому в молодые годы его никогда не готовили к тому, чтобы встать во главе страны; как и все младшие принцы в династии Гогенцоллернов, он воспитывался для военной карьеры. Это наложило огромный отпечаток на его психологию. Приверженец старых монархических традиций, Вильгельм I всегда уделял армии особое внимание, считая ее своим личным доменом. «Бывший генерал, носивший изо дня в день военную форму, он в роли главы государства ощущал себя в первую очередь военачальником», — пишет о нем Гельмут Зайер.⁵ Очень скромный в быту, не слишком счастливый в личной жизни, он был человеком достаточно ограниченным и не всегда проявлявшим необходимую твердость.

Вильгельм I вовсе не был марионеткой в руках Бисмарка (как это иногда представляют), однако был искренне привязан к своему паладину и приходил в ужас при мысли о необходимости расстаться с ним. Это в дальнейшем позволяло «железному канцлеру» не раз шантажировать императора своей отставкой. Говорят, однажды в беседе с одним из своих приближенных Вильгельм I горько вздохнул и признался: «Нелегко быть императором при таком канцлере».⁶ «Как Вы могли даже подумать о том, что я могу согласиться с этой мыслью! Самое большое мое счастье — жить одновременно с Вами и находиться с Вами в прочном согласии, — так отреагировал Вильгельм на просьбу Бисмарка об отставке в 1869 году. — Ваше имя стоит в прусской истории выше имени любого другого государственного деятеля. И такого человека я должен отправить в отставку? Никогда!»⁷

Важную роль в германской политике, никак не отраженную в конституции, играло окружение кайзера — императорский двор. Не являясь органом государственной власти в строгом смысле слова, он был своего рода элитарным клубом, объединявшим многих крупных представителей политической элиты. Наибольшую роль при дворе играла, разуме-

меется, прусская аристократия, представители которой часто занимали ключевые посты в государственном аппарате. Впрочем, даже не находясь формально на государственной службе, они обладали большим влиянием в правящей элите.

Благодаря доступу к монарху прусские аристократы (особенно консервативные остэльбские землевладельцы) могли оказывать серьезное влияние на германскую политику. При дворе они часто образовывали группировки, концентрировавшиеся вокруг сильных лидеров или представителей монаршего семейства. В качестве примера можно назвать придворную группировку, сложившуюся вокруг императрицы Аугусты, супруги Вильгельма I. Люто ненавидевшая Бисмарка, Аугуста собирала вокруг себя его политических противников и серьезно осложняла ему политическую деятельность.

Главой правительства — и единственным министром — являлся имперский канцлер. Несмотря на то, что он считался «ответственным министром», никакой реальной ответственности в современном смысле слова перед парламентом канцлер не нес. Его пребывание на своем посту зависело исключительно от воли кайзера. Формально канцлер был проводником политики императора, но при этом обладал достаточно серьезными полномочиями. Зависимость министра от императора оборачивалась одновременной зависимостью императора от него. В частности, канцлер должен был ставить свою подпись на всех распоряжениях кайзера, касавшихся сферы деятельности правительства, таким образом разделяя ответственность за них.

Изначально Бисмарк не придавал этому посту большого значения, считая канцлера простым администратором. Он даже собирался — еще во времена Северогерманского союза — назначить на этот пост дипломата Карла фон Савиньи. Сам он планировал оставаться главой прусского правительства и с этой позиции управлять всей федерацией. Однако затем планы изменились, и Бисмарк лично занял этот пост, которому в дальнейшем постарался придать как можно больше веса. Немецкий историк Томас Ниппердей говорит о том, что он «взял на себя важнейшие властные функции монарха».⁸

Канцлер был единственным связующим звеном между императором, прусским государственным министерством, бундесратом и парламентом. Это делало его позицию в определенной степени уязвимой, но в то же время открывало перед ним весьма широкие возможности. Концентрация власти в руках канцлера еще больше возрастала в связи с тем, что он (практически бессменно) являлся одновременно главой прусского правительства.

Не стоит, впрочем, забывать о том, что реальный объем власти имперского канцлера во многом определялся личным фактором — отношениями с монархом. В эпоху Бисмарка глава правительства располагал большим объемом реальных полномочий, преемники «железного канцлера» находились в менее благоприятной ситуации, во многом из-за желания молодого императора Вильгельма II самостоятельно контролировать внутреннюю и внешнюю политику империи.

Изначально Бисмарк не считал необходимым создавать систему имперских ведомств. Ему представлялось достаточным наличие сравнительно небольшого ведомства имперского канцлера. Во всех частных вопросах он планировал опираться на прусские министерства. Отчасти так и получилось; к примеру, прусское военное министерство вплоть до 1918 года играло роль имперского. Однако довольно скоро выяснилось, что создание центрального административного аппарата все-таки необходимо. Уже в 1871 году было создано имперское ведомство иностранных дел; вскоре за ним последовали и другие. Во главе этих ведомств, однако, стояли не самостоятельные министры, а чиновники рангом ниже — статс-секретари. Тем самым Бисмарк стремился укрепить свое центральное положение в системе органов власти новой империи.

В отличие от других органов власти, однопалатный парламент — рейхстаг — носил ярко выраженный общеимперский характер и был, по словам немецких историков, «в высшей степени современным институтом».⁹ Он формировался на основе прямого, равного и всеобщего избирательного права. Всеобщее избирательное право было введено по настоянию Бисмарка ещё в 1867 году; этой мерой он рассчитывал,

с одной стороны, завоевать популярность у сторонников демократизации политической системы, а с другой — получить послушное парламентское большинство. «Железный канцлер» полагал, что простые люди в большинстве своем консервативны и верны монарху.

Территория страны была разбита на 382 избирательных округа (с 1874 года к ним добавилось еще 15 эльзас-лотарингских), каждый из которых направлял в парламент одного депутата, получившего большинство голосов. Если никто из кандидатов не получал абсолютного большинства в первом туре, между двумя лидерами гонки проводился второй. Мажоритарная система благоприятствовала политическим силам, имевшим ярко выраженную региональную привязку. Кроме того, она способствовала попаданию в рейхстаг депутатов, имевших сильные позиции в рамках конкретного округа, и уменьшала значение партийных организаций.

Депутаты не получали никакого вознаграждения за свою деятельность; на этом настоял лично Бисмарк, считавший, что тем самым ставит заслон на пути «профессиональных политиков». Границы округов были установлены в соответствии с численностью населения на 1867 год и в дальнейшем не менялись. Учитывая внутреннюю миграцию и бурную урбанизацию, это уже в 1880-е годы привело к тому, что в разных округах число избирателей могло отличаться в разы. В целом при распределении округов восточные районы получили преимущество перед западными, сельские — перед городскими, центры городов — перед рабочими окраинами.

Важнейшей функцией рейхстага являлась законодательная. Без обсуждения и одобрения в рейхстаге не мог пройти ни один закон. Одним из важнейших инструментов власти в руках рейхстага являлось также так называемое «бюджетное право», суть которого заключалась в обязательном принятии бюджета парламентом. Серьезный ущерб властным полномочиям палаты наносил тот факт, что имперское правительство не было ни в какой степени ответственно перед рейхстагом. Хотя парламент теоретически мог обсуждать любой вопрос, это не могло иметь никаких непосредствен-

ных последствий для правительства. Несмотря на то что канцлер считался «ответственным министром», вынесение ему вотума недоверия было невозможным. Все это существенно ослабляло парламент и лишало представленные в нем политические силы какого-либо стимула к формированию устойчивого большинства.

Хотя Бисмарк при написании конституции стремился всячески ограничить власть парламента, влияние рейхстага на общество в действительности оказалось весьма значительным. Его заседания были открытыми и становились достоянием широкой общественности. Дебаты в парламенте, выступления представителей политических партий нередко оказывались в центре внимания всей страны. К примеру, хотя рейхстаг не имел полномочий принимать какие-либо решения в области внешней политики, он мог обсуждать действия правительства в этой сфере, оказывая значительное влияние на общественное мнение и вынуждая органы исполнительной власти считаться с точкой зрения партийных политиков.

Реальное влияние парламента на политику Второй империи до сих пор является предметом споров. Одни говорят о нем как о фиговом листке абсолютизма, другие называют Германию «почти парламентской демократией».¹⁰ Обе эти точки зрения излишне радикальны. Рейхстаг, безусловно, был парламентом с весьма ограниченными полномочиями. Однако для проведения успешной внутренней политики правительству было необходимо опереться на большинство в палате. Бисмарк, безусловно, нуждался в поддержке со стороны рейхстага. Это, а также растущее значение парламента в качестве «форума нации», придавало ему серьезный вес в системе государственных институтов. Однако, даже если «железному канцлеру» не всегда удавалось навязать парламенту свою волю, рейхстаг, в свою очередь, был в принципе не в состоянии диктовать ему курс правительственной политики. В руках кайзера и канцлера было гораздо больше власти, чем в руках депутатов.

Большинство парламентариев принадлежали к той или иной политической партии. В начале 1870-х годов последние

были по большей части достаточно аморфными группировками, лишенными четкой организационной структуры. Макс Вебер в свое время охарактеризовал их как «партии уважаемых людей». Они, по сути, представляли собой сообщества представителей элиты и среднего класса, пользовавшихся авторитетом и влиянием в обществе и благодаря этому побеждавшим на выборах. В большинстве партий личности играли гораздо более значительную роль, чем программные установки. Неудивительно, что в парламент попадали в первую очередь представители элиты. По данным Августа Бебеля, из 382 депутатов первого общегерманского рейхстага 11 были князьями и принцами, 34 — графами, 103 — дворянами и примерно 100 — государственными служащими.¹¹ Лишь около 30 депутатов являлись коммерсантами, и лишь один — ремесленником.

Партийная деятельность в современном смысле слова часто не велась, у партий не было программных документов и отделений на местах, активность была сосредоточена вокруг парламентских фракций. Идеология часто была достаточно аморфной, внутри одной и той же партии нередко находились люди с очень различными взглядами, переход из одной партии в другую был обычным делом. Зачастую лишь после выборов депутат решал, к какой из существующих фракций в парламенте он присоединится. Эпоха массовых партий современного типа была еще впереди.

Отсутствие реальной правительственной ответственности лишало партии важного стимула к объединению и формированию коалиций, а отсутствие «входного барьера» на выборах помогало малым и локальным партиям получать мандаты. В итоге в рейхстаге было одновременно представлено около десятка партий. Политические движения имели весьма расплывчатые установки по различным конкретным вопросам и во многих случаях могли с легкостью менять их или идти на компромиссы.

Процесс раскола старых и формирования новых партий продолжался в течение всей истории Второй империи. При этом идеологические вопросы часто имели ярко выражен-

ный приоритет перед соображениями практической политики. Лидеры партий прекрасно знали, что в их руках вряд ли когда-нибудь окажутся рычаги исполнительной власти. Как писал знаменитый историк и либеральный политик Генрих фон Зибель еще в 1871 году, «среди парламентских партий невозможно формирование школы государственных мужей, обладающих способностью управлять большим государством».¹²

В начале 1870-х годов можно говорить о трех основных партийных группах, представленных в рейхстаге. Первая — консервативная — делилась, в свою очередь, на две части. Прусские консерваторы были достаточно аморфной группировкой, которая только в 1876 году получила четкое организационное оформление. Они представляли, в первую очередь, интересы остэльбских дворян-землевладельцев. Их основными ресурсами были власть и влияние в их избирательных округах и близость к правящей элите. Консерваторы без особого восторга воспринимали произошедшие перемены, включая объединение Германии. Они были недовольны сотрудничеством Бисмарка с либералами и стремились усилить позиции традиционалистских институтов — монарха, церкви и армии.

Имперская (Свободная консервативная) партия отличалась лояльностью правительству. Фактически она была «партией Бисмарка». Благодаря присутствию в ее рядах большого количества чиновников и дипломатов она также получила неофициальное прозвище «партии посланников».¹³ Важную роль играли в ней крупные землевладельцы и промышленники, приветствовавшие объединение Германии. Имперская партия пользовалась поддержкой, прежде всего, в наиболее развитых экономически областях Пруссии — Рейнской провинции и Силезии. Даже по меркам 1870-х годов партия отличалась аморфностью. Партийной организации не существовало, деньги приходилось собирать за счет пожертвований для решения каждой конкретной задачи. Один из руководителей партии называл деятельность в ее рядах «самым неблагодарным из всех занятий».¹⁴ Каждый кандидат вел

предвыборную кампанию самостоятельно и за свой счет. Некоторые из них и вовсе пренебрегали какой-либо предвыборной борьбой, предоставляя громкому имени и властному ресурсу делать всю работу за них.

Вторую группу составляли три либеральные партии. Либеральные партийные организации появились в Германии в период революции 1848 года и с тех пор играли значительную роль. Основными лозунгами либералов были единство и свобода. В 1866 году они раскололись на тех, кто принял лозунг «через единство к свободе», и тех, кто не мыслил одного без другого. Тем не менее, в начале 1870-х годов различия между либеральными партиями проявлялись больше в центре, нежели на местах, где зачастую продолжали существовать единые организации (например, в Баварии и Бадене, где объединяющую роль играл антикатолицизм).

В идейном багаже всех либералов оставалось немало общих целей: свобода, индивидуализм, конституционализм, гуманизм, буржуазные идеалы вместо феодальных, реформизм, антиклерикализм и свободная торговля. Их важнейшими требованиями были рост полномочий парламента, ответственность министров и бюджетное право. Либеральные партии, как правило, не располагали постоянной организационной структурой на местах и чёткой электоральной базой, в период между выборами агитация практически не велась. Осложняло либералам путь в массы и то обстоятельство, что они воспринимали себя «как единственно легитимную политическую партию», «единственную политическую альтернативу для разумных просвещённых людей».¹⁵

Основной социальной базой либералов всех направлений были средние слои города и деревни — мелкая и средняя буржуазия, интеллигенция, зажиточное крестьянство — но также рабочие, ремесленники и мелкое крестьянство. «Ядром» либеральных сил называли образованный средний класс. Объединение Германии либералы воспринимали как свою победу, рассчитывая на то, что в дальнейшем будут играть возрастающую роль в жизни страны.

Либеральная имперская партия была по своим программным установкам близка к Имперской, но пользовалась поддержкой в первую очередь за пределами Пруссии. Слегка утрируя, можно сказать, что ее основной идеей была поддержка действующей власти. Аморфная структура и отсутствие собственного профиля привели к тому, что в середине 1870-х годов партия практически прекратила свое существование, а ее члены примкнули либо к свободным консерваторам, либо к национал-либералам.

Национал-либеральная партия была самой мощной из представленных в рейхстаге политических сил. Фактически она представляла ту часть либералов, которые в середине 1860-х годов пошли на сотрудничество с Бисмарком ради объединения страны. Новое государство национал-либералы воспринимали в значительной степени как свое детище. Они были уверены, что в дальнейшем политическая система будет постепенно реформирована в желаемом ключе. Национал-либералы считали необходимым конструктивное сотрудничество с правительством в деле формирования законодательной базы нового государства. Ради этого они готовы были идти на компромиссы. Они пользовались поддержкой прежде всего в малых и средних городах, среди среднего класса — буржуазии и лиц свободных профессий. Внутренне партия была неоднородной; в ней существовали левое и правое крыло. Тем не менее, в начале 1870-х годов центробежные тенденции еще не были ярко выраженными.

Левые либералы — прогрессисты — сохранили скептическую дистанцию по отношению к режиму Бисмарка. Приветствуя объединение страны, они, тем не менее, требовали демократизации политической системы. В программе от 25 сентября 1870 года содержались требования полноценного бюджетного права, ответственного министерства и сокращения срока военной службы.¹⁶ Помимо этого, прогрессисты выступали за независимость юстиции, разделение церкви и государства, самоуправление на современной основе. Своих избирателей партия находила в основном в крупных городах, в среде мелкой буржуазии и чиновничества, интеллиген-

ции и ремесленников. Оставаясь в целом в оппозиции, прогрессисты, однако, были готовы сотрудничать с правительством в проведении необходимых с их точки зрения реформ. «Большие цели, которые германская Прогрессивная партия преследовала с момента своего основания, еще не достигнуты, — значилось в предвыборном воззвании 1873 года. — Потребуется длительная и серьезная работа для того, чтобы заполнить пробелы имперской конституции и имперского законодательства в духе истинно конституционного развития».¹⁷

Третью группу партий можно условно назвать «оппозицией меньшинства». К ней относились достаточно разнородные силы, которые, тем не менее, объединяло скептическое отношение к новой империи. Их невозможно однозначно отнести ни к левому, ни к правому спектру; программные установки этих политических сил, если они вообще существовали, были весьма размытыми. Название этой группы объясняется тем, что практически каждая из партий представляла конфессиональное или национальное меньшинство, составлявшее ее электоральную базу.

Наиболее крупной силой в этой группе была партия Центра. Не являясь центристской в прямом смысле слова, она представляла интересы германских католиков. В новой империи католики составляли меньшинство (чуть больше трети населения) и преобладали, в первую очередь, на юге Германии. Здесь было широко распространено недовольство гегемонией протестантской Пруссии и опасения, что католики будут в новой империи гражданами второго сорта. Созданная католическими политиками в 1870 году, партия Центра противостояла централизации и защищала права Церкви. Практически сразу же это привело к противостоянию с Бисмарком и поддерживавшими его либералами. Многие программные установки Центра носили консервативный характер, однако главной целью партии было получить поддержку всех слоев населения.

Партия Центра стала первой политической силой, которая приблизилась к тому, чтобы стать массовой партией

современного типа. Опора на церковную организацию позволяла создать достаточно стройную и централизованную структуру, разительно отличавшуюся от аморфных «партий уважаемых людей». Томас Ниппердей называл Центр «народной партией, объединявшей различные сословия и классы, связывавшей между собой различные интересы и профессиональные группы».¹⁸

К партии Центра примыкали, как правило, депутаты, представлявшие национальные меньшинства: поляки из восточных областей Пруссии и датчане из Шлезвига. Сюда следует добавить и так называемых «вельфов» — сторонников свергнутой династии из аннексированного Пруссией в 1866 году Ганноверского королевства. В 1874 году, когда парламентские выборы впервые прошли в Эльзас-Лотарингии, все пятнадцать депутатов от имперской земли образовали отдельную группу, также примыкавшую к Центру.

К «оппозиции меньшинства» можно было бы отнести и еще одну небольшую группу — представителей двух существовавших на тот момент в Германии социал-демократических партий. Речь идет о Всеобщем германском рабочем союзе («лассальянцах») и Социалистической рабочей партии («эйзенахцах»). Только в 1875 году на Готском съезде они объединились, создав Социал-демократическую рабочую партию. В начале 1870-х годов социал-демократы еще не пользовались массовой поддержкой; однако, в отличие от партий третьей группы, они стремились представлять не какое-либо меньшинство, а всех германских трудящихся, в первую очередь стремительно увеличивавшийся городской пролетариат. Сотрудничать с Центром и национальными меньшинствами они также не стремились, занимая особое место в партийной системе. Со временем социал-демократы станут сильнейшей партией Второй империи; но в начале 1870-х годов до этого оставался еще весьма долгий путь.

Первые выборы в общегерманский парламент состоялись 3 марта 1871 года. Явка была достаточно низкой — на избирательные участки явилось чуть больше половины имевших право голоса. Наибольшую активность проявляли предста-

вители средних слоев населения. В этой ситуации, а также в условиях победной эйфории неудивительно, что победу одержали политические силы, поддерживавшие правительственный курс. Национал-либералы оказались фаворитами гонки, получив более 30 процентов голосов и 125 мандатов. Еще 30 мест в палате заняли представители Либеральной имперской партии. Число депутатов-прогрессистов составило 45. Консерваторы всех направлений получили в общей сложности 95 мандатов. 60 мест в палате досталось партии Центра; еще 22 — региональным и национальным группам. Социал-демократы смогли провести в рейхстаг всего двух депутатов. Партии, поддерживавшие политический курс Бисмарка — Национал-либеральная, Либеральная имперская и Имперская — имели в общей сложности 194 места в парламенте, что составляло абсолютное большинство.

Отдельно следует назвать еще одну важную силу, официально стоявшую вне политики, но оказывавшую большое влияние на политические процессы в различных сферах. Речь идет о вооруженных силах, подчинявшихся непосредственно императору и по сути являвшихся «государством в государстве». Пользуясь этим, военная верхушка стремилась не только обеспечить себе независимость от «штатских» властей, но и оказывать значительное влияние на внешнюю и внутреннюю политику империи в годы мира. Военные претендовали на серьезное влияние, прежде всего, в области внешней политики, считая себя непререкаемыми авторитетами в вопросах национальной безопасности. По словам известного британского историка Гордона Крейга, «совет военных неизменно запрашивался, если на карте стояла безопасность страны, и даже когда его не запрашивали, он все равно давался».¹⁹

Правда, позицию армейской элиты серьезно ослабляло внутреннее соперничество между тремя основными «центрами власти» — прусским военным министерством, прусским Большим генеральным штабом и военным кабинетом императора. Министерство занималось в первую очередь организационными вопросами, Генштаб — стратегическим пла-

нированием, военный кабинет — кадровыми вопросами. Однако полномочия трех органов были разграничены не очень четко, что способствовало постоянной борьбе между ними.

Особое положение германской армии определялось и тем местом, которое она занимала в общественном сознании той эпохи. Овеянная славой побед 1864—1871 годов, она была окружена почётом и уважением. Воспринимавшаяся многими как один из основных творцов германского единства, армия была в значительной степени символом нации. Общественный статус военных был очень высок; военный дух пронизывал всё германское общество того времени. Армия воспринималась и пропагандировалась как «школа нации», её опора и защита. Несмотря на то что «милитаризм маленьких людей» в Германской империи значительно преувеличивался критически настроенными историками и публицистами, это явление действительно существовало и оказывало большое влияние на жизнь государства и общества.

В 1871 году все политические силы сознавали, что в Версале был заложен только первый камень здания нового государства. Впереди был сложный процесс, получивший название «внутреннего основания империи». Предстояло обеспечить действительное политическое, экономическое, законодательное единство страны. Однако рассказ о том, как это происходило, имеет смысл немного отложить, обратившись в первую очередь к другим, не менее важным сюжетам.

РЫВОК В ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Не каждый историк способен справиться с соблазном рассматривать историю 1870—1880-х годов как историю внутренней и внешней политики «железного канцлера». При этом иногда оказывается отеснено на задний план бурное экономическое и общественное развитие, происходившее в Германской империи последней трети XIX века. Однако рассматривать эти процессы как бледный фон за спиной у высокой политики в высшей степени неправильно.

Германия 1890 года существенно отличалась от той страны, которая образовалась в 1871 году. «Это новая эпоха, совсем другой мир», — вздохнул сам Бисмарк, посетив в 1895 году, незадолго до своей смерти, кипящий жизнью порт Гамбурга.¹ Происходившие перемены оказывали огромное влияние на политику «железного канцлера», ставя его перед лицом новых вызовов, далеко не со всеми из которых он мог справиться.

Для социально-экономического развития Германии 1870—1880-х годов были характерны две основные тенденции, тесно связанные друг с другом: урбанизация и индустриализация. В 1871 году Германская империя была все еще по преимуществу аграрной страной, хотя промышленный переворот был в самом разгаре. Подавляющее большинство немцев жили в деревнях или мелких городках. К 1890 году Германия стала мощной индустриальной державой, а доля городского населения увеличилась в разы.

В последней трети XIX века Германия находилась во второй фазе так называемого «демографического перехода», начавшегося еще на исходе XVIII столетия. Рождаемость, как и в предыдущей фазе, оставалась высокой (именно в это время она достигла пиковых значений и медленно пошла на спад). Однако благодаря развитию медицины и улучшению качества жизни значительно снизилась детская смертность. В первую очередь это касалось детей в возрасте старше одного года — цифры младенческой смертности пока оставались пугающе высокими.² Несколько снизилась и смертность среди взрослых, хотя до глубокой старости по-прежнему доживали сравнительно немногие.

В результате, несмотря на то что все виды смертности оставались значительно выше, чем в современных развитых странах, до совершеннолетия теперь доживало гораздо больше детей, чем во времена Наполеона. Средняя продолжительность жизни в результате выросла с 37 лет в 1871 году до 47 лет в 1901 году.³ Население Германской империи, в свою очередь, увеличилось в «эпоху Бисмарка» с 41 миллиона до 49.5 миллионов человек. И это при том, что в течение тех же двух десятилетий из страны эмигрировали около двух миллионов немцев (главным образом ремесленников и крестьян), более 90 процентов которых отправились в США.

Эмиграция в Америку была первым важным миграционным трендом этих двух десятилетий. Она была своего рода предохранительным клапаном, позволявшим снижать остроту социальных противоречий и облегчать ситуацию на рынке труда. Любопытно, что внимание к проблеме «утечки производительных сил» из страны в германском обществе усилилось лишь к концу XIX века, когда эмиграция пошла на спад.

Двумя другими трендами были миграция из сельской местности в города и из восточных регионов страны в западные. При этом важно отметить, что численность населения росла повсеместно, в том числе в аграрных областях. Так, в прусской провинции Позен она составляла в 1870 году

1.57 миллиона человек, а двадцать лет спустя — 1.75 миллиона.⁴ Однако этот рост был весьма неравномерным. Берлин, ставший имперской метрополией, насчитывал в 1871 году 786 миллионов жителей. Уже пять лет спустя он стал первым в Германии городом-«миллионником». Когда «железный канцлер» уходил в отставку, в столице проживали уже 1.6 миллиона человек. Рост осуществлялся в основном за счет активной миграции; в 1880-е годы Берлин покинули 1.2 миллиона человек, а приехали 1.6 миллиона.⁵

Особенно быстро росли города в промышленных регионах, в первую очередь в Рурской области, население которой за вторую половину столетия увеличилось в семь раз. Здесь буквально на пустом месте вырастали агломерации, вбивавшие в себя окружающие деревни и мелкие городки. Так, Оберхаузен на севере Рурской области, в котором в 1862 году проживало всего лишь шесть тысяч жителей, к концу столетия вырос в десять раз. В 1871 году лишь пять процентов немцев жили в городах с численностью населения больше 100 тысяч человек (таких городов насчитывалось всего восемь); к 1890 году эта доля выросла до 12 процентов. Напротив, доля жителей населенных пунктов с населением меньше двух тысяч человек (грубо говоря, сельского населения) упала за этот же период с 64 до 53 процентов.⁶

Мощным двигателем роста городов являлась индустриализация. Первая фаза промышленной революции — так называемая «фаза подъема» — началась на территории германских государств в 1840-е годы. Она характеризовалась масштабным железнодорожным строительством и быстрым ростом тяжелой промышленности. Число одних только машиностроительных предприятий в Пруссии увеличилось со 188 в 1849 году до 314 в 1861 году, при этом среднее количество рабочих на каждом из них выросло вдвое. Число доменных печей в Рурской области — индустриальном сердце Пруссии и Германии — выросло за 1850—1860-е годы с двух до пятидесяти.⁷ «Борзиг», «Хеншель», «Байер», «Сименс», «Цейсс» — все эти фирмы, прогремевшие вскоре на весь мир, появились на свет именно тогда.

После первого в истории мирового экономического кризиса конца 1850-х годов, оказавшегося довольно коротким и неглубоким, экономика германских государств росла практически непрерывно. С 1866 года этот подъем приобрел характер настоящего бума, в чем немалую роль сыграли политические факторы. Объединение Германии дало новый мощный импульс экономическому развитию. Значимый, хотя и далеко не решающий вклад внесла и пятимиллиардная французская контрибуция, благодаря которой в стране образовался избыток денежных средств. Результатом стал бурный экономический подъем, получивший название «грюндерского бума».

Как грибы после дождя возникали новые фирмы. Либерализация законодательства в отношении акционерных компаний привела к тому, что с 1871 по 1873 год были основаны 928 новых акционерных обществ с капиталом 2.8 миллиарда марок. Курсы акций на фондовом рынке стремились к новым вершинам, средний годовой дивиденд составлял 12.5 процентов. Быстро рос и реальный сектор. С 1870 по 1873 год производство железа в Германии выросло на 62 процента (до 2.2 миллионов тонн), стали — в полтора раза (до 1.6 миллионов тонн). Добыча каменного угля на территории Пруссии за тот же период выросла с 23 до 32 миллионов тонн.⁸ При этом рост производства сопровождался ростом цен, что делало увеличение объемов вдвойне выгодным.

«Все, все летели на свет, — вспоминал впоследствии современник этих событий. — Все танцевали этот бешеный галоп вокруг почитаемого золотого тельца: искушенный капиталист и неопытный мелкий буржуа, генерал и официант, светская дама, бедная учительница музыки и рыночная торговка. В комнатах консьержей и театральных гардеробах, в ателье художника и тихом пристанище ученого спекулировали акциями. Кучер на козлах и кухарка у плиты со знанием дела и жгучим интересом следят за ростом курса. На бирже — оргии бума, здесь зарабатываются выросшие из ниоткуда миллионы, национальное благосостояние поднимается до, казалось, невообразимых высот. Золотой дождь льется на пьяный город».⁹

Как это часто бывает, экономика в результате оказалась «перегрета», и в 1873 году на смену «грюндерскому буму» пришел «грюндерский крах». Он был во многом обусловлен началом второго мирового экономического кризиса, но ситуация в Германии сделала его особенно болезненным. Симптомы кризиса перепроизводства начали ощущаться еще в первые месяцы 1873 года, однако настоящий крах произошел осенью. Важной структурной причиной было то, что «старые» отрасли промышленности, которые были локомотивами развития в предшествующие десятилетия, достигли определенного предела и утратили динамику развития, а «новые» еще только появились на свет.

Курсы акций рухнули в среднем в два раза; цены на произведенные товары упали. За год стоимость тонны рельсов снизилась с 408 до 252 марок, стоимость тонны каменноугольного кокса — с 54 марок до девяти. Хуже того, этот спад носил долговременный характер: индекс оптовых цен с 1873 по 1890 год сократился на 26 процентов. Тысячи людей потеряли все свое состояние на фондовой бирже, многие фирмы обанкротились. В частности, жертвами кризиса стали 73 кредитных и 71 акционерный банк — примерно каждый второй.¹⁰

Следующую фазу экономического развития, продолжавшуюся с 1873 по 1896 год, иногда называют «долгой депрессией». «Возможно, никогда со времен Тридцатилетней войны не было столь длительного кризиса, и самое печальное то, что ему не видно конца, и никто не знает, как это можно изменить», — писали с некоторым драматизмом представители торговой палаты Аахена в 1876 году.¹¹ К терминам «кризис» и «депрессия», однако, надо относиться очень осторожно. Дело в том, что экономическое развитие продолжалось, но в достаточно противоречивых формах.

Кризис не нанес долговременного ущерба германской промышленности. Так, в сфере производства каменного угля докризисный уровень был достигнут уже в 1875 году. Производство железа сократилось лишь на 10 процентов и уже в 1879 году превысило докризисные объемы.¹² Другой во-

прос, что в связи с падением цен денежная стоимость этой товарной массы значительно снизилась. Современные исследователи указывают на то, что в отношении периода 1873—1895 годов правильнее будет употреблять термин «великая дефляция». Одним из главных ее признаков было резкое снижение цен, прибылей и дивидендов. Этот вполне наглядный спад во многом способствовал острой психологической реакции на кризис — как деловой элиты, так и общества в целом.

Экономические сложности вынуждали производителей прибегать к мерам по сокращению издержек. К их числу принадлежала, в частности, рационализация и механизация производственного процесса, повышавшие производительность труда и сокращавшие потребность в рабочей силе. С середины 1870-х годов начались массовые увольнения промышленных рабочих. В Рурской области к 1876 году было уволено около 20 процентов горняков. Берлинские машиностроительные компании, где в 1873 году трудилось 35 тысяч человек, четыре года спустя давали работу лишь 16 тысячам. Одновременно резко снизились как номинальные, так и реальные зарплаты. В 1878 году директор одного из крупных предприятий признавал: «Мы уже платим рабочим меньше того минимума, который необходим, чтобы они могли прокормиться и вообще поддерживать свое существование».¹³ Как это часто бывает, у одного и того же процесса были две стороны: тяжелые материальные проблемы у многих тысяч человек и одновременно быстрая модернизация производств, внедрение новейших технологий, закладывавшее основу для будущего подъема.

Положение на рынке труда продолжало оставаться напряженным в течение следующих двух десятилетий. Несмотря на то что в 1880-е годы экономическая ситуация несколько стабилизировалась, она по-прежнему воспринималась значительной частью населения с большой тревогой. Можно сказать, что субъективное ощущение кризиса было более острым, чем сам кризис. Именно давление бизнеса и общественности в условиях кризиса позволило ввести в конце 1870-х годов протекционистские пошлины на ряд важнейших

продуктов сельского хозяйства и промышленных товаров (в первую очередь зерно и железо). Это позволило германской индустрии повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке и поддерживать высокий уровень экспорта.

В 1874—1883 годах германская экономика росла в среднем примерно на 1,2 процента в год. Начиная с середины 1880-х годов конъюнктура стала более благоприятной, и рост ускорился в среднем до трех процентов.¹⁴ Новый устойчивый бум, однако, начался только во второй половине 1890-х годов, уже в «эпоху Вильгельма». Тем не менее, за два десятилетия, прошедшие после основания империи, валовый национальный продукт вырос на 60 процентов, и Германия переместилась по этому показателю с четвертого на второе место в Европе.¹⁵

Внутри периода 1873—1896 годов обычно выделяют несколько фаз. Наиболее острый этап кризиса пришелся на 1874—1879 годы. Он же стал самым тяжелым психологически — после двух десятилетий почти непрерывного стремительного роста, который казался бесконечным. Снижение цен, занятости и доходов сопровождалось во многих областях реальным спадом производства. Из имевшихся в 1873 году 379 немецких доменных печей в 1879 году действовали лишь 210. Машиностроительная компания Борзига, которая в 1875 году еще выпустила 177 локомотивов, в 1877 году произвела лишь 44 паровоза, из которых 17 были предназначены для экспорта. Тем не менее, как уже говорилось выше, в целом восстановить докризисный объем производства удалось достаточно быстро.

Именно экспорт стал одним из важных способов борьбы с перепроизводством, которому уделялось первостепенное внимание. За вторую половину 1870-х годов немецкая внешняя торговля выросла в полтора раза. Один только экспорт железа увеличился со 151 до 419 тысяч тонн в год.¹⁶ Однако конкурировать на мировом рынке с «мастерской мира» — Британией — было трудно. Фактически германская промышленность могла на данном этапе выигрывать у конкурентов только за счет низких цен.

Снижение цен заставляло предпринимателей, в свою очередь, искать пути сокращения издержек. Не случайно именно в 1870-е годы в металлургии ускоренными темпами вводились новые технологические процессы, позволявшие производить продукцию быстрее и дешевле. В целом за 1873—1894 годы производительность труда в промышленности выросла в полтора раза. Для тысяч рабочих это оборачивалось потерей рабочего места или переводом на короткую неделю с соответствующим снижением зарплаты.

К кризису в промышленности с середины 1870-х годов добавился аграрный кризис. Падение цен на продукцию сельского хозяйства несколько облегчило положение рабочих, сделав уменьшение зарплат не столь болезненным. Однако теперь кризис охватил не только промышленность, но и экономику в целом. Общая беда заставила промышленников и аграриев сплотиться; именно в этот период стал формироваться «союз зерна и стали», который впоследствии играл столь значимую роль в германской политике.

Влияние экономических процессов на жизнь страны было огромным. Как пишет немецкий историк Ганс-Ульрих Велер, без кризиса второй половины 1870-х годов «вряд ли можно себе представить переход от либеральной свободной торговли к таможенному протекционизму, распад либеральных партий, внутривластный поворот и переход к новой консервативной правительственной коалиции, консолидацию социал-демократии, подъем расистского и политически организованного антисемитизма, появление лоббистских организаций нового типа. В первую очередь он был мощной предпосылкой для <...> подъема консервативного государства, осуществляющего вмешательство в экономику и проводящего социальную политику».¹⁷

С 1879 года началось некоторое оживление экономической конъюнктуры. Оно оказалось довольно скромным; тем не менее, в течение трех лет росли объемы производства, занятость и зарплаты в промышленности. Помимо внутренних факторов (кризис перепроизводства был в значительной степени преодолен), большую роль сыграло возобновление

железнодорожного бума в США, обеспечившее германскую металлургию выгодными заказами. Производство стали выросло с 1880 по 1882 год с 2 до 2,7 миллионов тонн, угля — с 40 до 52 миллионов тонн. Однако уже в 1882 году Германию захлестнула новая депрессия, носившая глобальный характер.

Эта депрессия была не такой глубокой, как предыдущая. Производство продолжало расти. Что было не менее важным, на фоне снижения цен росли реальные заработные платы. Тем не менее, психологически кризис ощущался очень остро после того, как надежды на долговременный подъем не сбылись. Попытки еще больше увеличить экспорт окончились неудачей, несмотря на откровенный демпинг на мировом рынке. В результате все громче звучали призывы к приобретению колоний, которые могли бы стать защищенными рынками сбыта для германских товаров.

Лишь осенью 1886 года депрессия закончилась и начался быстрый подъем экономики, продолжавшийся почти четыре года. Важным двигателем являлся рост внутреннего спроса. В этот период уже начало сказываться стремительное развитие отраслей «второй волны» индустриализации — нового машиностроения, электротехники и химии. Бум достиг своего пика в 1889 году. Число занятых в угольной отрасли в Руре за время подъема выросло с 99,5 до 128 тысяч человек. Стоимость тонны угля за это же время возросла на 70 процентов. С весны 1890 года начался новый, последний, период депрессии.

Государство стремилось оказывать влияние на экономику. Правда, в последней трети XIX века его возможности были весьма ограниченными. Современное «интервенционистское» государство еще только складывалось. В руках у чиновников имелось, по сути, лишь несколько инструментов. Первым из них являлись таможенные тарифы, и с конца 1870-х годов государство все активнее пользовалось им. Вторым были тарифы на перевозки, находившиеся под контролем государства. Возможности в этой сфере выросли после того, как в конце 1870-х годов начался масштабный выкуп

пруссских железных дорог в казну. С 1886 года государство напрямую субсидировало пароходные линии, важные с точки зрения немецкого экспорта. Поддержка экспорта принимала и другие формы — к примеру, бурно развивалась сеть консульских учреждений.

Государство также стремилось сгладить неравномерность экономического развития различных регионов страны. Важным рычагом являлась инфраструктурная политика: строительство железных дорог в отсталых восточных регионах Пруссии велось быстрыми темпами. С 1877 года начался очередной этап строительства каналов; целью проекта было создание сплошной сети водных коммуникаций. Несмотря на то что реализовать его полностью по ряду причин не удалось, был достигнут значительный прогресс. С конца 1870-х годов постепенно вводились в действие механизмы финансового выравнивания между прусскими провинциями.

В «эпоху Бисмарка» происходили решающие изменения в структуре национальной экономики. В 1870—1880-е годы продолжались снижение доли занятых в сельском хозяйстве и одновременный рост доли промышленных рабочих. Последняя достигла к концу 1880-х годов примерно трети трудоспособного населения, насчитывавшего к тому моменту более 16 миллионов человек.¹⁸ Большинство занятых в промышленном секторе все еще трудились на малых предприятиях, где насчитывалось не более пяти работников.

В рамках валового национального продукта (ВНП) значение промышленности постоянно росло, а сельского хозяйства — сокращалось. Еще в середине века сельское хозяйство давало более 45 процентов ВНП; к моменту основания империи эта доля сократилась до 38 процентов, а к моменту отставки Бисмарка — до 33 процентов. За этот же период сфера промышленности, ремесла и транспорта выросла с 22 до 33 и 40 процентов соответственно. Таким образом, вторичный сектор обогнал сельское хозяйство в середине 1880-х годов.¹⁹ Германская империя окончательно превратилась в индустриальную державу.

Индустриализация усиливала экономические различия между регионами Германской империи. В число высокоразвитых промышленных районов входили, например, Саксония и Рейнская область; восточная часть Пруссии оставалась по преимуществу аграрной. Промежуточное положение занимали такие регионы, как Баден, Силезия или Вестфалия, где промышленность успешно развивалась, но еще не играла доминирующей роли.

В «эпоху Бисмарка» германская индустрия постепенно превращалась в того тяжеловеса, каким мы привыкли ее представлять. Несмотря на кризисные явления, она с 1873 по 1890 год росла в среднем на три процента в год. В целом за 1870—1880-е годы промышленное производство выросло в два раза, а в металлургии — в три раза.

Еще большее значение имеет то обстоятельство, что «эпоха Бисмарка» стала временем появления новых отраслей. Это явление часто называют «второй волной» индустриальной революции. Речь идет, в первую очередь, о химической и электротехнической промышленности, а также новых направлениях машиностроения, которые начали бурно развиваться с 1870-х годов. Именно они превратились в локомотив экономического роста последней четверти XIX века и обеспечили быстрое усиление позиций германской экономики на мировой арене.

Можно привести множество примеров стремительного взлета новых наукоемких производств. Показательна история двух предприятий-конкурентов — «Всеобщей электрической компании» (AEG) и фирмы «Сименс-Гальске». Первая была основана в 1883 году как немецкий филиал компании Эдисона — ровно год спустя после того, как великий изобретатель представил публике электрическую лампочку. Уже в 1887 году AEG добилась полной независимости от американцев и начала производить продукцию собственной разработки. Во второй половине 1880-х годов компания осуществила электрификацию Берлина.

Фирма «Сименс-Гальске» была основана в 1847 году. В течение первых десятилетий своего существования ком-

пания работала, в первую очередь, в сфере телеграфии. С 1860-х годов Вернер Сименс все большее внимание уделял электродвигателям. В 1882 году он построил первый в мире электровоз, а в 1884 году запустил первую в Германии коммерческую трамвайную линию современного типа. Одновременно на предприятиях концерна «Сименс-Гальске» было организовано широкомасштабное производство телефонных аппаратов. Телефонная связь стремительно распространялась на территории империи, хотя изначально воспринималась как дополнение к телеграфу.

Не менее быстро развивалась химическая промышленность. В 1880-е годы немецкие компании прочно удерживали за собой около половины мирового рынка искусственных красителей. Тогда же некоторые химические предприятия (такие, как «Байер» или «Хехст») стали уделять большое внимание фармацевтическому производству. В Йене при поддержке прусского правительства была создана лаборатория по исследованию стекла. Ее разработки в сфере оптического стекла создали основу для триумфального шествия по планете немецкой оптической промышленности.

В сфере машиностроения наблюдалось одновременно расширение общего спектра продукции и диверсификация производства. Предприятия, изначально специализировавшиеся на одном виде продукции, постепенно расширяли свой ассортимент. Их число все время росло: в 1871 году в империи насчитывалось около 1400 машиностроительных предприятий, к 1875 году их число превысило 10 тысяч.²⁰ В 1870—1880-е годы машиностроительная промышленность осуществила переход от исполнения конкретных заказов к производству стандартизированной продукции.

«Старые» отрасли, однако, сохраняли свое значение. Здесь наиболее ярким примером является компания, созданная Альфредом Круппом. Этот легендарный промышленник смог превратить оставшуюся ему в наследство от отца литейную мастерскую в гигантский концерн, символ германской промышленной мощи. Начав в 1830-е годы с производства железных заготовок, он в 1840-е годы создал свои

первые стальные пушки, которые, однако, не привлекли внимание прусского военного министерства. Взлет предприятия начался в 1850-е годы, когда Крупп начал поставлять изделия для стремительно растущих железных дорог не только в Германии, но и за рубежом. Численность работников на его фирме в Эссене перевалила за тысячу. А несколько лет спустя он все-таки смог убедить военных в преимуществах своих стальных орудий. Крупповская артиллерия стала одним из важнейших факторов победы германского оружия в войне 1870—1871 годов. После этого перед Круппом окончательно открылся мировой рынок вооружений. Эссен стал «городом Круппа», его компания — ведущим предприятием тяжелой промышленности в Европе. В 1887 году капитал Круппа оценивался в 40 миллионов марок, а количество работников его концерна превысило 20 тысяч человек.

Успех фирмы Круппа иллюстрирует еще один важный процесс, развернувшийся в последней трети XIX века, — подъем частного военного-промышленного комплекса. Прусское военное министерство всегда стремилось организовать производство всего необходимого для армии на государственных мастерских и арсеналах. Однако в условиях промышленной революции и массовых армий становилось ясно, что арсеналы просто не располагают ресурсами, необходимыми для организации широкомасштабного производства и стремительного технологического развития. Все чаще военным приходилось, скрепя сердце, идти на сотрудничество с акулами бизнеса.

В 1880-е годы доля Германской империи в мировом промышленном производстве составляла около 14 процентов, в мировом промышленном экспорте — около 18 процентов.²¹ Империя медленно, но неумолимо догоняла недавно еще бесспорного лидера, «мастерскую мира» — Великобританию. Именно к концу правления Бисмарка сложилась ведущая тройка индустриальных держав — помимо Германии и Англии, в нее входили Соединенные Штаты Америки.

Промышленность была тесно связана со сферой транспорта. XIX век известен, в первую очередь, как эпоха желез-

ных дорог. Последние действительно играли огромную роль в экономическом развитии страны. В 1870 году их протяженность достигла почти 20 тысяч километров.²² Десять лет спустя она составляла уже почти 34 тысячи, а в середине 1890-х годов — более 45 тысяч километров. Еще быстрее, чем длина линий, росли объемы грузо- и пассажироперевозок. Тарифы на перевозки, напротив, снижались. Включение в железнодорожную сеть играло огромную роль в развитии городов и регионов. Железные дороги давали важные импульсы целым отраслям промышленности и экономике в целом.

Ремесла, вопреки расхожим представлениям, с развитием промышленности не утрачивали свое значение. Их доля как в экономике, как и на рынке труда оставалась относительно стабильной. Другое дело, что одни ремесленные специальности уходили в прошлое, а на их место приходили новые, вызванные к жизни развитием городов и современных технологий. К числу первых принадлежали, например, оружейные мастера, гвоздильщики, бондари, кожевники, стеклодувы. К числу вторых — электрики, водопроводчики, мастера по ремонту промышленных изделий. Кроме того, существовала группа «старых» специальностей, продолжавших пользоваться стабильным спросом — к примеру, профессии, связанные со строительством и отделкой зданий. Ремесленники стремились ограничить допуск новых предпринимателей в свою сферу, настаивая на том, что только отраслевые гильдии (чем-то напоминающие средневековые цеха) имеют право надзирать за подготовкой мастеров и выдавать соответствующие лицензии. В 1882 году был основан Всегерманский союз ремесленников, которому удалось добиться от государства определенных уступок в данном вопросе.

Сельское хозяйство оставалось основной сферой занятости — там работало в начале 1870-х годов около половины трудоспособного населения. Тем не менее, его значение постепенно падало. В эпоху Бисмарка германские аграрии оказались в непростой ситуации. «Золотые годы» закончились вскоре после основания империи. В последней трети

XIX века быстрыми темпами складывался мировой рынок сельскохозяйственной продукции. Дешевое зерно из России и с Американского континента хлынуло в Европу, где в середине 1870-х годов развернулся масштабный аграрный кризис. Попытка закрыться заградительными пошлинами имела лишь ограниченный успех. Цены на продукты питания в Германии 1880-х годов все равно оставались ниже, чем в начале 1870-х. Стоимость зерна с 1873 по 1887 год снизилась на 37 процентов.

В сфере сельского хозяйства в целом происходили значительные перемены. С 1800 по 1870 год объемы производства выросли в три раза.²³ В середине века германские аграрии стали ускоренными темпами переходить на капиталистические рельсы. Производство ориентировалось в первую очередь на рынок, росли посевы технических культур. С 1860-х годов в возрастающем объеме стали применяться искусственные удобрения, что позволило резко повысить урожайность. Медленно, но верно продвигалась механизация сельского хозяйства, особенно с конца 1870-х годов. Развитие новых технологий было выгодно, в первую очередь, крупным землевладельцам, которые могли себе позволить их внедрение. Во второй половине XIX века германское сельское хозяйство по производительности труда являлось одним из лидеров в Европе наряду с английским и бельгийским.

Впрочем, сельское хозяйство вовсе не было однородным. Примерно четверть обрабатываемой земли принадлежала крупным собственникам, во владении которых находилось по 100 и больше гектар. Две трети сельскохозяйственных угодий принадлежали средним собственникам (от 5 до 100 гектаров). Наконец, седьмая часть площадей находилась в руках мелких собственников — категория, в которую попадали три четверти от общего числа землевладельцев. Серьезными были и различия между регионами. Силезия являлась вотчиной земельных магнатов, самых богатых представителей прусской аристократии. В восточных районах Пруссии важную роль играло юнкерское землевладение. На севере и северо-западе Германской империи доминировали крупные

крестьянские хозяйства; они сохранялись благодаря тому, что местное наследственное право на протяжении долгого времени предусматривало передачу всего наследства старшему сыну. На западе и юго-западе империи, напротив, практиковался раздел наследства между отпрысками, в связи с чем здесь насчитывалось огромное количество мелких крестьянских хозяйств. Отличительной особенностью крупных землевладельцев на юге Германии было то, что они, в отличие от остальбских коллег, в большинстве случаев сдавали свои владения в аренду, а не пытались вести самостоятельную хозяйственную деятельность.

Растущее население создавало спрос, который германское сельское хозяйство, несмотря на модернизацию, могло удовлетворить только с некоторым трудом. В последней трети XIX века размер обрабатываемых площадей достиг своего максимума. Хотя рост производства продолжался (в 1870—1880-е годы он составлял в среднем 0.7 процента в год),²⁴ к концу века Германская империя оказалась зависимой от импорта продовольствия.

Развитие внешней торговли осуществлялось быстрыми темпами. Первая фаза индустриализации опиралась в Пруссии на идеологию свободной торговли. Таможенные пошлины были низкими, что на данном этапе было выгодно и германским промышленникам, и аграриям. Однако начавшийся экономический кризис и изменения на мировом рынке привели к введению в конце 1870-х годов покровительственных пошлин. В данном случае, однако, Германская империя двигалась в рамках общей тенденции перехода от низких к высоким таможенным барьерам — которую, правда, сама в значительной степени и поддерживала.

Введение пошлин не остановило развития внешней торговли. В 1880 году объем импорта составлял около 2.8 миллиардов марок, экспорта — 2.9 миллиарда.²⁵ По объему экспорта Германия занимала третье место в мире после Великобритании и США. По объему торговли она и вовсе находилась на втором месте (доля в мировой торговле — 10.3 процента).

Растущую роль в структуре экспорта играли промышленные товары. Именно в 1880-е годы в Британии появился страх перед германской конкуренцией. В 1887 году был принят английский закон, согласно которому на промышленных товарах следовало указывать страну происхождения. Основной мишенью британских законодателей была при этом именно Германия. Немецкие товары пользовались тогда репутацией дешевых, но не очень качественных (примерно как китайские в 1990-е годы), и в Лондоне рассчитывали, что надпись «Made in Germany» отпугнет покупателей. Однако уровень немецкой продукции непрерывно рос, и вскоре пресловутая надпись превратилась в знак качества, играя прямо противоположную роль.

Важные процессы проходили в финансовом секторе. В первой половине XIX века здесь доминировали семейные банковские дома, которые предоставляли займы правителям и аристократам и вкладывали средства в торговлю. С началом промышленной революции, однако, все более значимым становилось кредитование реального сектора экономики. Это потребовало концентрации капитала. С 1850-х годов в германских государствах начали появляться акционерные банки. После того как в Северогерманском союзе были приняты законодательные акты, означавшие существенную либерализацию регулирования в сфере акционерных компаний, новые банки начали расти как грибы после дождя. С 1869 по 1873 год было создано 185 акционерных банков. В этот период на свет появились будущие флагманы отрасли — «Дойче Банк», «Коммерцбанк» и «Дрезденер Банк». В имперской столице в 1873 году насчитывалось 105 банков, около половины из них — акционерные.²⁶ В последней трети XIX века старые «семейные дома» все еще сохраняли свои позиции (как показывает пример личного банкира Бисмарка — Герсона Бляйхредера). Однако их дни было уже сочтены.

На финансовом рынке в период «долгой дефляции» наблюдался избыток капитала. Низкие процентные ставки и высокий спрос на ценные бумаги с фиксированными процентами позволяли государству привлекать для решения своих

задач большие объемы «дешевых денег». Именно таким образом был профинансирован выкуп в казну прусских железных дорог. С конца 1870-х годов начал стремительно расти германский экспорт капитала. Если в начале 1880-х годов его объем составлял около семи миллиардов марок, то за десять последующих лет он вырос до двенадцати.

Переход от семейных предприятий к крупным акционерным компаниям, которыми управляли наемные менеджеры, происходил не только в банковском секторе. Он касался экономики в целом. В последней трети XIX века усиливались процессы концентрации производства и капитала. Крупные игроки нередко вступали друг с другом в соглашения, осуществляя раздел рынка. С каждым годом появлялось все больше картелей — отраслевых объединений, призванных регулировать уровень производства и цен путем соглашений между основными игроками. В 1875 году их было всего восемь, в 1887 году — семьдесят, в год отставки Бисмарка это число выросло до 117.

Экономическое развитие Германии — бурное, неоднородное, но поступательное — оказывало большое влияние и на политические, и на общественные процессы. Эпоха Бисмарка совпала с кризисом роста, с необходимой, но болезненной паузой между двумя стадиями подъема. Не менее важные и масштабные процессы происходили и в немецком обществе.

МЕНЯЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО

Наверное, каждый образованный человек понимает, что говорить о «типичном немце» определенной эпохи с определенным образом жизни и мировоззрением можно лишь с большой натяжкой. Германское общество последней трети XIX века было к тому же сильно фрагментировано. Оно состояло из достаточно замкнутых региональных и социальных групп, образ жизни и мировоззрение которых достаточно сильно отличались друг от друга. Не претендуя на подробное описание каждого из элементов, составлявших германский народ той эпохи, ограничимся общим обзором, который по определению будет содержать некоторые упрощения.

Будучи составленной из множества отдельных земель с различными традициями и диалектами, Германия оставалась в определенном смысле «лоскутным одеялом». Как писал Михаэль Штюрмер, различия между отдельными регионами «были глубоко укоренены в структурах повседневности, в сотнях сортов пива и хлеба, в одежде, языке, обычаях и привычках».¹ Литературный немецкий («хохдойч») был языком образованной элиты. Баварец, разговаривающий на своем родном диалекте, вряд ли был бы понят жителем Шлезвига — и, в свою очередь, не понял бы его. Регионализм усиливался благодаря наличию двух больших христианских Церквей — протестантской и католической.

В то же время создание единого государства дало мощный толчок германскому национализму, в том числе в форме имперского патриотизма. Самые различные слои населения, в первую очередь городской средний класс, приветствовали образование единого государства. «Чем мы заслужили милость Господа, позволившего нам стать свидетелями столь великих и масштабных событий? — писал в начале 1871 года Генрих фон Зибель. — И как нам теперь жить после этого? То, что на протяжении двадцати лет было сутью всех помыслов и стремлений, теперь осуществилось в бесконечно прекрасном виде! Как в мои годы наполнить смыслом дальнейшую жизнь?»² Как свидетельствовал один из лидеров национал-либералов Ганс Виктор фон Унру, совершивший в 1871 году путешествие по южной Германии, эмоциональный подъем ощущался и в этих, традиционно враждебных Пруссии регионах: «Мы часто останавливались на маленьких постоянных дворах в сельской местности и имели возможность поговорить с крестьянами, бакалейщиками, лесниками и так далее. Повсюду царила радость не только по поводу победы, но и в связи с возрождением германской империи».³

Растущая мобильность населения способствовала постепенному перемешиванию людей из различных регионов. В роли главных «плавильных тиглей» в данном случае выступали города. В 1871 году треть населения Пруссии уже проживала в городах, и эта доля (как и во всей империи) непрерывно росла.

Социальная структура германского общества представляла собой «пирамиду» во главе с небольшой группой элиты. Согласно оценкам знаменитого германского экономиста Густава Шмоллера, в 1890-е годы примерно два процента населения страны принадлежали к элите, 23 процента — к верхнему среднему классу, 31 процент — к нижней части среднего класса и 44 процента — к «низшим классам».⁴ Эта оценка носит, однако, весьма приблизительный характер; кроме того, граница между третьей и четвертой категорией оказывалась крайне нечеткой и зависящей от того, какое определение дается каждой из них. Ведущий современный специалист

в области германской социальной истории Ганс-Ульрих Велер относит к «нижним слоям населения» примерно две трети немцев,⁵ образно сравнивая германское общество с грушей (масса бедняков, узкий средний класс и тонкий черенок элиты). Еще более красочное сравнение принадлежит Вернеру Зомбарту — похлебка бедности, на поверхности которой плавают лишь несколько жирных кругов.⁶ Германское общество конца XIX века было обществом классовым, с четкими границами между различными группами и довольно ограниченными возможностями социального подъема. В этом, впрочем, Германия мало чем отличалась от других европейских стран той эпохи.

Общей тенденцией 1870—1880-х годов был, несмотря на полосы депрессии, рост реальных доходов населения. Среднестатистический немец жил в год отставки Бисмарка лучше, чем в год основания империи. Так, реальные доходы рабочих с 1873 по 1894 год выросли на 20 процентов. В то же время не стоит упускать из виду, что благосостояние различных категорий населения росло по-разному. Основной прирост приходился на долю обеспеченных слоев. Общий умеренный подъем благосостояния сопровождался усилением социальных контрастов. Наиболее обеспеченный процент населения получал 20 процентов всех доходов, наиболее обеспеченные 10 процентов — 40 процентов доходов. Коечника, вынужденного ночевать в чужой квартире и живущего в постоянном страхе перед потерей даже той тяжелой и низкооплачиваемой работы, которая у него имелась, слабо утешала мысль о том, что за десять лет его реальные доходы увеличатся на несколько марок. Экономическая нестабильность способствовала популярности социал-демократии, которая давала рабочим простые и привлекательные ответы на вопросы времени.

В число представителей элиты входили, в первую очередь, дворяне. Помимо узкого круга аристократических семейств, владевших крупными земельными угодьями, сюда входила масса среднего и даже весьма небогатого дворянства, основным капиталом которого было фамильное древо. Лишь немногие аристократы могли выдержать сравнение

с британской и российской высшей знатью. Как писал Доминик Ливен, «английские магнаты по-прежнему оставляли прусских далеко позади».⁷

По мнению ряда историков, объединение Германии «сверху» стало для немецкого дворянства настоящим спасением. Его медленный закат был прерван, а позиции в государстве и обществе укрепились благодаря той роли, которую оно сыграло на полях сражений, и политической системе, фактически закрепившей его (формально отмененные) привилегии. Разумеется, само дворянство, составлявшее около половины процента населения Германии, не было однородным, его спектр простирался от магнатов с громкими титулами и обширными владениями до многочисленных отпрысков небогатых отцов, которые вынуждены были жить предельно скромно и могли только мечтать о собственном поместье. Помимо «старого», в изобилии имелось и «новое» дворянство, которое составляли добившиеся успеха чиновники и офицеры, а также процветающие предприниматели. Прусская монархия внимательно следила за тем, чтобы ряды дворян регулярно пополнялись «свежей кровью» за счет людей, готовых разделить ценности традиционной элиты.

И в государстве, и в обществе знать пользовалась значительными привилегиями. Самому бедному дворянину было проще стать прусским офицером и сделать блестящую карьеру в вооруженных силах, чем выходцу из обеспеченных буржуазных слоев. Помимо армии, вотчиной дворянства оставался дипломатический корпус. В административных структурах ситуация была несколько более благоприятной для выходцев из других слоев населения, однако органы местного управления и самоуправления во многих прусских провинциях (в первую очередь к востоку от Эльбы) были надежно оккупированы представителями дворянства.

Характерно, что многие разбогатевшие предприниматели придавали большой вес получению дворянского титула; в обществе конца XIX века приставка «фон» котировалась по-прежнему высоко. Например, берлинский банкир Вильгельм Краузе приложил большие усилия для того, чтобы

выдать пять своих дочерей за представителей аристократии. Впрочем, это не было доминирующей тенденцией. Знаменитый магнат Альфред Крупп отклонил предложенный ему дворянский титул, и его поступок вовсе не был уникальным. Как и в других европейских странах, в Германии сформировалась наряду со «старой» и «новая» элита — крупные промышленники и банкиры, сколотившие состояние благодаря своей предприимчивости и обладавшие собственным самосознанием. Они охотно приобретали поместья, но не спешили отказываться от предпринимательской деятельности в пользу «дворянских» занятий; аналогичный выбор делали в большинстве случаев и их отпрыски. Зато большой популярностью пользовались ордена и титулы, созданные государством специально для крупных предпринимателей: «коммерческий советник» и «тайный коммерческий советник».

В 1870—1880-е годы внутри предпринимательской элиты стала возникать еще одна группа: наемные топ-менеджеры. Рост их количества происходил одновременно с расцветом акционерных компаний и банков. Квалифицированные управленцы высшего звена еще более скептически относились к миру титулованной знати и придавали большой вес высшему образованию. И топ-менеджеры, и крупные предприниматели отличались, как правило, лояльностью к германской правящей верхушке и отлично уживались с традиционной элитой.

Средние слои общества были также достаточно неоднородными. Сюда можно отнести представителей мелкого дворянства, чиновников и служащих среднего звена, инженеров, владельцев малых и средних предприятий, лиц свободных профессий, зажиточных крестьян. Несмотря на наличие в этом списке последней категории, средний класс концентрировался в основном в городах. Не случайно именно термин «бюргер» — «горожанин» — стал основой для понятия «буржуазия», которым все чаще обозначали представителей среднего класса.

Некоторые исследователи делят городские средние слои на «образованные» (интеллигенция, чиновники, священники) и «имущие» (предприниматели). Это деление справедливо, в первую очередь, для верхнего сегмента среднего класса.

При этом в социальной иерархии наличие высшего образования значило больше, чем собственность. Доля представителей образованных средних слоев в общей численности населения медленно, но верно росла в соответствии с растущим спросом. Германскому обществу требовалось все больше преподавателей, врачей, юристов, публицистов. Общая доля верхнего среднего класса — «образованных» и «имущих», вместе взятых, — оценивается примерно в пять процентов населения.

Другое деление, относящееся в первую очередь к нижней части среднего класса, исходит из наличия «новых» и «старых» средних слоев. Представители последних — мелкие лавочники, владельцы небольших ремесленных мастерских и постоянных дворов — постепенно утрачивали свои позиции. Уровень их доходов уже мало отличался от дохода квалифицированных рабочих, которые, в свою очередь, стремились при малейшей возможности перенять черты мелкобуржуазного быта. Тем не менее, «старые» средние слои из всех сил стремились сохранить свое место в социальной иерархии, старательно проводя границу между собой и промышленным пролетариатом.

К «новым» средним слоям относились служащие, а также технические специалисты, количество которых все время росло. Именно в 1870—1880-х годах ускоренными темпами формировалась прослойка «белых воротничков» — предшественников современных офисных работников. Только за 1882—1895 годы число служащих в Германской империи выросло с 530 тысяч до 1.1 миллиона человек. Служащие находились в более выгодном положении, чем рабочие — это касалось как зарплаты, так и условий труда. Они старательно отделяли себя от пролетарской массы и культивировали буржуазные ценности, что поощрялось и владельцами предприятий. Армия конторских служащих формировалась одновременно с группой наемных топ-менеджеров; в дальнейшем они будут играть в экономике возрастающую роль.

Для средних слоев был характерен ряд отличительных особенностей. Речь идет не в последнюю очередь о стиле жизни — наличии достаточно комфортабельного жилья и

прислуги, стремлении дать своим детям хорошее образование и участвовать в культурной жизни (к примеру, посещать театр). Сюда же относится и мировоззрение, основанное на трудовой этике и строгой «викторианской» морали, касавшейся в первую очередь поведения женщин.

Любопытным явлением было стремление представителей средних слоев получить звание лейтенанта резерва — для этого нужно было на один год пойти добровольцем в армию за собственный счет. Немецкий историк Фолькер Ульрих называет эту систему «важнейшим шарниром в отношениях между образованной буржуазией и военной монархией».⁸ Социальный статус резервного офицера был исключительно высок, и преуспевающие представители среднего класса часто ставили свое военное звание впереди всех прочих регалий.

Основную массу населения составляли крестьяне, промышленные рабочие, ремесленники, мелкие служащие и прислуга. Именно выходцы из этих слоев играли главную роль как во внутренней, так и во внешней миграции. Дети крестьян уходили в города в поисках работы или уплывали в Америку. Промышленные рабочие перемещались между различными индустриальными центрами в поисках более высокой зарплаты — или хотя бы просто рабочего места.

Возможности повысить свой социальный статус у этой категории населения были достаточно ограниченными. Едва ли не единственным «лифтом» был растущий спрос на квалифицированную рабочую силу (и, естественно, уровень оплаты ее труда). В последней трети XIX века в Германии уже сформировалась «рабочая аристократия», получавшая значительно больше, чем неквалифицированные рабочие. Превратить же мелкую мастерскую в успешное промышленное предприятие удавалось лишь единицам.

Городской пролетариат был наиболее динамично растущей категорией германского населения. Если в 1850-е годы он составлял (по разным оценкам) от 5 до 10 процентов жителей страны, то в эпоху Бисмарка эта доля увеличилась до трети. Внутри городского пролетариата существовали различные категории, что не в последнюю очередь затрудняет

любые точные количественные оценки. Помимо фабричных рабочих, сюда, безусловно, относились ремесленные подмастерья, надомные работники, прислуга. Тем не менее, к концу столетия именно промышленные рабочие стали основной составляющей этой категории горожан.

В рядах фабричных рабочих преобладали мужчины. Женщины в основном были заняты в текстильной, а также различного рода надомной промышленности. В последней трети XIX века труд женщин оплачивался значительно хуже, чем мужской. Зато благодаря законодательству детский труд на фабриках практически сошел со сцены, оставаясь широко распространенным в сельском хозяйстве, мелком ремесленном производстве и торговле. Условия труда подростков также были установлены законом.

Рабочие семьи являлись, как правило, многодетными. Хотя это значительно снижало уровень жизни, рождение детей рассматривалось как своеобразная «страховка» на старость. Зарботки промышленного рабочего, достигавшие своего пика в возрасте 25—45 лет, после 50-летнего возраста начинали стремительно падать. Пожилой рабочий, если он не обладал высокой квалификацией, мог рассчитывать лишь на самую низкую зарплату.

Продолжительность рабочего времени в 1870-е годы значительно снизилась по сравнению с серединой века — с 14—17 до 12 часов в день. Реальная заработная плата вплоть до кризиса 1873 года росла достаточно быстрыми темпами. Положение пролетариата, однако, оставалось сложным; одновременно с заработками росли и цены, а аренда тесного жилья съедала значительную часть зарплаты. Необходимость сдавать часть жилплощади коечникам, а также использовать улицу для бытовых нужд (здесь, к примеру, сушилось белье и играли дети) размывала в рабочих кварталах границу между личным и общественным пространством. В жизни мужчин огромную роль играл кабак — не в силу беспробудного пьянства, а потому, что это заведение становилось для них центром общественной жизни. Здесь встречались с друзьями, обсуждали насущные вопросы, обменивались информацией.

Другой способ проведения досуга предлагали рабочим всевозможные союзы — общественные организации различной направленности: от самообразования до спорта и даже любительских театров. Эти организации играли большую роль в становлении особой, пролетарской культуры больших городов. Лишь «рабочая аристократия» (и то далеко не все ее представители) могла позволить себе нечто напоминающее буржуазный стиль жизни. Подавляющему большинству не приходилось об этом даже и мечтать. Ответом пролетариев стало формирование параллельной культуры со своими ценностями. Все усилия Бисмарка, направленные на то, чтобы интегрировать рабочих в существующую государственную и общественную систему, не увенчались успехом.

В 1860-е годы в Германии началось масштабное формирование профсоюзов. Этот процесс еще больше ускорился после того, как в 1869 году были сняты последние ограничения на создание подобного рода организаций. Профсоюзы изначально создавались как организации, призванные отстаивать интересы рабочих, вести переговоры с хозяевами предприятий и тем самым избегать разрушительных для обеих сторон трудовых конфликтов. Тем не менее, число стачек увеличилось, достигая в начале 1870-х годов трехсот штук в год. В ходе кризиса оно быстро упало (до 15 стачек в 1879 году), однако по мере оживления конъюнктуры стремительно возвращалось на прежний уровень. В знаменитой стачке рурских горняков 1889 года участвовало 90 тысяч рабочих (более 80 процентов от их общего количества). В большинстве случаев стачки оканчивались безрезультатно, однако имелись и примеры побед. Так, в 1873 году германским печатникам удалось добиться первого тарифного договора. Стремительно формировалось пролетарское самосознание, чувство принадлежности к единой социальной группе с общими интересами.

С самого начала формирование профсоюзов проходило под пристальным вниманием политических партий. В целом речь идет о трех ключевых силах: социал-демократы, левые либералы и католическая партия Центра. В начале 1870-х го-

дов профсоюзы этих трех политических направлений конкурировали друг с другом примерно на равных. Однако затем популярность либеральных «хирш-дункеровских» (они были названы так по фамилиям создателей) и христианских профсоюзов стала заметно уступать «свободным» профсоюзам, близким к СРПГ. Партия успешно установила контроль над профсоюзами, которым лишь в начале XX века удалось добиться равноправия по отношению к партийной структуре.

Социальная структура германской деревни была неоднородной. Кроме того, здесь также существовали серьезные региональные различия. В общем и целом имелась большая социальная дистанция между владельцами крупных крестьянских хозяйств, «гроссбауэрами» (в России их называли бы «кулаками»), и мелкими крестьянами. Первые часто вели капиталистическое хозяйство и нанимали батраков. Именно «гроссбауэры» в наибольшей степени приспособились к капиталистическому развитию в аграрном секторе — порой лучше, чем дворяне-землевладельцы. Они тщательно охраняли свой социальный статус, и даже заключение браков происходило, как правило, строго в рамках своей группы. «Династическая политика» зажиточных крестьян была порой не менее сложной и искусной, чем у особ королевской крови.

Вторая категория — деревенская беднота — составляла в разных регионах страны от трех четвертей до более чем девяти десятых всех дворов. Не в состоянии прокормиться со своей земли, они вынуждены были искать приработки — либо у более зажиточных односельчан, либо в ремесленной сфере. Однако на самом низу социальной иерархии находились батраки и сезонные рабочие, которых нанимали помещики и владельцы крупных крестьянских хозяйств. На востоке Пруссии в связи с оттоком местного населения эту категорию все чаще пополняли выходцы из русской Польши.

Батраки, в свою очередь, делились на постоянно занятых (чаще в рамках годичных контрактов) и поденщиков, которых нанимали в случае необходимости. В помещичьих хозяйствах собственник обладал в отношении наемной рабочей силы весьма широкими властными полномочиями, напоми-

навшими о феодальной эпохе. «Челядь» (наемные работники в крупном помещичьем хозяйстве) была, пожалуй, одной из наиболее незащищенных категорий населения. На нее не распространялось ни трудовое, ни социальное законодательство.

В самом низу германского общества находились нетрудоспособные бедняки, не имевшие ни крыши над головой, ни средств к существованию. В середине 1880-х годов их количество оценивалось в 1.6 миллиона человек (около 3.5 процентов населения).⁹ Бедняки традиционно являлись объектом заботы со стороны местных общин, которые выделяли небольшие деньги на их содержание. Центральная власть никак не вмешивалась в этот процесс, лишь поощряя частную инициативу на данном направлении.

Большую роль в германском обществе играли всевозможные общественные организации. Они создавались для различных целей: защиты своих экономических интересов (профсоюзы), выражения политической и гражданской позиции, совместного времяпрепровождения. Особого упоминания заслуживают военные союзы, состоявшие из ветеранов Войн за объединение, а впоследствии и всех прошедших армейскую службу. Неоднократно предпринимались усилия по их объединению, которые, впрочем, не увенчались полным успехом. В 1873 году был создан Германский союз воинов — головная организация, объединявшая местные военные союзы. В год основания в ее состав вошла 241 местная организация с 28 тысячами членов, год спустя — уже 400 организаций и около 50 тысяч членов. В 1890 году в Германском союзе воинов насчитывалось 4700 местных организаций и более 400 тысяч человек.¹⁰ Военные союзы проводили различные мероприятия, культивировали память о славных победах германского оружия и в общем и целом способствовали развитию «милитаризма маленьких людей» в немецком обществе. Пацифистские организации в то же время существовали только в зародыше и не имели серьезного влияния.

В то же время «эпоха Бисмарка» стала временем подъема организованного женского движения в Германской империи. Еще в 1865 году был основан Всеобщий германский женский

союз, за которым последовало еще несколько подобных организаций. На начальном этапе они ставили себе достаточно ограниченные задачи — улучшить позиции женщин на рынке труда и способствовать их образованию. О достижении политического и социально-экономического равноправия пока даже не заикались. Резкий подъем и радикализация женского движения начались позднее, на рубеже веков.

Свою политику в области прав женщин проводили социал-демократы. В 1879 году один из признанных лидеров рабочего движения Август Бебель опубликовал книгу «Женщина и социализм», которая в течение следующих трех десятилетий выдержала полсотни изданий и стала самым читаемым теоретическим трудом германской социал-демократии. Мысль Бебеля была проста: решение «женского вопроса» возможно только в рамках решения социального вопроса, изменения общества в целом. Именно поэтому позиция социал-демократии по отношению к феминистскому движению оставалась двойственной: выступая за равноправие женщин, германские левые не считали необходимым бороться за него отдельно от всего остального.

Наряду с организациями, которые можно назвать «феминистскими», стоит упомянуть и прямо противоположные примеры. Не укладываясь в общую тенденцию «борьбы женщин за свои права», они редко удостоиваются внимания историков. Тем не менее, свою роль в обществе они играли. В 1866 году на основе женских организаций, занимавшихся уходом за ранеными, был создан Отечественный женский союз, в котором к концу «эпохи Бисмарка» насчитывалось около 150 тысяч членов. Покровительницей этой организации являлась императрица; половину руководства составляли мужчины, половину — женщины из благородных семейств. Союз культивировал консервативные и патриархальные ценности, входившие в его состав женщины учились оказывать помощь раненым и шить одежду для солдат.

Несмотря на ускоряющуюся секуляризацию (ее можно проследить на примере быстрого роста смешанных браков), обе религии еще сохраняли огромное значение в жизни гер-

манского общества. В первую очередь это касается католицизма, позиции которого в эпоху Бисмарка были слабо затронуты (и в каком-то смысле даже усилены) секулярным духом эпохи. Слабее всего позиции Церквей были в больших городах. Так, после принятия закона о гражданском браке ежегодное число венчаний в берлинских церквях упало с одиннадцати до двух с половиной тысяч. Практически во всех социальных группах женщины сохраняли более тесную связь с Церковью, чем мужчины.

В евангелической Церкви в первой половине 1870-х годов было выработано новое внутреннее законодательство, которое усилило принцип самоуправления, а также сделало более весомым голос прихожан в церковных структурах. В синодах — от окружных до Генерального — заседали не только священники, но и избранные паствой миряне. Однако церковной организации так и не удалось ничего поделать со стремительной секуляризацией германского общества. Феномен «крещеных мнимых христиан», никогда не посещавших богослужений, становился все более распространенным. Несколько более успешно справлялась с вызовами времени католическая Церковь, во многом благодаря тому, что среди ее паствы была выше доля жителей сельских районов. Реакционная политика Пия IX привела в начале 1860-х годов к расколу церковной организации. Однако движение «старокатоликов», не признававших папской непогрешимости и поддерживавших прусское государство, осталось маргинальным.

Германская образовательная система в 1870—1880-е годы активно развивалась, адаптируясь к потребностям новой эпохи. Вторая половина XIX века стала эпохой массовой грамотности. В Германской империи практически все дети получали начальное образование в рамках народных школ. По числу грамотных среди взрослого населения страна находилась на первом месте в мире. В 1871 году грамотность среди взрослого населения империи составляла 87 процентов, в 1890 году — более 99 процентов.

Возможность получить образование в значительной степени зависела от социального положения семьи, в которой

рос ребенок. Большинство детей учились в народных школах, которые теоретически представляли собой единую для всех начальную образовательную ступень. Поскольку народные школы находились в ведении местных властей, их структура и длительность обучения (стандартно — восемь лет) достаточно сильно варьировались. Как правило, ситуация в сельской местности была значительно хуже, чем в крупных городах. В середине 1880-х годов около половины сельских школ имели «общие классы», где в одном помещении одновременно обучались дети всех возрастов. Значительную роль в системе школьного образования по-прежнему играли Церкви.

В течение 1870—1880-х годов государство прилагало большие усилия для развития народных школ. В частности, когда все острее начал сказываться дефицит школьных учителей (это была не особо привлекательная и доходная профессия), был оперативно принят ряд мер по повышению заработной платы и расширению привилегий. В результате положение школьных учителей значительно улучшилось. Тем не менее, в 1886 году на одного учителя все еще приходилось в среднем 75 учеников, а средний размер школьного класса равнялся 64 ученикам.¹¹ В 1888 году в Пруссии была полностью отменена и без того небольшая плата за посещение народной школы. Родители, дети которых пренебрегали обучением, могли понести наказание.

После 1871 года органы власти также стали уделять повышенное внимание школам как инструментам «патриотического воспитания», формирующим молодежь в духе преданности трону и алтарю. Попытки эти, однако, не носили тотального характера и не увенчались серьезным успехом.

Представители обеспеченных слоев могли отдать своих детей в платные начальные школы, где осуществлялась целенаправленная подготовка к поступлению в школы верхней ступени. Программа начальных школ включала в себя, помимо немецкого языка и закона Божьего, рисование, пение, природоведение и математику. В некоторых школах преподавались иностранные (в том числе древние) языки. Программа

конкретной школы, опять же, могла серьезно варьироваться в зависимости от типа и региона.

Наиболее распространенным типом старшей школы являлась гимназия. Классическая гимназия давала фундаментальное образование, а после экзамена на аттестат зрелости — право поступления в университет. Кроме того, только выпускники гимназий имели право поступать в армию в качестве добровольцев с годичным сроком службы (фактически программа подготовки офицеров резерва). В системе гимназического образования существовало несколько ступеней, каждая из которых завершалась сдачей экзаменов. Большинство поступивших в гимназию учеников не проходили полный курс до получения аттестата зрелости, а завершали обучение на одной из этих ступеней. Сдача экзаменов каждого уровня давала возможность занимать определенные должности на государственной службе.

В то же время с 1870-х годов гимназическое образование все чаще критиковали за его схоластический и далекий от реальных потребностей характер. Во второй половине XIX века все большее значение приобретали реальные школы различных типов, готовившие в первую очередь квалифицированные кадры для промышленности. Следует упомянуть, в первую очередь, реальные гимназии (так с 1882 года стали называться реальные школы 1-го класса) и старшие реальные школы (так с 1883 года назывались реальные школы 2-го класса и профессиональные школы). Здесь больше внимания уделялось естественнонаучным дисциплинам и современному иностранному языку. Возможности их выпускников получать высшее образование были, однако, законодательно ограничены. В 1886 году в гимназиях училось почти вдвое больше молодых людей, чем в реальных школах, однако это соотношение постепенно менялось в пользу последних. В общей сложности из возрастной когорты 10—18-летних только около пяти процентов посещали школы старшей ступени.

Учителя старших школ находились в лучшем положении, чем их коллеги из народных школ. Их зарплата повышалась

достаточно быстрыми темпами. С 1886 года все учителя гимназий получили ранг советника 5-го класса. Бюджеты старших школ складывались из платы за обучение, муниципальных и государственных средств.

Следующей ступенью было высшее образование. Германские университеты пользовались заслуженно высокой репутацией во всем мире. К девятнадцати уже существующим в 1872 году добавился двадцатый в Страсбурге — проект, имевший в первую очередь большое политическое значение. В «эпоху Бисмарка» число студентов непрерывно росло. Если в 1870 году в университетах Германской империи училось около 14 тысяч юношей, то двадцать лет спустя — уже 29 тысяч. Однако даже эта вторая цифра составляла менее одного процента от числа молодых людей соответствующей возрастной категории. Университетское образование оставалось привилегией элиты. Например, доля выходцев из рабочих семей составляла в последней трети XIX века среди поступающих в университеты менее одного процента.¹²

В рядах германских университетов были как «гиганты», так и «карлики». Однако, по современным меркам, все они были невелики. Так, Берлинский университет в год основания империи насчитывал 2200 студентов, а в 1891 году — уже почти 4300. Для крошечного университета в Ростокке эти цифры составляли 108 и 368 соответственно.¹³ В 1870—1880-е годы соотношение между различными специальностями менялось мало; ощутимым был лишь рост доли студентов-медиков, которая за два десятилетия увеличилась с 24 до 29 процентов. Доля изучавших теологию составляла 16—17 процентов, юриспруденцию — 24—25 процентов. Среди студентов постепенно падала доля представителей «образованных» слоев и росла доля выходцев из «имущего» среднего класса.

Преподаватели делились на три категории: ординарные профессора, экстраординарные профессора и приват-доценты. Первые составляли примерно половину от общего числа университетских преподавателей, получали достаточно высокую заработную плату и пользовались определенными

привилегиями. Представители второй категории оплачивались значительно хуже — по сути, они находились в ожидании открытия вакансии ординарного профессора. Приват-доценты и вовсе работали «на общественных началах», вынужденные искать источник дохода за пределами университетов. Напряженность в отношениях между этими тремя категориями неуклонно росла.

Финансирование университетов со стороны государства увеличивалось быстрыми темпами; так, Берлинский университет увеличил свой бюджет с 745 тысяч марок в 1870 году до двух миллионов в 1890 году. Однако эти средства шли, в первую очередь, на финансирование университетских клиник и научного оборудования.

Во второй половине XIX века продолжали развиваться специализированные высшие школы в первую очередь политехнические, которых в стране насчитывалось девять. Они представляли своего рода альтернативу университетам и предъявляли к своим абитуриентам более низкие требования. Однако к 1890 году число учившихся там студентов не превышало шести тысяч человек.¹⁴ Гессенское правительство даже обсуждало вопрос ликвидации технического университета в Дармштадте в связи с его низкой востребованностью. Связано это было, в первую очередь, с тем, что новые высшие школы все еще воспринимались как «неполноценные» по сравнению с университетами. Лишь постепенно этот стереотип удалось преодолеть.

Германские университеты были центрами не только образования, но и науки. Немецкая наука пользовалась в мире огромным авторитетом. В последней трети XIX века становились все более тесными ее связи с реальным сектором экономики. В период кризиса бизнес начал уделять особое внимание новым технологиям, что не замедлило сказаться на их развитии. Принцип связи науки и промышленности нашел свое отражение в создании Имперского физико-технического института в Берлине в 1887 году. Институт занимался как фундаментальными, так и прикладными исследованиями, в его создании активную роль сыграл Вернер Сименс. Пер-

вым руководителем института стал знаменитый физик Герман фон Гельмгольц.

Примером германского вклада в мировую науку стали открытия Роберта Коха в сфере бактериологии. Кох приобрел европейскую известность в 1876 году, сумев выделить бактерию-возбудителя сибирской язвы. Продолжив свою деятельность в созданном в том же году Императорском ведомстве здравоохранения, он в первой половине следующего десятилетия смог найти возбудителей туберкулеза и холеры. К 1885 году Кох стал практически национальным героем, что еще раз подчеркивает высокий статус научных исследований в германском обществе той эпохи.

Государство, в свою очередь, прилагало значительные усилия для развития здравоохранения. К примеру, в 1874 году в Германской империи обязательной стала прививка против оспы. Эпидемические заболевания стремительно отступали. Однако доступ к медицинским услугам был весьма различным для разных слоев населения. Более того, благодаря росту населения среднее количество жителей страны, приходящееся на одного врача, даже несколько выросло. Тем не менее, начиная с 1880-х годов благодаря введению социального страхования круг немцев, охваченных системой здравоохранения, начал расширяться. Рост количества больниц, появление новых лекарств (в первую очередь синтетических), новых способов диагностики и методов лечения — все это делало медицину более доступной и эффективной. Что было еще более важно, стремительно распространялось уважение к медицине, понимание основ гигиены и причин заболеваний. Тем не менее, именно в этой сфере было весьма очевидно социальное неравенство; миллионы людей, особенно в сельской местности, по-прежнему могли обратиться только к «лекарю».

Активно развивались и гуманитарные науки. В истории, которую неофициально называли «наукой новой империи», господствовала так называемая младогерманская школа. Образованная публика с удовольствием читала масштабные сочинения, выходившие из-под пера ее представителей.

В 1879 году был опубликован первый из пяти томов «Германской истории в XIX веке» Генриха фон Трейчке. Десять лет спустя вышел первый том другого, не менее масштабного сочинения — «Основания Германской империи Вильгельмом I» в семи томах, автором которого являлся Генрих фон Зибель. Труды обоих историков представляли прусский взгляд на европейскую историю; объединение Германии представало в них в качестве закономерного итога развития монархии Гогенцоллернов. Большой популярностью среди читающей публики пользовались отчеты об археологических раскопках, начатых немецкими археологами в 1876 году в греческой Олимпии. «Олимпийский проект» приобрел не только чисто научный, но и важный идеологический характер, став «национальным проектом» новой империи.¹⁵

Имперская идея, стремление подчеркнуть блеск и величие новой Германии были широко представлены и в искусстве. Здесь находили себе место и восхваление недавних побед, и обращение к древнегерманской мифологии. Антон фон Вернер рисовал свои знаменитые парадные полотна, самое известное из которых изображает (в нескольких вариантах) провозглашение Германской империи в Версале. К теме Франко-германской войны обращался и Теодор Фонтане — ведущий немецкий писатель-реалист того времени. Роман «Борьба за Рим» Феликса Дана и цикл романов «Предки» Густава Фрейтага пользовались огромной популярностью. Своего пика достигла карьера Рихарда Вагнера, оперы которого вполне соответствовали духу времени.

Германское общество, как и экономика страны, находилось в фазе бурных перемен. Эти перемены нередко сопровождались кризисными явлениями. Быстрая урбанизация, рост численности населения, экономические трудности порождали множество социальных проблем. В руках политической элиты находились лишь очень ограниченные инструменты для их решения. Тем не менее, и здесь в эпоху Бисмарка началось формирование современного интервенционистского государства, активно вмешивающегося и регулирующего общественные процессы.

ГЛАВА 5

ГЕРМАНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Повседневная жизнь немцев второй половины XIX века стремительно менялась. В разных сферах эти изменения происходили с различной скоростью. Однако в конечном счете они затрагивали все слои населения. Быстрее всего перемены ощущались в стремительно растущих городских центрах, более плавное течение было характерно для сельской местности.

Урбанизация, ставшая одним из ключевых трендов последней трети XIX века, сопровождалась нарастанием социальных проблем. Строительство жилья не успевало за скачком численности населения. В результате возникал дефицит жилых площадей. В первую очередь в бедных районах тысячи людей теснились на небольшом пространстве; наниматели дешевых квартир часто вынуждены были сдавать углы и койки тем, кто зарабатывал еще меньше. Временами на окраинах крупных городов возникали самые настоящие фавелы, населенные безработными и бродягами. Городские власти, как правило, стремились ликвидировать хаотичный «самострой». К примеру, летом 1872 года была проведена масштабная полицейская акция, направленная на снос хижин бедняков на окраинах Берлина. Результатом стали достаточно серьезные волнения, продолжавшиеся несколько дней.

Тем не менее, развитие городов ни в коем случае нельзя представлять исключительно в черном свете. Более того,

по сравнению с первой половиной столетия прогресс был налицо. В центральных районах часто велось новое строительство, расширялись улицы, на месте средневековых укреплений появлялись бульвары. Принимались стандарты застройки — в частности, в Берлине это произошло в 1862 году. В 1870-е годы единые стандарты были приняты для всей Пруссии.

Облик городов все сильнее определялся многоэтажными домами, вплотную примыкавшими друг к другу. Городская земля стоила дорого, и застройщики стремились распорядиться ею максимально эффективно. В результате, как метко выразился Томас Ниппердей, немцы становились «нацией квартиросъемщиков».¹ Квартирная плата поглощала от 10 до 25 процентов семейного дохода. Представители разных социальных групп жили в различных кварталах. Дома для представителей обеспеченных слоев населения отличались большими квартирами; четырехкомнатная считалась маленькой, 6—8-комнатная — средней, а максимальный размер доходил до 12 и даже 18 комнат. В рабочих кварталах квартиры были гораздо скромнее и нередко давали приют нескольким домохозяйствам. Они состояли из кухни и одной-двух комнат, причем, как правило, только одно помещение в квартире было отапливаемым.

После страшных эпидемий холеры в первой половине столетия городские власти были вынуждены озаботиться строительством канализационных и водопроводных систем. Этот процесс начался в крупных городах в 1850-е годы и развивался довольно медленно, но верно. Так, в Берлине строительство подземной канализации было начато в 1873 году. В это же время большое развитие получили системы газового освещения. Велось активное мощение улиц, создавались службы вывоза бытовых отходов. Город постепенно переставал быть средоточием нечистот, грязи и болезней и приобретал современный вид. С 1880-х годов все более широкое распространение стали получать системы городского транспорта. От экипажей на конной тяге и городских железных дорог быстро перешли к электрическому трамваю.

Германская семья в последней трети XIX века в общем и целом отвечала классической патриархальной ролевой модели. С точки зрения всех политических сил она оставалась необходимой и неприкосновенной ячейкой общества. Конечно, и здесь были серьезные различия между отдельными социальными группами и даже семьями. Однако в целом считалось, что сфера деятельности женщин — домашнее хозяйство и воспитание детей. Женщины не учились в университетах, не говоря уже о том, чтобы занимать какие-либо государственные должности; их не было среди врачей, юристов, инженеров. Единственной доступной им интеллектуальной профессией была работа учительницы. В целом, по официальным данным, в 1882 году работали 34 процента немецких женщин.² Основными сферами занятости были текстильная промышленность и производство одежды, домашняя прислуга, сельское хозяйство.

Модели крестьянской, рабочей и буржуазной семьи, разумеется, значительно отличались друг от друга, однако имелись и общие черты, характерные для той эпохи. Время вступления в брак — как в городе, так и в деревне — оставалось достаточно поздним как для мужчин, так и для женщин: 25—30 лет. В семьях среднего класса и элиты мужчины нередко женились позднее, а женщины выходили замуж раньше этого возраста. Наиболее распространенной формой была малая семья, где под одной крышей жили два поколения — родители и несовершеннолетние дети. Даже в деревнях «большие семьи» из нескольких поколений встречались все реже, хотя здесь сохраняли большое значение «клановые» связи между родственниками, живущими поблизости друг от друга.

Семейная жизнь считалась нормой, основой общества. Развод был возможен, но довольно проблематичен. Для такого шага требовались веские причины; развод по обоюдному согласию являлся длительной и сложной процедурой. В 1890 году на каждые сто тысяч семей приходилось всего 74 развода.³ Браки, как правило, заключались внутри своей социальной группы.

В семьях среднего класса жены обычно занимались домашним хозяйством; как правило, в этом им помогала прислуга. Общепринятой нормой считался брак по любви; в ходе сватовства ключевое значение имело согласие девушки, хотя мнение ее родителей по-прежнему играло важную роль. В сельской местности эта роль часто была определяющей. В крестьянских семьях женщины по-прежнему принимали большое участие в сельскохозяйственных работах. Однако по мере механизации и здесь все более четко проявлялось разделение гендерных ролей: работа с машинами и механизмами считалась мужским делом.

В рабочих семьях жена продолжала трудиться на фабрике до рождения первого, реже второго ребенка; после этого она возвращалась на производство только в исключительных случаях. Ее уделом становился присмотр за детьми, домашнее хозяйство и плохо оплачиваемая надомная работа. Мужчина и здесь являлся главным (а часто единственным) кормильцем.

Семья становилась в первую очередь пространством частной жизни. Рост интимности в отношениях между супругами выражался в том, что они стали называть друг друга на «ты» (то же самое касалось и общения между родителями и детьми). Сексуальная мораль была достаточно строгой, особенно в семьях городского среднего класса. Менее «викторианскими» были нравы в рабочей и крестьянской среде, и процент внебрачных детей здесь был выше. Тем не менее, ни о каких вольных нравах не могла идти речь и в данном случае. Жены рабочих с презрением и отвращением смотрели на женщин, чья судьба толкнула на панель.

Строгая мораль, впрочем, не мешала развитию проституции и внебрачных связей. В имперской столице в эпоху Бисмарка насчитывалось, по разным оценкам, от 16 до 50 тысяч «жриц любви».⁴ Государство пыталось регулировать проституцию, но успех был весьма относительным. Доля внебрачных детей была особенно высокой в небольших студенческих городках вроде Гейдельберга или Тюбингена.

Существующие правовые нормы также способствовали закреплению патриархального уклада. Семейное право напрямую называло мужчину главой семьи. Для того чтобы выйти замуж, девушке до достижения 25-летнего возраста требовалось согласие отца. В государстве женщины не обладали избирательным правом. Кроме того, практически во всех германских государствах им было напрямую запрещено участие в работе политических партий и объединений. До начала XX века они не имели возможности учиться в университете — в этом отношении Германия серьезно отстала от ряда других европейских стран.

В представлении германского общества конца XIX века существовало строгое разделение гендерных ролей: мужчина должен был быть «мужественным», женщина — «женственной». Излишне сентиментальный и мягкий молодой человек, а тем более девочка, ведущая себя, как мальчуган, вызывали неодобрение и порицание. Гомосексуализм был жестко табуирован и считался болезнью. Табуированной в рамках «викторианской» морали являлась и открытая сексуальность. Одним из побочных эффектов становился быстрый рост проституции, а также порнографической продукции, которая переживала настоящий бум в последней трети XIX века.

Семьи были, как правило, многодетными, если этому не мешало здоровье супругов. Воспитание детей оставалось в большинстве случаев авторитарным. Конечно, педагогика уже достигла существенного прогресса. На детей не смотрели как на «маленьких взрослых», как это было в предшествующие эпохи. Однако образ «хорошего ребенка» включал в себя, в первую очередь, послушание и примерное поведение. В особенности это было характерно для буржуазных семей, где от мальчиков, помимо всего прочего, требовалось хорошо учиться и оправдывать надежды родителей. Зачастую чем больше родители любили своего отпрыска и чем больше внимания ему уделяли, тем сильнее становилось оказываемое на него давление. Одним из лучших методов воспитания по-прежнему считалось наказание; большой по-

пулярностью пользовалась пословица «Тот, кто редко пускает в ход палку, портит ребенка».

Если мальчикам стремились дать в первую очередь образование, то девочкам — воспитание. Для девушек, в первую очередь из буржуазных слоев, главной целью являлось замужество. Оно придавало соответствующий социальный статус. К «старым девам» относились с жалостью — как к людям, которым не повезло в жизни. Для многих семей рождение мальчика — «продолжателя рода» — было намного более значимым событием, чем рождение девочки.

В рабочих семьях воспитание было менее строгим, в первую очередь потому, что у работающих родителей попросту не хватало на него времени и сил. Детей из рабочих семей воспитывала во многом улица. Они достаточно рано уходили из дома, становясь самостоятельными. Несмотря на то что детский труд на фабриках являлся скорее исключением, в городе у подростков было много возможностей зарабатывать небольшие деньги.

В крестьянских семьях за маленькими детьми присматривали, в первую очередь, их старшие братья и сестры. Как только появлялась возможность, детей сразу же привлекали к сельскохозяйственным работам. Детская смертность в деревне оставалась высокой, однако и отношение к ней было вполне спокойным; смерть ребенка не считалась чем-то экстраординарным. С окончанием народной школы детство отпрыска крестьянской семьи, как правило, завершалось бесповоротно. В дальнейшем большую роль в его жизни играла служба в армии, которая часто воспринималась как своеобразная инициация. Военное министерство, в свою очередь, стремилось рекрутировать солдат в первую очередь из рядов «политически благонадежного» сельского населения.

Быт разных слоев населения в значительной степени отличался. Нелепо было бы сравнивать в этом отношении силезского аристократа с коечником в Рурской области. Тем не менее, и здесь мы можем выделить определенные общие черты, характерные для той эпохи.

Качество питания медленно, но верно улучшалось. Массовый голод, еще актуальный в середине XIX века, ушел в прошлое.росло потребление животных продуктов — мяса, молока, яиц; тем не менее, важнейшими источниками калорий оставались хлеб и картофель. В больших городах росло потребление овощей; свежие фрукты появлялись, в первую очередь, на столах обеспеченных людей, основная масса горожан довольствовалась сухофруктами. В целом питание становилось более здоровым — больше калорий, больше белка, больше разнообразия, больше витаминов. Доля расходов на продукты питания в семейном бюджете разных слоев населения медленно, но верно снижалась.

В последней трети столетия складывание мирового рынка продовольствия и развитие пищевых технологий окончательно подвело черту под эпохой, когда человек питался в основном тем, что производилось в непосредственной близости от его места жительства. На столе немцев оказались продукты не только с разных концов страны, но и из разных регионов мира. Подушевое потребление сахара за последнюю треть XIX века выросло, например, в четыре раза; из предмета роскоши он превратился в неотъемлемую часть рациона. В 1870 году появился маргарин, в 1880-е годы были разработаны технологии длительного хранения молочных и мясных продуктов. Тогда же на рынок вышли суповые концентраты (широко известные по сегодняшний день «Магги» и «Кнорр»). В 1886 году появилось пастеризованное молоко. По словам Томаса Ниппердея, «в 1900 году питание рабочего было больше похоже на современное, чем на его же питание 1850 года».⁵

Потребление алкоголя было достаточно высоким (10.5 литров на человека в год в начале 1870-х годов), однако стабилизировалось на этом уровне, а затем начало понемногу снижаться. Пьянство, в первую очередь в низших слоях населения, было социально приемлемым — по крайней мере, до тех пор, пока человек не становился законченным алкоголиком. В то же время алкогольные напитки постепенно переставали использоваться в качестве источника калорий или

для банального утоления жажды; они превращались в средство проведения досуга. Хотя на многих фабриках рабочие все еще могли употреблять пиво, постепенно ему на смену приходили безалкогольные напитки. Росло потребление чая и кофе, которое вышло за пределы среднего класса. Немцы стали больше курить, причем сигары и сигареты вели успешное наступление на позиции традиционной трубки.

Все более единообразными становились и ритуалы, связанные с приемом пищи. В последней трети XIX века практически общепринятыми стали манеры, принятые в бургерской среде — индивидуальные тарелки, ложки и вилки в качестве столовых приборов. Завтрак становился все более простым и легким, роль главного приема пищи досталась горячему обеду в середине дня. В семьях среднего класса нормой стал обед из двух-трех блюд. В 1880-е годы в городах начали появляться газовые плиты.

Одновременно с развитием промышленности в повседневную жизнь людей все шире проникали массовые, стандартные изделия. Параллельно менялись и структуры розничной торговли. В последней четверти XIX века в Германии началась эпоха крупных универсальных магазинов. Первый универмаг современного типа в Германии был открыт в 1885 году; образцом для его основателя Леонхарда Титца являлись аналогичные французские торговые заведения. Тогда же, в 1880-е годы, свое дело открыл Рудольф Карштадт, вскоре ставший владельцем большой (и существующей по сегодняшний день) сети универсальных магазинов.

В конце XIX века представителей разных социальных слоев еще можно было с первого взгляда отличить друг от друга по их одежде. Однако и здесь тенденция к универсальности давала о себе знать. Одежда обеспеченных слоев становилась проще и демократичнее, городских низов — напротив, все больше подтягивалась к «буржуазным» стандартам. Именно средний класс в возрастающей степени становился законодателем мод. Разница между повседневной и «парадной» одеждой тоже уменьшалась. В сфере женской моды намечался переход от тяжелых платьев к все более легким

и простым фасонам. Здесь, как и в случае с мужской модой, большое влияние оказывала растущая популярность спорта и прогулок.

Способы проведения досуга довольно серьезно отличались у представителей разных социальных слоев. То же касается и количества свободного времени; как правило, чем выше были доходы человека, тем больше он мог отдыхать. Тем не менее, и здесь можно наблюдать определенные общие тенденции. Так, праздники все сильнее уходили в сферу частной жизни, семейные торжества играли возрастающую роль по сравнению с традиционными массовыми гуляниями.

Все большее значение в сфере досуга, особенно в городах, играли «союзы» («ферейны»). Разные по своему профилю (от эксклюзивных клубов до обществ любителей прогулок и союзов ветеранов), ориентированные на различные слои населения, они вместе составляли развитую сеть. Шуточная пословица гласит, что там, где собираются вместе три немца, возникает «ферейн». Особую роль играли спортивные общества: любительский спорт в 1870—1880-е годы развивался и становился более многообразным. К моменту основания империи в этой сфере господствовали гимнастические союзы, имевшие, помимо всего прочего, ярко выраженную политическую (национальную) направленность. Главная организация — «Германское объединение гимнастов» — включала в себя в 1869 году 1546 союзов, общее число членов которых составляло около 128 тысяч. В эпоху Бисмарка стремительно росла популярность велосипедного спорта (Немецкий союз велосипедистов основан в 1884 году), гребли, плавания, тенниса, футбола. Все более распространенными становились пеший туризм и альпинизм.

Появление отпусков у служащих (а в некоторых случаях и у квалифицированных рабочих) и рост доходов способствовали развитию массового туризма. Если раньше поездка «на воды» считалась привилегией элиты, то теперь короткое путешествие на курорт или на море становится нормой и для среднего класса. Морской курорт на острове Нордерней, к примеру, в 1865 году посетило около трех тысяч, а в 1885 го-

ду — уже 11 тысяч туристов. Среди горожан, в том числе с небольшим достатком, популярностью пользовались поездки по железной дороге «на природу» в выходной день.

Зарубежный туризм, безусловно, оставался привилегией богатых. Посещение театров и концертов также было доступно, в первую очередь, обеспеченным слоям населения.

Одним из главных способов проведения досуга постепенно становилось чтение. Это касалось как периодической печати, так и книг. Если в конце 1860-х годов в Германской империи на сотню жителей приходились три экземпляра газеты, то в начале 1890-х — уже 10—11.

Германская печать 1870—1880-х годов делилась на несколько категорий. К первой принадлежали общенациональные и локальные газеты. Они стоили достаточно дорого, поэтому были доступны, в первую очередь, представителям образованных средних слоев. Тиражи были соответствующими — даже самые авторитетные общенациональные газеты редко пересекали планку в 10 тысяч экземпляров. В 1885 году средний тираж германской газеты составлял около 2600 экземпляров.⁶ Однако общенациональные издания дополнялись густой сетью локальных газет, которая покрывала всю страну. В начале 1870-х годов в Германии насчитывалось уже более полутора тысяч ежедневных газет. И, если основной печатный орган католической партии Центра — «Германия» («Germania») — имел в 1871 году тираж 8 тысяч экземпляров, то охватывавшая всю страну сеть из 126 католических газет — 322 тысячи.⁷ Поскольку редакции небольших изданий не могли полностью обеспечить себя оригинальными материалами, широко распространенной практикой являлась перепечатка материалов других газет.

Практически каждая газета имела свою четкую политическую направленность. Некоторые и вовсе были напрямую связаны с конкретными партиями. Так, «Новая прусская газета», больше известная как «Крестовая газета» («Kreuzzeitung»), была рупором консерваторов. «Национальная газета» («National-Zeitung») была тесно связана с национал-либералами. Газеты публиковали большой объем инфор-

мации, включая новости, аналитические материалы, отчеты о заседаниях парламента, художественные произведения, коммерческую рекламу. На рынке ежедневных общественно-политических газет лидирующие позиции прочно удерживали издания либеральной направленности.

Правительство обладало своими рычагами влияния на прессу. Они носили как официальный, так и неофициальный характер. В 1869 году телеграфное агентство Вольфа — одно из крупнейших информационных агентств в мире — в обмен на финансовую помощь со стороны правительства обязалось учитывать его интересы в рамках секретного соглашения. Вплоть до 1884 года еженедельно выходила официозная газета «Провинциальная корреспонденция» («*Provinzial-Correspondenz*»), в которой помимо различного рода документов и отчетов о парламентских заседаниях публиковались политические статьи. Основной целевой аудиторией газеты были редакции локальных (окружных) изданий, многие из которых брали содержание «Провинциальной корреспонденции» практически без изменений, лишь дополняя его местными новостями. В 1882 году была основана газета, ставшая преемницей «Провинциальной корреспонденции» — «Новейшие известия» («*Neueste Mittheilungen*»). Формально она являлась независимой, однако в реальности выражала точку зрения правительства.

«Новейшие известия» финансировались из секретного фонда, образованного из имущества лишенной трона ганноверской династии. Официально называвшийся «вельфским», этот фонд получил в обществе прозвище «рептильного», а финансируемые из него издания — «рептильной прессы». Самым известным получателем скрытых правительственных дотаций являлась «Северогерманская всеобщая газета» («*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*»), которая в 1870-е годы превратилась практически в личный рупор Бисмарка.

В 1880-е годы все более серьезную конкуренцию качественной прессе стали составлять так называемые «генераль-анцайгеры» — газеты, коммерческая стратегия которых была основана на размещении большого количества объяв-

лений и рекламы, а также публикации всевозможных неполитических новостей. Благодаря этому их издателям удалось снизить цену. В своей редакционной политике они ориентировались на массовую аудиторию, делая упор на короткие новости и развлекательные тексты. Тиражи «генераль-анцайгеров» быстро достигли десятков, а впоследствии и сотен тысяч экземпляров. Фактически они являлись немецким вариантом (и непосредственными предшественниками) современной массовой прессы. Росту тиражей газет способствовали новые технологические процессы, существенно повышавшие скорость и снижавшие стоимость печати.

Однако еще большей популярностью пользовались журналы для домашнего чтения. Рассчитанные на широкую аудиторию, они публиковали в первую очередь художественные произведения (в том числе романы с продолжением в каждом выпуске), а также развлекательные материалы. Классическим примером подобного журнала стали «Листья сада» («Die Gartenlaube»). Основанный в 1853 году, этот журнал к 1861 году достиг тиража в 100 тысяч экземпляров. В 1876 году тираж приблизился к 400 тысячам. Общий же объем читательской аудитории, по оценкам исследователей, был на порядок больше.

Большую роль в журналах подобного типа играли иллюстрации (поэтому их считают предшественниками современных иллюстрированных журналов). Политическая позиция если и выражалась, то, как правило, достаточно опосредованно.

Среди образованных средних классов большое распространение получили журналы-«обозрения», которые содержали статьи на различные темы, начиная от политических очерков и заканчивая литературными произведениями. Наиболее успешным представителем этого направления стало основанное в 1874 году «Немецкое обозрение» («Deutsche Rundschau»). К ним примыкали общественно-политические журналы — такие, как «Прусский альманах» («Preußische Jahrbücher») или «Вестники границы» («Grenzboten»). Нишу юмористических изданий занимали еженедельник «Тарарам»

(«Kladderadatsch») и социал-демократический журнал «Правдивый Якоб» («Der wahre Jacob»).

Стремительно развивался книжный рынок. Историки говорят о «второй читательской революции», связанной, в том числе, с появлением большого количества «грошовой» литературы. Число наименований книг, выпускаемых германскими издательствами, все время росло; в 1868 году оно превысило 10 тысяч, в 1879 году достигло 14 тысяч.

Большую роль в этом процессе играли коммерческие библиотеки, быстро распространившиеся по всей Германии. За небольшую абонентскую плату любой немец мог записаться в библиотеку и брать на дом книги на определенный срок. В 1865 году в Германии насчитывалось около двух тысяч таких библиотек, к концу века их число увеличилось вдвое. В знаменитой берлинской библиотеке «Борштелл и Раймарус» насчитывалось около 600 тысяч томов. Библиотеки стали мощным мотором развития издательского дела.

Наибольшей популярностью у немецких читателей пользовались «семейные романы». Признанным лидером среди авторов этого направления являлась Е. Марлитт (псевдоним Евгении Йон). Эпоха бурного успеха приключенческих романов была еще впереди. Религиозная литература, напротив, быстро утрачивала свои позиции.

Быт немцев конца XIX века все сильнее напоминал привычный нам современный быт. Стремительная модернизация происходила в этот период и в другой сфере — в области национальной политики.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭРА

Если открыть любое сжатое описание внутренней политики Бисмарка (хотя бы в рамках университетского учебника), мы практически повсюду встретим один и тот же шаблон. В семидесятые годы Бисмарк устроил «Культуркампф» против католической церкви. Когда его постигла неудача, он порвал с либералами и начал бороться против социал-демократии, однако и в этом потерпел полное поражение, после чего ушел в отставку. В итоге «бонапартистская диктатура Бисмарка разожгла две внутриполитические кампании и обе проиграла: одну — против католицизма, <...> другую — решающую — против социалистического рабочего движения. <...> Кризис бонапартистского режима завершился банкротством».¹

Авторы подобных описаний оказываются в плену стереотипов, созданных еще в конце XIX века и старательно воспроизводимых до сих пор. Ни борьба против политического католицизма, ни запрет социал-демократии не были не то что единственными, а даже главными направлениями внутренней политики Германской империи 1870—1880-х годов. Они являлись, говоря современным языком, лишь наиболее медийными и сопровождались самым громким информационным шумом.

В реальности Бисмарк после создания империи оказался перед множеством задач в самых различных областях,

решать которые приходилось одновременно, причем далеко не в самых благоприятных условиях. К числу последних относится и расстановка сил на политической арене, и социально-экономическое развитие страны. Что не менее важно, значительная часть этих задач была принципиально новой, и опыта их удовлетворительного решения просто не существовало. Лишь постепенно, на ощупь, методом проб и ошибок можно было найти способы справиться с проблемами нового типа.

Ключевой задачей Бисмарка после основания империи было обеспечить развитие молодого государства, проводя умеренную модернизацию и одновременно сохраняя власть традиционной элиты. Существует рассказ о том, что «железный канцлер» в 1871 году спросил фельдмаршала Мольтке, что им остается делать теперь, когда главное дело уже позади. «Смотреть, как растет дерево», — ответил полководец.² В реальности Бисмарк вряд ли стал бы задаваться подобными вопросами. Он понимал, насколько сложные задачи стоят перед ним.

«Железный канцлер» прекрасно сознавал, что попытки законсервировать общество обречены на провал. Необходимы более гибкие подходы. Именно поэтому его отношения с прусскими консерваторами развивались не слишком удачно — остальбское юнкерство упрямо отстаивало свои старинные привилегии, не желая идти ни на какие уступки. Это не было проблемой, пока Бисмарк мог опереться на «имперское» большинство в палате, состоявшее из готовых поддерживать его представителей либерального и консервативного спектра. Его основными партнерами являлись, как уже говорилось выше, национал-либералы.

Впоследствии многие историки будут изображать Национал-либеральную партию как послушных марионеток канцлера, которые двигались от одного предательства своих ценностей и идеалов к другому. Для этой точки зрения есть определенные основания, однако в начале 1870-х годов ситуация выглядела гораздо сложнее. Национал-либералы считали себя равноправными партнерами Бисмарка, принимающими

большое участие в становлении германского национального государства. Конечно, не все в этом государстве устраивало их; но они считали постепенные изменения неизбежными.

В начале 1870-х годов для подобных ожиданий имелись определенные основания. Император, являвшийся главной опорой Бисмарка, был уже глубоким стариком. Никто не мог предвидеть, что он пробудет на троне еще семнадцать лет; вполне можно было ожидать, что в следующее десятилетие Германская империя вступит уже с новым монархом. Наследник престола, кронпринц Фридрих Вильгельм, был молодым, полным сил мужчиной. Он был известен своими либеральными взглядами. Его жена, дочь британской королевы Виктории, оказывала на мужа большое влияние и всей душой ненавидела Бисмарка. Было очевидно, что «железный канцлер» вряд ли долго удержится на своем посту после того, как старый император покинет этот бранный мир. А потом начнется период «либерального правления», когда будут проведены все необходимые реформы и германская система станет идеальной с точки зрения либералов.

Однако этого момента еще следовало дожидаться, и устранять в оставшиеся годы новый конфликт с правительством казалось национал-либералам (да и многим прогрессистам) совершенно бессмысленным. Неудачный опыт борьбы против Бисмарка — прусский «конституционный конфликт» — уже имелся. Гораздо более конструктивным выглядело сотрудничество с государственной властью, позволявшее оказывать пусть ограниченное, но вполне реальное влияние на ее действия. Кроме того, оно давало национал-либералам возможность позиционировать себя в глазах избирателей в качестве «партии германского единства» и за счет этого приобретать дополнительные голоса на выборах.

«Задачи, стоящие перед нынешним рейхстагом, и в целом переустройство Германии, — заявлял лидер национал-либералов Рудольф Беннигсен в 1874 году, — столь необычны, <...> что нам необходимо в первую очередь спокойное и постоянное движение в определенном направлении, если мы не хотим снова поставить все под вопрос. Когда еще в истории

бывало такое, чтобы правительство и народное представительство взялись в течение нескольких лет фундаментальным образом переустроить все составляющие общественной жизни? Чтобы это удалось, не должно случиться ни колебаний, ни кризиса, следует держаться тех основ, на которых была предпринята эта попытка, следует сохранять единство всех сил, на которые мы при этом опираемся и поддержка которых необходима до самого конца. Партии, которые сотрудничают в рамках этого большого переустройства, должны в первую очередь думать об Отечестве и только во вторую — о своих политических принципах, консервативных или либеральных».³

Именно поэтому период 1871—1878 годов обычно называют «Либеральной эрой» в истории Второй империи. Либералы были не только основной опорой Бисмарка в германском и прусском парламенте. Среди ключевых фигур в административном аппарате также было немало людей, известных своими либеральными взглядами. К их числу, к примеру, принадлежал Рудольф фон Дельбрюк, глава администрации канцлера. Его часто называли «правой рукой» Бисмарка. Именно Дельбрюк вел в 1870 году переговоры с представителями южногерманских государств об условиях их вступления в состав новой империи. Он же был основным связующим звеном между Бисмарком и либеральными политическими кругами. Другим либералом на важном государственном посту являлся Отто фон Кампгаузен, ставший в 1869 году прусским министром финансов. В 1873 году он даже был назначен заместителем главы прусского правительства.

Говоря о внутренней политике Бисмарка, необходимо отметить, в первую очередь, что она развивалась на двух уровнях: имперском и прусском. «Железный канцлер» оставался одновременно прусским министром-президентом (за исключением краткого периода 1872—1873 годов, когда он передал этот пост военному министру Роону) и министром иностранных дел. Авторы сжатых обзоров иногда ради простоты смешивают между собой два этих уровня, объясняя свои действия тем, что Пруссия составляла большую часть

Германской империи. Это не вполне корректно. Хотя в целом политический курс на прусском и общегерманском уровнях был одним и тем же, определенные различия все же существовали. И задачи, и расстановка политических сил в рейхстаге и прусском ландтаге значительно отличались друг от друга. И, что не менее важно, мы не должны забывать о той автономии, которой пользовались в составе империи другие германские государства, каждое из которых могло проводить во многих областях собственную внутреннюю политику.

«Основание Германской империи произошло не в 1871 году», — пишет современный биограф Бисмарка Кристоф Нонн, говоря о том, что создание нового государства являлось растянутым во времени процессом.⁴ В сфере внутренней политики главной задачей в 1870-е годы стало так называемое «внутреннее основание империи». Речь шла о том, чтобы обеспечить новое государство законодательной и административной системой. Первым этапом стало распространение целого ряда законов, принятых в Северогерманском союзе, на всю империю. Это касалось как свободы передвижения германских граждан, так и свободы экономической деятельности.

В период с 1871 по 1875 год рейхстаг принял в общей сложности 167 законов, многие из которых носили фундаментальный характер и имели большие политические последствия. Уже в 1871 году была введена новая единая валюта — немецкая марка (до этого на территории Германии существовало семь валютных систем).⁵ В 1873 году был принят золотой стандарт; эта мера способствовала стабильности новой валюты и ее свободной конвертации, что пошло на пользу немецкой внешней торговли. Пять лет спустя закончился переходный период, и все местные валюты прекратили свое хождение. В 1875 году Прусский государственный банк был превращен в Имперский банк (Рейхсбанк). Выпуск банкнот был подчинен строгим правилам (хотя и остался в значительной степени децентрализованным, что делало практически невозможным проведение государственной монетарной политики).

Стоит отметить, что экономические и финансовые вопросы находились главным образом в сфере деятельности Кампгаузена и Дельбрюка. Либеральный характер экономической политики этого периода особенно ярко проявился в принятом в 1873 году рейхстагом решении об отмене пошлин на железо с 1877 года. В 1874—1877 годах был принят ряд законодательных актов, направленных на защиту торговых марок и формирование единой патентной системы.

В 1874 году на всей территории империи была введена единая метрическая система мер и весов. Одновременно обеспечивалось единство юридических норм. В конце 1871 года был принят новый уголовный кодекс, который вступил в силу с января следующего года. Любопытно, что он (естественно, с многочисленными изменениями и дополнениями) остается в силе по сегодняшний день. С 1873 года началась работа по созданию единых имперских норм в сфере гражданского права, когда последнее было передано из сферы компетенции отдельных государств в общегерманскую. Процесс, однако, оказался небыстрым, и новый гражданский кодекс был принят только в 1896 году, уже после отставки Бисмарка. В 1876—1879 годах были унифицированы процессуальные нормы в уголовной и гражданской сфере, а также общая структура судебной системы. В 1879 году в качестве высшей судебной инстанции нового государства был создан Имперский суд в Лейпциге.

Многие законодательные акты принимались рейхстагом достаточно легко. Однако так происходило далеко не всегда. Наличие «имперского» большинства в палате не спасало от достаточно серьезных дискуссий по ряду вопросов. К примеру, одной из ключевых проблем в первой половине 1870-х годов являлся вопрос имперского военного закона. Здесь в очередной раз столкнулись интересы руководства вооруженных сил и либерального большинства парламента. Конфликт начался еще в 1871 году, когда истек срок «временного положения», закреплявшего размер армии мирного времени и объем расходов на нее. Поскольку военный законопроект был не готов по вполне уважительной причине — война против Фран-

ции, — «временное положение» в конечном счете продлили еще на три года.

Суть проблемы заключалась в том, что военные хотели установить численность армии мирного времени на неограниченный срок («этернат»). Это вело к практически автоматической фиксации объема затрат на сухопутную армию, которые составляли в первой половине 1870-х годов более трех четвертей от общего объема имперских расходов.⁶ Тем самым наносился серьезный удар по бюджетному праву рейхстага — одному из основных рычагов влияния парламента на исполнительную власть. Для либералов это было неприемлемо.

Военный закон стал (наряду с Культуркампфом, о котором пойдет речь дальше) одним из главных сюжетов предвыборной борьбы перед вторыми выборами в рейхстаг, состоявшимися в январе 1874 года. Их итоги оказались довольно неоднозначными. Во-первых, резко (с 51 до 61 процента) выросла доля избирателей, решивших принять участие в голосовании. Процесс политизации германской общественности, продолжавшийся и в дальнейшем, отчетливо проявил себя. Во-вторых, внутри самого парламента произошел сдвиг влево. Либеральная имперская партия практически прекратила свое существование. Консерваторы потеряли почти половину своих избирателей и больше половины мандатов — их представительство в палате снизилось с 57 до 21 депутата. Имперской партии удалось избежать больших потерь, однако число мандатов все равно уменьшилось с 38 до 33.

Зато рекордного результата добились национал-либералы, которые провели в палату 155 своих представителей и оказались не так уж далеко от абсолютного большинства. До самого конца существования Второй империи ни одной партии больше не удавалось сформировать в парламенте столь мощную фракцию. Число мандатов прогрессистов, как и процент поданных за них голосов, осталось достаточно стабильным — 49 мест против 46 на первых выборах. И настоящей сенсацией (не слишком приятной для Бисмарка и либералов) стал рост представительства католической партии Центра:

число ее мандатов увеличилось с 60 до 91. Еще более впечатляющим оказался прирост поданных за нее голосов: с 710 тысяч в 1871 году до 1.44 миллиона в январе 1874 года! Партии Центра удалось мобилизовать католических избирателей, ранее не принимавших участие в выборах в рейхстаг. Еще больше усиливало ее позиции то обстоятельство, что к ней примыкали небольшие «протестные партии» — 15 депутатов от Эльзас-Лотарингии, 14 поляков, четыре вельфа и один датчанин.

На этом фоне почти незаметным оказался успех социал-демократов: несмотря на существование двух конкурирующих партий, их совместное представительство увеличилось с двух до девяти депутатов, а количество поданных голосов — со 100 до 350 тысяч! Германским левым тоже неплохо удалась мобилизация электората. Их успеху способствовал, безусловно, и начавшийся экономический кризис.

Как бы то ни было, «имперское» большинство прекратило свое существование. Для принятия законопроекта необходима была поддержка либо консерваторов, либо левых либералов. Начавшиеся в феврале дебаты достаточно быстро зашли в тупик: военные при поддержке императора требовали «этерна́та», либералы — ежегодного утверждения. Бисмарк не принимал участия в дискуссиях в связи с болезнью.

О знаменитых болезнях «железного канцлера» написано очень много. Большинство историков видят в них хитрые тактические ходы, позволявшие канцлеру в нужные моменты удаляться от дел, чтобы в решающий момент появиться на сцене и доказать всем свою незаменимость. Нужно, однако, отметить, что самочувствие Бисмарка действительно оставляло желать лучшего. Нездоровый образ жизни и постоянные стрессы привели к бессоннице, ожирению, нервным болям. Канцлер и вправду нуждался в том, чтобы периодически уезжать из Берлина в одно из своих имений, порой на долгий срок. Однако это не отменяет того факта, что он нередко использовал свои отлучки в тактических целях.

Так было и весной 1874 года. К концу марта, после неудачных попыток найти компромисс, на горизонте забрезжил

призрак серьезного кризиса; не кто иной, как Вильгельм I, сравнил происходящее с «конституционным конфликтом» начала шестидесятых. Единство Национал-либеральной партии подверглось серьезному испытанию: правое крыло готово было пойти навстречу правительству, в то время как левое отстаивало бюджетное право. «Мы стоим перед вакуумом, — писал один из депутатов. — Национал-либералы полностью раскололись в главном вопросе».⁷ После ожесточенной газетной кампании, призванной надавить на левых либералов, Бисмарк в апреле вышел на сцену и достаточно быстро согласовал со всеми заинтересованными сторонами «септеннат» — семилетний срок действия законопроекта. Канцлер был вовсе не заинтересован в «этернате», который сделал бы военных еще более независимыми от него.

20 апреля военный законопроект был принят в рейхстаге 214 голосами против 123. За компромисс проголосовала, помимо обеих консервативных фракций и национал-либералов, часть прогрессистов. Принятие военного закона означало существенное ограничение бюджетного права рейхстага. Ради сотрудничества с правительством либералам пришлось наступить на горло собственным принципам. Лидер прогрессистов Ойген Рихтер обвинял национал-либералов в том, что они «поступились конституционными правами народа», и называл принятие септенната своим «первым парламентским поражением в серьезном вопросе».⁸

Значение септенната достаточно высоко оценивалось как современниками, так и исследователями. Либеральный политик Паризиус, например, говорил о том, что дебаты вокруг военного законопроекта «представляют собой поворотный пункт в парламентской истории Германии».⁹ Михаэль Штюрмер в своей ранней работе подчеркивал, что септеннат «установил масштабы, в которых должно было происходить дальнейшее развитие взаимоотношений буржуазного конституционного государства и доиндустриальных властных элит».¹⁰

Горечь от вынужденного компромисса в военном вопросе либералам несколько смягчило принятие закона о прессе, которое произошло практически параллельно, в мае 1874 года.

По сравнению с существовавшими ранее правовыми нормами этот закон означал существенный шаг вперед, в сторону либерализации. К примеру, был отменен обязательный залог для издателей газет. Конфискация тиража была возможна только в строго оговоренных случаях. Хотя в руках государства оставались определенные рычаги воздействия на неугодные издания, в целом закон оказался одним из наиболее либеральных в мире. Достаточно точным является название, которое дала этому законодательному акту Светлана Валерьяновна Оболенская — «закон о свободе прессы».¹¹ Он продолжал действовать еще долго после крушения Второй империи — в некоторых федеральных землях ФРГ вплоть до 1960-х годов.

В ходе «внутреннего основания империи» развивалась и система центральных органов власти. Достаточно быстро выяснилось, что управлять государством с помощью небольшого ведомства имперского канцлера и прусских министерств затруднительно. В 1873 году было создано имперское железнодорожное ведомство, в 1876 году за ним последовали имперское ведомство здравоохранения и имперское почтовое ведомство, в 1877 году — имперское ведомство юстиции, в 1879 году — имперское казначейство и ведомство по делам Эльзаса и Лотарингии.

Ведомство имперского канцлера превратилось в ведомство внутренних дел. Ему на смену в качестве аппарата главы правительства в 1878 году пришла имперская канцелярия. Именно последняя достаточно быстро заняла центральное место в системе государственных учреждений. В конце 1870-х годов имперский бюрократический аппарат был еще относительно невелик — около 500 человек, — однако его значение постоянно росло. И политика Бисмарка, и объективная тенденция были направлены в сторону централизации властных функций. К концу 1870-х годов система имперских ведомств стала напоминать структуру полноценного правительства. Тем не менее, Бисмарк стремился не допустить появления ответственных министров и сохранить все нити административного аппарата в своих руках.

Реформы, как и сотрудничество Бисмарка с либералами, вызвали болезненную реакцию у прусских консерваторов. В начале 1870-х годов испортились отношения «железного канцлера» со многими прежними сподвижниками. Первым серьезным конфликтом стал вопрос о реформе местного самоуправления в Пруссии. В 1872 году на рассмотрение ландтага был вынесен законопроект, в соответствии с которым административные полномочия юнкеров были фактически ликвидированы и переданы в руки государственных чиновников. Ликвидация старых, оставшихся еще с феодальных времен порядков оказалась весьма болезненной для ост-эльбского дворянства, привыкшего единовластно распоряжаться в своих владениях. Если нижняя палата прусского ландтага приняла законопроект, то верхняя — «палата господ», куда входили в основном представители юнкерства — намертво заблокировала его. Правительству пришлось прибегнуть к беспрецедентной мере: король за один раз назначил в «палату господ» 24 новых члена, полностью лояльных ему. Благодаря этому удалось получить необходимое большинство.

Оппозиция Бисмарку со стороны консерваторов становилась все более резкой. Канцлер, в свою очередь, не оставался в долгу. Если в прежние годы на выборах административная машина работала на консервативных кандидатов, то теперь она полностью лишила их поддержки. Результат не замедлил сказаться — и на выборах в нижнюю палату ландтага в 1873 году, и на выборах в рейхстаг в 1874 году консерваторы потерпели сокрушительное поражение. Так, в прусском ландтаге они потеряли 86 мандатов — почти три четверти от своего прежнего представительства. Конфликт достиг своей высшей точки в июне 1875 года, когда «Крестовая газета» опубликовала статью, в которой обвинила канцлера в личном обогащении за счет сотрудничества с либералами. Оскорбленный глава правительства в начале 1876 года выступил в рейхстаге с призывом бойкотировать издание. В ответ большая группа влиятельных консерваторов опубликовала декларацию, в которой полностью поддержала позицию сво-

его печатного органа. Среди подписантов было немало личных и политических друзей «железного канцлера».

Еще одной проблемой, возникшей в отношениях между Бисмарком и консерваторами, стало неприятие последними его политики давления на католическую церковь. Для консерваторов религия оставалась одной из главных опор существующего порядка, и тот, кто покушался на нее, покушался на святое во всех смыслах слова. Еще в ходе обсуждения законопроекта о школьном надзоре один из лидеров прусских консерваторов и давний друг Бисмарка Ганс фон Клейст-Ретцов горячо выступил против правительственного предложения, заявив, что «бурные потоки безверия, проистекающие от государства, лишенного веры, затопят наши школы».¹² В дальнейшем отношение к Культуркампфу в консервативных кругах становилось все более негативным.

Термин «Культуркампф» в России обычно переводят как «борьба за культуру». Такой перевод довольно неточен; в оригинале речь идет о борьбе двух культур — светской, выразителями которой являлись либералы, и церковной, в первую очередь католической. Ее целью было ограничение влияния церкви на жизнь государства и общества, ее вытеснение в чисто религиозную сферу.

Стоит отметить, что подобные процессы проходили в последней трети XIX века и в других европейских странах, и Германия вовсе не была здесь исключением. Либералы, находившиеся на пике своего могущества, считали церковь и религию пережитком Средневековья, имевшим право на существование, но не на контроль над жизнью общества. В частности, влияние священников в учебных заведениях должно было быть сведено к минимуму, разрешен светский брак. Особенно усилились эти настроения после того, как ультраконсервативный папа Пий IX сделал ряд шагов явно реакционного характера. В 1864 году он опубликовал «Список современных заблуждений», включавший в себя многие вещи, считавшиеся в современном обществе символом прогресса или даже нормой жизни, а в 1870 году Ватиканским собором был провозглашен догмат о папской непогрешимости.

Историки до сих пор спорят о том, почему Бисмарк начал отчаянную борьбу с католической церковью, в первую очередь с ее политическим крылом — партией Центра. При этом называют множество самых различных причин.

В первую очередь необходимо упомянуть, что, как уже говорилось выше, партия Центра была с самого момента своего основания настроена весьма скептически по отношению к новой империи. Это объяснялось многими причинами. Во-первых, католическая церковь была особенно сильна в тех частях Германии, где традиционно скептически относились к прусской гегемонии. Речь идет о монархиях южнее Майна, о Рейнской провинции, только что аннексированных Эльзасе и Лотарингии и польском населении Пруссии. Центр с момента своего основания превратился в центр притяжения для всех недовольных новыми порядками и доминированием Берлина. Именно поэтому лидеры политического католицизма последовательно защищали права отдельных составляющих империи и выступали против централизации. Во-вторых, лидерам политического католицизма не нравилось сотрудничество главы правительства с их заклятыми врагами — либералами. Все это, в свою очередь, заставляло Бисмарка видеть в партии Центра силу, которая пытается разрушить только что построенное здание новой империи в угоду партикуляристам, и вести с ней решительную борьбу.

Вторая версия исходит из того, что Бисмарк видел в политическом католицизме агентов иностранного влияния. Заклятый враг, Франция, была католической страной, равно как и Австрия, дальнейшие отношения с которой еще были покрыты мраком. «Железному канцлеру» было известно о попытках Наполеона III создать антипруский союз трех католических монархий — Австро-Венгрии, Франции и Италии. Кроме того, католическая иерархия в Германии подчинялась (по крайней мере в некоторых вопросах) папе римскому, что также создавало в глазах «железного канцлера» нежелательный канал иностранного влияния.

Третья версия объясняет Культуркампф в первую очередь психологическими особенностями Бисмарка. Его борьба

с политическим католицизмом была плодом личной ненависти к людям, противившимся его воле. «Железный канцлер» был действительно нетерпим к критике, и с годами эта нетерпимость только усиливалась. Тех, кто вставал у него поперек дороги, он старался уничтожать, переходя при этом порой границы разумного и необходимого.

Четвертая версия в принципе снимает основную ответственность с Бисмарка, рассматривая Культуркампф в первую очередь как дело рук германских либералов, которым «железный канцлер» в данном случае подыгрывал ради уступок в других, более важных вопросах. В определенной степени эту точку зрения разделял лидер партии Центра Людвиг Виндтхорст, упрекавший канцлера в том, что тот стал рабом либерального большинства. Симптоматично, что само слово «Культуркампф» ввел в оборот в 1873 году отнюдь не Бисмарк, а Рудольф Вирхов — знаменитый на весь мир медик и в то же время один из лидеров левых либералов. Для «железного канцлера» борьба с политическим католицизмом была не более чем уступкой желаниям немецких либералов.

Все эти версии имеют под собой определенную основу; скорее всего, Культуркампф объясняется не каким-то одним, а несколькими факторами. Нет никаких сомнений в том, что неприязнь Бисмарка к партии Центра была вполне искренней. Впоследствии в одном из разговоров он заявил, что его жизнь поддерживают и украшают двое: жена и Виндтхорст. Первая существует для любви, второй — для ненависти.¹³

В то же время очевидно, что Бисмарк вел борьбу против Центра не только ради самой борьбы. Он использовал ее в качестве инструмента для достижения других целей — сохранения сотрудничества с либералами, а также консолидации германского общества вокруг правительства перед лицом «внутреннего врага». Выступая в прусском ландтаге в марте 1875 года, Бисмарк говорил о формировании де факто одной партии «большинства, состоящего из поддерживающих государство, достойных уважения и патриотически настроенных

людей» — «разве все партии, которые поддерживают государство и монархию, не сблизились перед лицом чудовищной опасности, которая грозит им с другой стороны?»¹⁴

Во многом поэтому Культуркампу были приданы эсхатологические черты. Был изобретен специальный термин «враги империи», предназначенный для всех, кто скептически относился к новому государству и избранному политическому курсу. Подконтрольная правительству пресса рисовала партию Центра политической силой, работающей на внешнего и внутреннего врага. В ход шли обвинения в тесном сотрудничестве с Францией и Ватиканом; в поддержке регионального сепаратизма; в стремлении развалить империю и лишить немецкий народ национального государства. Одним словом, присутствовал весь набор, который вплоть до сегодняшнего дня авторитарные режимы используют для того, чтобы подвергнуть остракизму своих политических противников. Каждый, кто поддерживал партию Центра, должен был чувствовать себя предателем нации.

Впоследствии Бисмарка не раз обвиняли в том, что он в ходе Культуркампа нанес немецкому народу раны, не затягивавшиеся в течение долгого времени, способствовал расколу нации. «Цена, которую пришлось заплатить за политику „бастионов“ и „осажденного лагеря“, была велика и имела далеко идущие последствия, — писал, к примеру, Рихард Шмидт. — Это был раскол нации на „верные империи“ и „враждебные империи“ элементы, между которыми шла почти что латентная гражданская война. Изгнание партий, носителей воли нации, в гетто политического бессилия. Уничтожение и изоляция всех критических умов, так что в немецком обществе, подобно хронической болезни, распространилась бесхребетность. Наконец, сломленная воля широких слоев населения к конструктивному участию и ответственности за происходящие в государстве процессы, не позволившая удерживать критическую дистанцию по отношению к правительству и вызвавшая в дальнейшем столь печальный симбиоз культа силы и верноподданнического духа».¹⁵

С этим можно согласиться; однако возлагать на «железного канцлера» единоличную ответственность за развязывание конфликта было бы неправильно. То, что партия Центра критически настроена по отношению к политике Бисмарка, оказалось ясно с самого начала. Опубликованная осенью 1870 года предвыборная программа содержала критику в адрес прусской гегемонии. В конце марта 1871 года депутаты Центра проголосовали против благодарственного послания, которое только что избранный парламент направил императору. При обсуждении конституции они требовали включить в нее основные права и свободы граждан; эта поправка была отклонена большинством палаты. Таким образом, противостояние в рейхстаге обозначилось с самого начала независимо от воли Бисмарка. Однако именно «железный канцлер» предпринял максимальные усилия для того, чтобы превратить его в масштабный конфликт.

Ганс-Ульрих Велер делит все законодательные акты, принятые в рамках Культуркампфа, на «структурные», находившиеся в русле общего изменения взаимоотношений между Церковью, государством и обществом в Европе, и «репрессивные», нацеленные на подавление политического католицизма.¹⁶ Первым шагом в рамках Культуркампфа стал роспуск в июле 1871 года католического департамента прусского министерства культов (так полуофициально называли министерство по духовным, учебным и медицинским делам). Этот департамент должен был обеспечивать соблюдение интересов религиозного меньшинства, каковым являлись католики в Пруссии, а затем и германской империи. Нужно сказать, что веротерпимость была одной из давних и глубоко укоренившихся традиций прусской политической культуры, и борьба с политическим католицизмом рассматривалась многими современниками как нарушение этой традиции.

Одновременно в прессе была начата кампания против партии Центра, пока еще носившая достаточно сдержанный характер. Однако уже на данном этапе говорилось о союзе церкви с «красными» (то есть социалистами), против которого правительство вынуждено занять оборонительную

позицию; если Ватикан не остановит партию Центра, государственное руководство полностью снимает с себя ответственность за возможные последствия. Попытки заключить социал-демократов и консервативных по своей сути католиков в одни скобки под именем «врагов империи» с неослабевающим упорством продолжались в течение всего периода Культуркампфа.

Месяц спустя, в августе 1871 года, Бисмарк объявил министру культов фон Мюлеру, что «его целями является борьба с католической партией, особенно в польских областях, Западной Пруссии, Позене, Верхней Силезии — отделение церкви от государства, церкви от школы. Передача школьной инспекции светским лицам. Исключение религиозных уроков из школьных программ».¹⁷ В декабре 1871 года был принят имперский закон, вносивший изменения в уголовный кодекс. Теперь уголовно наказуемым становилось произнесение духовными лицами проповедей, направленных против «общественного мира», то есть против существующей государственной системы. Тем самым затыкался рот всем священникам, которые пытались протестовать против Культуркампфа с церковных кафедр.

Так называемый «кафедральный параграф» открыл череду репрессивных законов, направленных на силовое подавление недовольства среди духовных лиц. В роли инициаторов этого законодательного акта выступили баварские власти — в южногерманских государствах свой Культуркампф велся еще со второй половины 1860-х годов.

Категорически не согласный с этими установками Мюлер был вынужден подать в отставку в январе 1872 года. Его преемником был назначен Адальберт Фальк, человек либеральных взглядов, который стал правой рукой «железного канцлера» в борьбе с католической церковью. Одновременно в прусскую палату депутатов был внесен законопроект о школьном надзоре, передававший права инспекции от церковных органов светским. В ходе дебатов Бисмарк произнес слова, которые задали тон всей последующей кампании против политического католицизма: «Вернувшись из Франции, я

не имел возможности рассматривать создание этой фракции иначе как мобилизацию партии против государства».¹⁸ Обвинения, которые глава правительства обрушивал на головы своих оппонентов, не оставляли сомнений — речь идет об объявлении войны. Войны, как утверждал Бисмарк, не против католической церкви как таковой, не против миллионов верующих, а лишь против политического католицизма и его заграничных кукловодов.

Действительно, в течение определенного времени «железный канцлер» рассчитывал на то, что в ходе раскола среди германских католиков значительная часть церковной организации встанет на сторону государства. Он просчитался; более того, Культуркампф способствовал смягчению объективно существовавших среди католического клира противоречий и консолидации его рядов. Политика правительства была поддержана лишь ничтожным меньшинством духовенства, сразу же оказавшимся в изоляции в своей собственной церковной среде.

Законопроект о школьном надзоре был в итоге успешно принят. Прусские епископы отреагировали на это возмущенным коллективным письмом, в котором утверждали, что отделение Церкви от школы является «серьезным нарушением интересов как церковного, так и гражданского общества». По их словам, Церковь при всем желании не может отказаться от своих дарованных свыше прав в этой области, поскольку «ее неизменный долг — христианское образование и воспитание молодежи».¹⁹

Накал борьбы нарастал. Дальнейшие шаги становились все более репрессивными. Большинство мероприятий в рамках Культуркампфа носили не общеимперский, а прусский характер. Объяснялось это не в последнюю очередь желанием сохранить автономию южногерманских государств, светские власти которых также в известной степени боролись с политическим католицизмом, однако весьма болезненно относились к вмешательству со стороны Берлина.

Весной 1872 года Бисмарк сделал явно провокационный шаг, предложив князя Гогенлоэ на пост прусского послан-

ника при Святом Престоле. Гогенлоэ, являясь кардиналом, был тем не менее противником иезуитов и не поддерживал строго реакционный курс римской курии. В связи с этим он был изначально неприемлемой для Ватикана кандидатурой. Когда папа отверг кандидатуру Гогенлоэ, это было использовано «железным канцлером» как повод заявить о враждебности католической церкви по отношению к новой империи. Выступая в рейхстаге по этому вопросу, Бисмарк произнес одну из самых знаменитых своих фраз: «Мы не пойдем в Каноссу ни телом, ни душой!»,²⁰ намекая при этом на известное путешествие германского императора Генриха IV, который в 1077 году отправился в итальянский замок Каносса, чтобы униженно просить прощения у папы Григория VII.

Несколько недель спустя на свет появился закон о запрете деятельности в Германской империи ордена иезуитов и других родственных орденов. Эти католические ордена распались, их члены, являвшиеся иностранными подданными, выпроваживались за границу. Любопытно, что законопроект появился по инициативе либерально-консервативного большинства рейхстага, которому Бисмарк, безусловно, оказывал большую поддержку. Впрочем, среди либералов нашлись и те, кто протестовал против подобного шага. «Это — самая пагубная мера, которую только можно себе представить, — писал либеральный ученый, публицист и политик Карл Бидерманн лидеру левых национал-либералов Эдуарду Ласкеру. — Это одиозный исключительный закон. <...> Мне трудно себе представить, как Вы можете одобрять подобный закон».²¹

Весной 1873 года прусский ландтаг принял целый пакет законопроектов, наносивших новый удар по позициям католической церкви. Первый из них обязывал будущих католических священников иметь аттестат зрелости, который выдавался после окончания гимназии. Кроме того, необходимо было университетское образование, причем студенты-теологи должны были сдавать так называемый «экзамен по культуре», в ходе которого проверялись их знания в сфере философии, истории и германской литературы. Тем самым го-

сударственный аппарат должен был получить возможность влиять на подготовку священников в выгодном ему ключе. Второй закон делал назначение епископов и священников зависимым от одобрения государственных структур. Третий практически полностью отменял дисциплинарную власть церковных иерархов. Четвертый закон облегчал гражданину выход из церковной общины. Эти так называемые «Майские законы» были разработаны министерством культов при активном участии либеральных депутатов. Фактически они были нацелены не на отделение церкви от государства, а на подчинение первой второму.

«Майские законы» 1873 года обострили конфликт с католической церковью до предела. Прусские епископы сразу же заявили о том, что отказываются их признавать. Конфликты между священниками и представителями власти множились, все больше приходов оставались вакантными. Духовные лица приговаривались к большим денежным штрафам; епископ Трирский, например, должен был заплатить 130 тысяч марок. Обычно эти суммы не выплачивались, и тогда государство под возмущенный ропот общественности приступало к конфискации церковного имущества. С мая 1874 году духовные лица, нарушавшие «Майские законы», могли быть высланы из района своего проживания. В особых случаях они могли быть даже лишены гражданства и отправлены за пределы империи.

Многие немецкие католики, стоявшие ранее в стороне от политики, начали активно поддерживать партию Центра. Выборы в прусский ландтаг в ноябре 1873 года и в рейхстаг в январе 1874 года продемонстрировали стремительный рост числа католических депутатов. Однако либералы тоже улучшили свои позиции.

13 июля 1874 года, когда канцлер находился на отдыхе в Киссингене, на него было совершено очередное покушение. Молодой католический подмастерье по фамилии Кульманн решил подкрепить слова делом, выстрелив в Бисмарка из револьвера. Канцлер отделался легким ранением и получил в свои руки прекрасный повод для очередного ужесточения

борьбы с политическим католицизмом. Явная связь мотивов покушения с Культуркампом позволила Бисмарку использовать эту историю для борьбы со своими политическими оппонентами. «Отпихивайте этого человека сколько угодно! Он все равно цепляется за подола ваших сутан!» — заявил глава правительства в парламенте вскоре после покушения.²²

Культуркампф продолжался с нарастающим ожесточением. В 1874 году в Пруссии был введен обязательный светский брак. Венчаться можно было только после регистрации в местных органах власти, в противном случае брак не признавался законным. Кроме того, обязательной регистрации в светских инстанциях подлежали все рождения и смерти. Год спустя эти положения были распространены на всю территорию империи.

В 1875 году был принят еще ряд законов, направленных против католической церкви. Так называемый «закон о корзине с хлебом» лишил государственной финансовой поддержки те церковные учреждения, которые не были готовы заявить о своей безусловной покорности законам. Учитывая, что в феврале 1875 года римский папа объявил прусские «майские законы» недействительными, это означало весьма серьезный удар по германской католической церкви в целом. «От этой меры, — заявил Бисмарк в прусском парламенте, — я не жду никакого успеха, но мы просто выполняем свой долг, защищая независимость нашего государства и нации от чуждого влияния».²³ В том же году в Германии были запрещены все монашеские ордена, за исключением тех, которые занимались только заботой о больных. Эта мера затронула почти 10 тысяч монахов. Были также отменены постановления прусской конституции 1850 года, касавшиеся внутренней автономии Церкви. «Осиротевшие» церковные владения передавались в управление государственным чиновникам или общинам.

Государственные структуры вели борьбу с энергией и настойчивостью, не останавливаясь перед весьма жесткими мерами. Католические священники проявляли не меньшее упорство. За четыре года к суду было привлечено почти

две тысячи духовных лиц. В 1875 году более тысячи приходов в Пруссии (около четверти от их общего числа) оставались вакантными. Половина прусских епископов находилась в тюрьме, еще несколько епископских кафедр оставались вакантными. Только за первые четыре месяца 1875 года к денежным штрафам и тюремному заключению были приговорены 241 священник, 136 редакторов газет и 210 других католиков-мирян; были конфискованы 20 газет, проведено 74 обыска, распущено 55 собраний.²⁴ Общие финансовые потери Церкви составляли около 16 миллионов марок. Разумеется, такая политика возмущала многих прихожан, для которых посаженный в тюрьму священник становился мучеником за правое дело. Большую известность получил пример Кельнского архиепископа Пауля Мельхерса. После отказа уплатить штраф его имущество было конфисковано, а сам он посажен в тюрьму на полгода. Выйдя на свободу, он эмигрировал в Нидерланды и продолжал оттуда исполнять свои пастырские функции — несмотря на то, что в 1876 году прусские власти официально объявили его место вакантным.

Одновременно с Культуркампом разворачивалась другая, тесно связанная с ним, но менее заметная кампания. Она была связана с наличием в Германской империи национальных меньшинств, самым крупным из которых являлось польское (около 2.5 миллионов человек в 1870-е годы). В отличие от немцев, поляки восприняли события 1871 года без всякого энтузиазма. Раньше они были подданными Прусского королевства, в котором к ним относились как к равноправным гражданам. Теперь они оказались в чужом для них национальном государстве.

Достаточно быстро худшие их опасения подтвердились: уже в начале 1870-х годов был принят ряд мер, предусматривавших ассимиляцию польского меньшинства. Политика эта, в отличие от Культуркампа, велась в основном на уровне административных предписаний, часто провинциального уровня, и поэтому редко становилась предметом обсуждения в прусском и германском парламенте. В 1872—1873 годах был опубликован ряд указов, в соответствии

с которыми преподавание в школах могло вестись только на немецком языке. Лишь в тех учебных заведениях, где доля учеников-немцев была меньше четверти, разрешалось преподавать польский язык как иностранный. В 1872 году был разработан проект закона об официальном языке, принятый четырьмя годами позднее. В соответствии с ним, единственным официальным языком во всех государственных учреждениях Пруссии становился немецкий. Исключения допускались лишь в отдельных регионах и на ограниченный срок. В 1877 году немецкий был объявлен единственным официальным языком делопроизводства во всей империи.

Пик Культуркампа оказался пройден в 1875 году. Этот год ряд исследователей называет также началом заката Либеральной эры. Причины отхода Бисмарка от сотрудничества с либералами (как и конкретный момент этого поворота) по сегодняшний день являются предметом дискуссии. Очевидно, что они, как и причины Культуркампа, носят комплексный характер.

Экономический кризис 1873 года в одночасье разрушил мечты о бесконечном процветании, нанеся серьезный удар по позициям либеральных политических сил. Либералов, являвшихся сторонниками свободного рынка и свободной торговли, напрямую обвиняли в произошедшем. По мере того, как депрессия в экономике усиливалась, фразы о «невидимой руке рынка», которая все исправит, если ей только не мешать, вызывали все более сильное раздражение. Причем не только у пролетариев, потерявших свою работу, но и у предпринимателей, которые все громче требовали отхода от либеральной доктрины свободной торговли.

Начавшийся кризис подстегнул формирование организованных групп интересов в промышленности и сельском хозяйстве. В 1876 году был создан Центральный союз германских промышленников, представлявший в первую очередь интересы тяжелой промышленности. Некоторое время спустя эта организация направила императору петицию, в которой требовала отказаться от либеральных «экспериментов в сфере таможенной политики», которые наносили удар всей

экономике страны и из-за которых «металлургическая промышленность <...> не может больше функционировать, <...> а многие другие отрасли, от ремесла до крупного производства, тяжело больны, и мы большими шагами движемся навстречу всеобщей бедности».²⁵

В том же 1876 году на свет появилось Объединение сторонников налоговых и экономических реформ, в рамках которого собрались аграрии, выступавшие за введение покровительственных пошлин на зерно. Обе организации требовали отказа от принципа свободной торговли и создания таможенных барьеров для защиты внутреннего рынка. Интересы промышленников и аграриев вовсе не были идентичны; владельцам заводов были выгодны низкие цены на хлеб, позволявшие снизить номинальные зарплаты рабочих, а владельцы крупных поместий хотели приобретать сельскохозяйственные машины по низким ценам. «Союз зерна и железа» еще должен был сложиться. Однако давление на правительство в пользу пересмотра прежней таможенной политики постоянно возрастало. В октябре 1877 года обе вышеупомянутые организации договорились о совместной программе повышения таможенных пошлин.

Само либеральное движение — пока еще незаметно для себя — двигалось навстречу кризису. Его основная и самая популярная цель в предшествующие годы — создание немецкого национального государства — была достигнута. Энтузиазм, сопровождавший это событие, существенно ослаб после начала экономического кризиса. Раздираемые противоречиями, немецкие либералы не смогли ни создать эффективную партийную организацию, ни мобилизовать широкие слои избирателей в свою поддержку. Их влияние ограничивалось в первую очередь городским средним классом. С середины 1870-х годов начался их постепенный закат.

Вряд ли Бисмарк в точности предвидел упадок либеральных сил. Скорее всего, им двигали иные соображения. Конфликт с политическим католицизмом становился все более острым. Столь же масштабным оказался конфликт с консерваторами, обладавшими сильными позициями при дворе.

«Железный канцлер» рисковал оказаться в растущей зависимости от либералов, альянс с которыми носил изначально чисто тактический характер. Уже в 1874 году он жаловался одному из собеседников, что сблизился с либералами гораздо сильнее, чем хотел бы, и это противоречит его натуре и его убеждениям.²⁶

К тому же объем разногласий между Бисмарком и либералами по конкретным вопросам незаметно, но постоянно рос. К примеру, он вовсе не был сторонником либеральной экономической доктрины. Чиновников, поддерживавших свободную торговлю, «железный канцлер» во второй половине 1870-х годов насмешливо сравнивал с провалившимися экзамен учениками.²⁷

Начиная с середины 1870-х годов Бисмарк прикладывал все большие усилия к тому, чтобы опереться на сильную консервативную базу. Как сигнал к окончанию Либеральной эры была воспринята отставка Рудольфа фон Дельбрюка с поста главы ведомства имперского канцлера. Поводом был план по выкупу в казну немецких железных дорог, означавший резкий рост влияния государства на экономику. Один из ключевых администраторов империи, известный своими либеральными взглядами, фактически перешел в оппозицию. С этого момента Бисмарк развернул борьбу с либеральным чиновничеством, проводя постепенную чистку государственного аппарата. В феврале 1878 года в отставку ушел Кампгаузен — еще одна опора либералов в органах исполнительной власти.

В 1876 году при деятельном участии Бисмарка была создана Германская консервативная партия. В роли инициаторов выступили те представители консервативного спектра, которые не хотели дальнейшего конфликта с канцлером. Одновременно был фактически остановлен Культуркампф, что являлось важной предпосылкой сближения с консерваторами. Новая партия решительно порвала с распространенной в остальбских кругах «прусской ностальгией» и объявила себя сторонницей германского единства. «Мы хотим, — гласил первый пункт опубликованного воззвания новой партии, — усиливать и развивать завоеванное для нашего Отечества

единство в национальном духе на фундаменте имперской конституции». В экономической сфере консерваторы требовали «регулируемой экономической свободы» и «справедливого учета интересов землевладения, промышленности и ремесла».²⁸

Эта стратегия принесла свои плоды уже на очередных выборах в рейхстаг, состоявшихся в январе 1877 года. Консерваторам удалось почти вдвое (до сорока) увеличить число своих мандатов. Несколько укрепила свои позиции и Имперская партия, получившая 38 мест. Национал-либералы, наоборот, утратили 27 мандатов, хотя все еще оставались со 128 местами сильнейшей парламентской фракцией. Прогрессисты потеряли 14 мест и вынуждены были довольствоваться 35 мандатами. Партия Центра лишилась поддержки почти ста тысяч избирателей, однако (таковы парадоксы мажоритарной системы) увеличила свое представительство в рейхстаге с 91 до 93 депутатов. Большой общественный резонанс вызвал успех социал-демократов, которые получили почти полмиллиона голосов (больше, чем Имперская партия или прогрессисты) и 12 мест в рейхстаге.

Успехи консерваторов радовали Бисмарка, однако от сотрудничества с национал-либералами он пока отказаться не мог. «Железный канцлер» предпринял попытку более жестко привязать их к правительству. В 1877 году он предложил лидеру национал-либералов Рудольфу Беннигсену пост прусского министра внутренних дел. Предложение вызвало бурное обсуждение в партии; в конечном счете было решено принять его при условии, если в состав правительства войдут два представителя левого крыла — Макс фон Форкенбек и Франц фон Штауффенберг. Для Бисмарка это было неприемлемо: он планировал поставить национал-либералов под свой контроль, а не делиться с ними властью. Последний отблеск Либеральной эры угас. Как писал Отто Пфланце, «эпоха ухаживаний прошла; оба партнера обнаружили, что плохо подходят друг другу».²⁹

К этому моменту во внутренней политике накопилось значительное количество проблем, что позволяет исследова-

телям говорить о «канцлерском кризисе» 1877 года. Стремясь укрепить финансовую базу центральной власти, Бисмарк планировал перевести в собственность империи все железные дороги и провести налоговую реформу. Ни то, ни другое ему не удалось. Более того, у него не получилось даже передать империи железные дороги, находившиеся в собственности прусского государства, — прусские министры высказались категорически против. В начале 1877 года окончилась провалом попытка Бисмарка удалить из правительства своего старого противника — главу Адмиралтейства Альбрехта фон Штоша. Вильгельм I поддержал адмирала, к которому испытывал большое уважение. Под бременем неудач, все время натываясь на границы своей власти и возможностей, Бисмарк в марте 1877 года подал в отставку. Когда император наотрез отказался принять ее, «железный канцлер» просил отпуск и исчез из Берлина на десять месяцев. В это время он не перестал заниматься государственными делами; однако ощущение внутриполитического кризиса и ожидание ухода могущественного главы правительства нависли над столицей.

ГЛАВА 7

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ

К концу 1877 года напряженность во внутривнутриполитической сфере достигла высокого уровня. «В воздухе так много взрывчатки, что можно каждый день опасаться взрыва, — писал один из ближайших помощников Бисмарка Кристоф фон Тидеманн. — Я думаю, во внутренней политике назревает кризис, какого не было уже лет десять».¹ Было понятно, что перемены неизбежны. И в этот момент, как нельзя кстати для Бисмарка, произошли два события, которые были никак с ним не связаны, но которые он смог быстро и эффективно использовать в своих интересах.

7 февраля 1878 года скончался папа римский Пий IX — автор всех одиозных решений, принятых в Ватикане в третьей четверти XIX века. Жесткий противник светских властей, он вдохновлял германскую католическую иерархию на сопротивление Культуркампу. Пока он находился на папском престоле, компромисс был невозможен. Теперь его место занял Лев XIII, имевший репутацию либерала. Это открывало дорогу к примирению между Берлином и Ватиканом, а значит, и к сотрудничеству между Бисмарком и партией Центра. На горизонте забрезжила возможность создания консервативной коалиции, способной сформировать большинство в парламенте без участия либералов.

11 мая двадцатилетний подмастерье Хедель, незадолго до этого исключенный из социал-демократической партии,

дважды выстрелил в проезжавшего в открытом экипаже по центральной берлинской улице Унтер ден Линден императора Вильгельма. Пули не попали в цель, кайзер не пострадал. Тем не менее, это дало Бисмарку возможность развернуть наступление по всему фронту против еще одного «врага империи» — социал-демократов.

Впрочем, в центре политической жизни империи в начале 1878 года находились совсем другие вопросы. Первым из них была проблема назначения заместителя на время отсутствия имперского канцлера. Почти годичный отпуск, взятый Бисмарком, сделал ее особенно актуальной. Либералы настаивали на возможности назначения полноправного заместителя, который мог бы исполнять все обязанности главы правительства. Однако Бисмарк не собирался идти навстречу в этом вопросе: его проект давал заместителю право подписывать документы вместо канцлера, однако последний мог в любой момент вмешаться в происходящее и дать указание своему заместителю. Фактически вместо ответственной фигуры «на хозяйстве» оставался полностью зависимый исполнитель. Несмотря на свое недовольство, национал-либералы все-таки уступили в данном вопросе, и проект обрел силу закона.

Второй темой было повышение гербового сбора и налога на табак. Все прекрасно понимали, что эти меры являются лишь частью более масштабного проекта. Задача Бисмарка заключалась в том, чтобы значительно увеличить доходы имперского бюджета, сделав его независимым от матрикулярных взносов. Против этого выступали и партия Центра, являвшаяся противницей централизации, и либералы, опасавшиеся дальнейшего ослабления контроля парламента над исполнительной властью. Законопроект провалился.

Именно после этого Бисмарк окончательно решил на поворот в торгово-экономической политике. В апреле 1878 года планы повышения пошлин и косвенных налогов были впервые озвучены официально. Реакция политических партий, Впрочем, не оставляла надежды на легкую и безболезненную реформу. И в этот момент в центре Берлина прозвучали выстрелы, всполошившие всю империю.

Бисмарк сразу же решил воспользоваться ситуацией, мобилизовав общественность против социал-демократов, которых верная правительству пресса назвала главными виновниками случившегося. Надо отметить, что левые изначально были париями в германской политической системе и носили клеймо «врагов империи». Уже в 1874—1875 годах были предприняты первые попытки ввести направленные против них меры, однако тогда они разбились о сопротивление либералов. Кроме того, социал-демократы были на тот момент маргинальной силой и не вызывали у традиционной элиты серьезной тревоги, а врагом номер один являлась партия Центра.

Ситуация начала меняться в 1877 году. После очередного успеха СДРП на выборах подъем левого движения стал вызывать все большую тревогу как у консервативных сил, так и у либералов. А после того, как смена власти в Ватикане открыла дорогу для окончания Культуркампфа, социал-демократы стали новыми кандидатами на роль главных «врагов империи».

Следует оговориться: Бисмарк не испытывал к германскому рабочему движению ничего, кроме враждебности. Он искренне считал социалистов злодеями, стремящимися опрокинуть установленный порядок и сеять хаос и разрушение. Однако он не воспринимал их как серьезную угрозу. Неоднократно в узком кругу канцлер говорил о том, что цели социалистов слишком утопичны и они никогда не смогут повести за собой основную массу населения.² Начало масштабной кампании против германской социал-демократии объяснялось, в первую очередь, стремлением создать новый образ врага, вокруг которого должны были сплотиться все верные правительству силы.

Не прошло и двух недель после покушения, как законопроект о борьбе против социал-демократии был внесен на рассмотрение рейхстага. Здесь в роли его противников выступили, в первую очередь, левые либералы, рассматривавшие его как беспрецедентное покушение на права и свободы граждан. Они не без оснований полагали, что законопроект,

мишенью которого формально являлись социал-демократы, направлен в первую очередь против них. 24 мая большинство палаты (включая партию Центра) отклонило правительственное предложение.

Неизвестно, какой оборот приняли бы события, если бы 2 июня не произошло второе покушение на императора. Некий доктор Нобилинг дважды выстрелил в Вильгельма дробью и серьезно ранил его. О Нобилинге было известно достаточно мало, однако полицейским удалось добыть несколько фактов касательно его симпатий к социалистическим идеям. Это дало возможность вновь обвинить в покушении социал-демократов.

Реакция Бисмарка, узнавшего об этом событии, была весьма характерной. В начале июня он находился в Фридрихсру, где и получил известие о покушении. По одной версии, он воскликнул: «Теперь парни у меня в руках, теперь я прижму их к стене так, что они запишат!» По другой версии, его первыми словами были: «Теперь мы распустим рейхстаг!» В любом случае, все сходится в том, что здоровьем императора его верный паладин поинтересовался только во вторую очередь.³

Рейхстаг был немедленно распущен. Предвыборная борьба, как и следовало ожидать, велась под лозунгом защиты общества от социал-демократических убийц. Массированная пропагандистская кампания достигла такого накала, что напоминала истерику. Одновременно аграрно-промышленное лобби осуществляло весьма щедрое финансирование избирательных кампаний тех кандидатов, которые выступали за введение покровительственных пошлин. Лозунги защиты отечественного производителя и германских рабочих мест играли важную роль в предвыборной борьбе. В целом острие правительственной агитации было направлено не столько против социал-демократов, сколько против либералов, которых обвиняли едва ли не в пособничестве цареубийцам. Прогрессисты не оставались в долгу. Вирхов заявил, что в стране господствует «чистейший деспотизм, во главе государства стоит человек, несущий ответственность только перед самим

собой. Если так будет продолжаться, все кончится тем, что у нас будет править династия Бисмарков».⁴

Здесь нужно затронуть такую щекотливую тему, как влияние властей на результат выборов. Несмотря на то что прямые фальсификации в Германской империи практически не практиковались (во всяком случае, не носили масштабный характер), в руках местной администрации было достаточно много инструментов для того, чтобы повысить шансы угодного ей кандидата. В их число входило, в частности, использование государственной прессы для агитации или создание конкурентам помех в проведении собраний. Местами и сами кандидаты могли оказывать давление на избирателей; в некоторых аграрных регионах Пруссии сельскохозяйственные рабочие отправлялись на избирательные участки организовано, под контролем приказчика, с «нужными» бюллетенями в руках. Тем не менее, все эти манипуляции не могли оказать на итог выборов решающего влияния.

30 июля 1878 года выборы состоялись. В них приняли участие почти две трети германских избирателей — ненамного больше, чем в 1877 году. Удивительно, но потери социал-демократов оказались сравнительно небольшими: из двенадцати мандатов им удалось сохранить девять. Количество поданных за них голосов сократилось лишь на несколько десятков тысяч и осталось впечатляющим. Историки объясняют это тем, что СДРП пустила глубокие корни в пролетарской среде, где уже сформировалась своя субкультура и куда практически не проникала официальная пропаганда.

В остальном произошел весьма существенный сдвиг вправо. Обе консервативные партии, на стороне которых находилась вся мощь административного аппарата, получили почти четыре десятка дополнительных мандатов. Общее число их депутатов составило 116 человек. Национал-либералы продолжили свой упадок, хотя и остались партией, за которую проголосовало наибольшее число избирателей (с минимальным отрывом от Центра). В новом рейхстаге сидело 99 их представителей. Проблема, однако, заключалась в том, что партия была глубоко расколота как по вопросу борьбы

против социал-демократии, так и по вопросу изменения финансовой политики. Сторонники Бисмарка и представители тяжелой промышленности играли в ней весьма заметную роль.

Левые либералы утратили девять мест в палате, и число их депутатов составило 26. Партия Центра, как и на прошлых выборах, умудрилась потерять некоторое количество избирателей, но приобрести один дополнительный мандат (общее число мест составило 94). Расстановка сил, таким образом, стала более благоприятной для консервативного поворота, но сформировать верное правительству большинство по-прежнему оставалось непростой задачей. Однако Бисмарк был настроен решить ее по-плохому, если не получится по-хорошему. В крайнем случае, говорил он, «останется лишь снова распустить этот рейхстаг и издать прокламацию, в которой будет сказано, что это произошло, поскольку рейхстаг отказывается принять законы, которые защитили бы его жизнь <...> Если роспуск не принесет успеха, необходим юридический государственный переворот. Германия не сможет скакать. Союзный договор должен быть расторгнут, конституция тем самым ликвидируется».⁵

9 сентября 1878 года «Закон против общественно опасных устремлений социал-демократии» был внесен на рассмотрение рейхстага. Он запрещал объединения, собрания и печатные органы социалистической направленности. Социал-демократических функционеров разрешалось высылать за пределы региона, где они находились, кроме того, местные власти должны были получить право вводить так называемое «малое осадное положение», предусматривавшее существенное ограничение прав и свобод граждан. После долгих дебатов в середине октября законопроект был принят 221 голосом против 149. Даже противники закона в рядах партии Центра упирали в первую очередь на неэффективность данного конкретного акта, не отрицая необходимости борьбы против «коммунистов» в принципе. Единственной уступкой, которой удалось добиться национал-либералам в обмен на поддержку законопроекта, было ограничение срока его дей-

ствия двумя с половиной годами. Впрочем, в дальнейшем его без особых проблем продлевали вплоть до 1890 года.

Теперь на повестке дня стояли экономические вопросы. В конце 1878 года началось обсуждение таможенного законопроекта в бундесрате. Правительственное предложение нашло поддержку далеко не у всех государств, и переговоры затянулись. В рейхстаге еще в октябре сформировалось «Экономическое объединение», в рядах которого оказались 204 депутата — абсолютное большинство членов палаты. Оно состояло из представителей консервативных партий, Центра и правого крыла национал-либералов, поддерживавших введение покровительственных пошлин. Фактически поворот в таможенной политике был предопределен.

Одновременно широкое обсуждение новой экономической политики продолжилось в обществе. Группы интересов, представлявшие протекционистов, развернули активную агитацию. Состоявшееся в начале февраля 1879 года в Берлине собрание членов Центрального объединения германских промышленников полностью поддержало Бисмарка. Прошедший одновременно 10-й конгресс германских сельских хозяев подтвердил приверженность «нерушимому союзу» с тяжелой промышленностью. «Ни один из нас не будет достаточно силен для того, чтобы чего-либо добиться, если мы не будем оказывать друг другу взаимную поддержку всеми силами», — торжественно заявил один из лидеров аграриев Юлиус фон Мирбах.⁶ Не все отрасли экономики, однако, были в восторге от перспективы введения протекционистских пошлин. Представители легкой промышленности и торговли отстаивали прежний курс.

12 февраля открылась новая сессия рейхстага. Тронную речь с программой экономических реформ зачитал лично император, что было не столь уж частым явлением. 3 апреля бундесрат наконец утвердил законопроект и передал его в рейхстаг. Борьба на страницах печати и на заседаниях парламента вспыхнула с новой силой. Эдуард Ласкер в одной из своих блестящих речей заявил, что канцлер защищает интересы богачей в ущерб всему остальному народу, прово-

для политику имущих классов. «Точно так же я могу сказать господину Ласкеру, — ответил уязвленный Бисмарк, — что он проводит финансовую политику неимущего. Он принадлежит к числу тех господ, которые образуют большинство на всех этапах нашего законодательного процесса и о которых в Писании говорится: они не сеют, они не жнут, они не ткут и не прядут, и все же они одеты — не буду говорить, как, но одеты. Господа, которых не греет наше солнце, которых не может промочить наш дождь, если только они случайно не выйдут на улицу без зонта, они образуют большинство в наших законодательных органах. Они не занимаются ни промышленностью, ни сельским хозяйством, ни ремеслом, они чувствуют себя полностью занятыми тем, что повсюду представляют народ».⁷

Эта фраза — одна из самых известных парламентских цитат Бисмарка — интересна не только тем, что отражает мировоззрение «железного канцлера». В этих словах отражена установка, которую всячески пропагандировала консервативная элита Второй империи: парламентарии не представляют народ, о народе в Германии заботится государство.

Страсти достигли такого накала, что президент (спикер) рейхстага Макс фон Форкенбек, национал-либерал и противник заградительных пошлин, покинул свой пост. В письме к своему товарищу по партии Штауффенбергу он заявлял о необходимости «дать отпор волонтаристской, ставящей все с ног на голову и приводящей в беспорядок внутренней политике Бисмарка».⁸

К концу мая стало очевидно, что введение покровительственных пошлин на железо найдет поддержку парламентского большинства. Спорными, однако, оставались вопросы сельскохозяйственных тарифов и косвенных налогов. И здесь большое значение приобретала позиция партии Центра; от нее, в конечном счете, зависело принятие пакета финансовых законопроектов.

Внутри католической партии было много сторонников протекционистских пошлин. «Мы поддерживали эту политику еще тогда, когда правительство в этом вопросе было

против нас», — не без злорадства заявил в рейхстаге Виндтхорст.⁹ В то же время партия по-прежнему отстаивала автономию отдельных государств — членов империи. Поэтому в начале июля 1879 года между правительством и Центром был достигнут компромисс. Он был представлен парламенту в качестве поправки, внесенной в таможенный законопроект одним из ведущих католических депутатов — Георгом фон Франкенштейном. В соответствии с ней, если доход от таможенных пошлин и налога на табак превосходил 130 миллионов марок в год, он передавался в распоряжение отдельных государств. Матрикулярные взносы сохранялись. Детище депутата Франкенштейна, как и у его литературного однофамильца, получилось на редкость уродливым. Оно не устроило полностью ни одну из сторон. Тем не менее, значение матрикулярных взносов все-таки сократилось: если в 1870-е годы они составляли 15—20 процентов имперского бюджета, то в начале 1880-х годов — менее 5 процентов.¹⁰

Поворот правительства к протекционизму и сотрудничеству с Центром вызвал очередную серию отставок среди сотрудников Бисмарка. Со своих постов ушли министр финансов Хобрехт, министр по делам культов Фальк и министр сельского хозяйства Фриденталь. Последние представители либерального крыла покидали прусский кабинет министров.

12 июля в рейхстаге прошло третье чтение таможенного законопроекта. В его поддержку голосовали 217 депутатов, против — 117. За три дня до этого, выступая в парламенте, Бисмарк произнес речь, которая часто считается символическим завершением Либеральной эры. «Правительство не может бежать вслед за отдельными фракциями, — заявил он, обращаясь к национал-либералам. — Оно должно идти своим собственным путем, который считает правильным».¹¹ Размеры пошлин были сравнительно невелики — 3—5 процентов на сельскохозяйственную продукцию и 10—15 процентов на ряд промышленных изделий — однако начало было положено. Ключевой поворот в германской экономической политике совершился. Он привел к весьма далеко идущим последствиям как для внутренней, так и для внешней политики страны.

Победа протекционистов стала одновременно поражением Национал-либеральной партии. О «банкротстве либерализма» с радостью говорил торжествовавший Виндтхорст.¹² Сначала из фракции вышли 15 депутатов, поддерживавших экономическую политику правительства. Затем, уже в 1880 году, от партии откололось левое крыло, представленное в рейхстаге 28 депутатами. «Я считаю, что только решительными действиями можно остановить беспринципность и унижение, — писал Ласкер одному из товарищей по партии. — Скажите сами, могут ли при этих условиях все члены нашей фракции оставаться вместе?»¹³ Среди «сецессионистов», как их стали называть, были такие видные фигуры, как Макс фон Форкенбек, Эдуард Ласкер, Людвиг Бамбергер и Франц фон Штауффенберг. Под именем Либерального объединения эта группа существовала в течение следующих нескольких лет.

Германский либерализм терял свое значение в политической жизни государства. Либералы так и не смогли создать единую массовую партию. Их электоральная база оставалась достаточно стабильной; однако борьбу за привлечение новых избирателей они проиграли. Им так и не удалось сформулировать и взять на вооружение лозунг, который по своей популярности и объединяющей силе мог соперничать с идеей германского единства.

Внутриполитический поворот совершился. Значение его сознавалось уже современниками. Впоследствии его неоднократно называли «вторым основанием империи». Правительство окончательно взяло курс на консолидацию консервативных сил, отказалось от любой либерализации и демократизации политической системы. Однако удастся ли охранительным силам одержать победу над идейными течениями времени? Ответ на это могли дать только следующие десятилетия.

Параллельно с внутриполитическим поворотом происходили два других, не менее важных для развития Германии процесса. Разворачивались они в германском обществе и поэтому носили достаточно плавный характер. Тем не менее,

именно на рубеже 1870—1880-х годов они отчетливо выступили на поверхность.

Первым из них стала трансформация германского национализма. В крайне простой и грубой форме ее можно выразить следующим образом: национальное движение из «левого» стало «правым». В середине XIX века понятия «немецкий националист» и «немецкий либерал» были практически синонимами. Объединение страны либеральные политические силы отмечали как свою победу. Однако уже в 1870-е годы ситуация начала меняться. Консервативные силы начали активно использовать национальный дискурс; уже основание Германской консервативной партии в 1876 году сопровождалось переходом от прусского партикуляризма к общеимперской идее. В 1880-е годы национализм в возрастающей степени оказался переплетен с лояльностью к существующему государственному устройству, с консервативной и шовинистической идеологией.

«С момента внутривосточного поворота 1878—1879 годов „национальным“ <...> стало считаться сохранение существующей системы и ее защита от всех, кто высказывался за большую открытость миру, свободу и равенство, — пишет немецкий историк Генрих Август Винклер. — Изменение значения понятия „национальный“ привело и к смене социальных слоев, являвшихся носителями национализма».¹⁴

Тогда же, на рубеже 1870—1880-х годов, в Германии начал набирать силу современный антисемитизм. Основанный уже не на религиозных предрассудках, а на расовом учении и социал-дарвинизме, он приобрел множество сторонников в рядах немецких интеллектуалов и правящей элиты. В феврале 1879 года увидела свет брошюра публициста Вильгельма Марра «Победа еврейства над германцами». Считается, что именно Марр является автором термина «антисемитизм», который сам он использовал в сугубо положительном смысле. Всего с 1873 по 1890 год в Германии было напечатано около пятисот книг и брошюр, посвященных «еврейскому вопросу».

Главный историограф новой империи Генрих фон Трейчке опубликовал в ноябре 1879 года статью, ставшую поводом

к ожесточенным дебатам. Основная мысль его публикации была сосредоточена в словах, приобретших с тех пор печальную известность: «Евреи — наше несчастье».¹⁵ С осуждением Трейчке немедленно выступил ряд германских интеллектуалов первого ранга. Семьдесят пять из них подписали заявление, в котором антисемитизм был назван позором страны: «Подобно заразной чуме, старое безумие грозит ожить и отравить тот мир, в котором в государстве и общине, в обществе и семье христиане и иудеи общаются друг с другом на основе толерантности».¹⁶ Развернувшаяся зимой 1879—1880 годов дискуссия получила название «Берлинского спора об антисемитизме».

Выступление Трейчке отчасти стало сигналом, а отчасти отразило веяние времени. Как грибы после дождя росли антисемитские организации. В октябре 1879 года была создана Лига антисемитов, в 1880 году — Социальный имперский союз. В том же году начался сбор подписей под антисемитской петицией, и к апрелю следующего года ее подписали 267 тысяч немцев. Тогда же в Берлине прошли первые за долгое время еврейские погромы. Основанная в 1878 году придворным проповедником Штекером Христианско-социальная партия, не добившись успеха, в 1881 году взяла на вооружение антисемитские лозунги. В сентябре 1882 года в Дрездене прошел первый Международный антиеврейский конгресс.

Политический антисемитизм пока еще был не слишком влиятельным течением. Тем не менее, семена новой идеологии ложились на подготовленную старыми предрассудками почву. Что не менее важно, двор и консервативная элита, дистанцируясь от открытой поддержки антисемитов, в определенной степени симпатизировали им. Ростки, пробивавшиеся сквозь почву Второй империи, зацветут буйным цветом в первой половине XX века.

ГЛАВА 8

В ПАУТИНЕ КОНФЛИКТОВ

1880-е годы стали в германской внутренней политике временем непрерывной борьбы по широкому кругу вопросов. Правительству редко удавалось опереться на устойчивое большинство в парламенте. Компромиссы оказывались неизбежными, а процесс их достижения — весьма непростым.

Стремясь сформировать новое устойчивое большинство, Бисмарк уделял большое внимание развитию отношений с партией Центра. Для успеха его внутренней политики ее поддержка имела теперь ключевое значение. Правительственная политика в этой сфере развивалась по двум направлениям: первым являлся поиск компромисса непосредственно с Центром, вторым — сближение с Ватиканом.

В 1880-е годы происходил постепенный демонтаж антицерковного законодательства эпохи Культуркампфа. В первую очередь речь шла об отмене «репрессивных» законов. Семь законодательных актов были полностью отменены, два — значительно смягчены; в этой категории лишь закон о запрете ордена иезуитов сохранил свою силу к началу 1890-х годов. Отмена происходила в два этапа. Первая волна — так называемые «смягчающие законы» — пришлась на 1880—1883 годы. Вторая — «примирительные законы» — увидела свет в 1886—1887 годах. К примеру, 21 мая 1886 года был принят закон, признававший дисциплинарную власть папы над католическим духовенством, отменявший госу-

дарственный «культурный экзамен» для священников и восстанавливавший церковные учебные заведения. Год спустя в Пруссию было разрешено вернуться всем религиозным орденам, за исключением иезуитов.

Однако о полном возврате к прежнему положению речь не шла; большинство законодательных актов эпохи Культуркампа продолжали действовать. Гражданский брак сохранился, как и ограничение прав церкви в отношении системы школьного образования. «Железный канцлер» не собирался идти на полную капитуляцию перед партией Центра и тем более демонстрировать какую-либо зависимость от нее. Именно поэтому ему нужен был дополнительный канал воздействия на Виндтхорста и его товарищей — через Ватикан.

Папа римский не в меньшей степени стремился к сближению. В 1882 году, после долгого перерыва, был вновь назначен прусский дипломатический представитель в Ватикане. А после того, как Бисмарк попросил Льва XIII в 1885 году быть арбитром в германо-испанском споре из-за Каролинских островов, понтифик и вовсе удостоил «железного канцлера» высшей папской награды — Верховного ордена Христа. С этим орденом на груди Бисмарк любил появляться на официальных мероприятиях, где его могли встретить лидеры партии Центра. «Я считаю папу более дружественным Германии, чем партию Центра. Папа — мудрый, умеренный и миролюбивый человек. Вопрос о том, можно ли сказать это о большинстве членов рейхстага, я оставляю открытым», — заявил глава правительства в апреле 1886 года.¹ В мае 1887 года Лев XIII и вовсе официально объявил конфликт исчерпанным. Не ограничившись этим, он направлял партии Центра прямые инструкции поддерживать политику Бисмарка.

Однако германские католики не собирались беспрекословно повиноваться. Виндтхорст настаивал на том, что партия Центра имеет право самостоятельно определять свой политический курс. Вплоть до отставки Бисмарка католики оставались для «железного канцлера» трудными партнерами, находившимися в оппозиции по целому ряду важных вопросов.

Средством консолидации «дружественных империи» сил оставалась борьба против социал-демократов. Германский полицейский аппарат обрушился на них всей своей мощью. За двенадцать лет действия «Исключительного закона» было закрыто 330 организаций, запрещено и арестовано около 1300 периодических и непериодических изданий, 900 социал-демократических деятелей выслано из страны, а их арестованные товарищи получили в общей сложности полторы тысячи лет тюрьмы.

Однако партия достаточно быстро научилась жить «на военном положении». Поскольку закон не запрещал социал-демократам выдвигать свои кандидатуры в парламент, их фракция все время росла. Впоследствии Август Бебель назвал право баллотироваться и выступать в рейхстаге «важнейшим и самым эффективным средством агитации»: «Если бы закон закрыл для нас трибуну рейхстага и сделал бы невозможным использование избирательного права, у нас не было бы средства даже приблизительно установить, как развивается партия, мы даже близко не сумели бы сделать нашу агитацию столь плодотворной, какой она являлась».²

Локальные объединения маскировались под спортивные, песенные и прочие подобные союзы. Пресса выходила в соседних государствах (в первую очередь в Швейцарии) и распространялась по территории страны с помощью сети агентов, получившей название «красной полевой почты». Последняя работала настолько хорошо, что социал-демократические газеты доставлялись подписчикам практически бесперебойно. В первую очередь речь шла о созданном в 1879 году издании «Социал-демократ», которое в это время приобрело статус главной партийной газеты. На пользу германским левым работало формирование пролетарской субкультуры, практически недоступной для правительственной агитации.

«От наших товарищей по партии я не раз слышал: хочу, чтобы закон был принят! — заявил лидер социал-демократов Август Бебель в рейхстаге еще в 1878 году. — Вы не могли бы сделать для нас ничего лучшего, чем принять этот закон,

потому что тысячи и тысячи тех, кто сегодня не является социал-демократом, наверняка им станет. Через несколько лет мы станем сильнее, чем когда-либо. <...> Он будет работать против Вас так, как Вы не ожидаете».³ Стоит подчеркнуть, что партия оставалась на позиции ненасильственных методов борьбы, а все радикалы достаточно быстро исключались из ее рядов. Тем не менее, власти с беспокойством констатировали неэффективность преследований. В конце 1880 года глава берлинской полиции писал: «Мужество германской социал-демократии все еще не сломлено; движение, которое на некоторое время ослабло, вновь на подъеме и наполнено лучшими надеждами».⁴

Оценки влияния репрессивного законодательства на германское рабочее движение расходятся. Традиционно считается, что оно стало более радикальным, сплоченным и сильным. Эффект «параллельного общества» усилился, интеграция пролетарских масс в существующую систему существенно осложнилась. «Всем, чего удалось достичь, стало усиление радикальных тенденций внутри рабочего движения, — пишет современный немецкий историк. — Задолго до того, как в 1890 году истек срок действия закона против социалистов, стало ясно, что вторая начатая Бисмарком внутриполитическая превентивная война провалилась».⁵

Констатация провала, однако, опирается в первую очередь на данные о росте числа сторонников социал-демократии. Однако в ситуации стремительной индустриализации и урбанизации, сопровождаемых волнами экономических депрессий, такой рост был неизбежен. Число голосов, отданных за социал-демократических кандидатов на выборах, выросло с 440 тысяч в 1878 году до 760 тысяч девять лет спустя. Какой была бы динамика, если бы «Исключительного закона» не существовало? Было бы рабочее движение менее радикальным и лучше интегрированным в существующие структуры общества? На эти вопросы нет простого ответа. Очевидно, что «железный канцлер» не смог переломить тенденцию, — но вопрос о том, как именно он на нее повлиял, остается открытым.

В любом случае, сам Бисмарк прекрасно понимал, что одним «кнудом» с социал-демократией не справиться. Кроме того, ему, как консерватору, импонировала идея патриархального государства, которое заботится о своих гражданах. Поэтому еще в 1870-х годах он размышлял о проектах социального законодательства, которое сделало бы рабочих зависимыми и лояльными подданными. Здесь он был далеко не одинок; идеи витали в воздухе. В 1873 году был создан Союз социальной политики, основанный рядом политических и общественных деятелей, считавших необходимым отход от «манчестерского либерализма» в социальных вопросах. В программной речи один из его основателей, Густав Шмоллер, заявил, что цель новой организации — предотвратить опасное социальное расслоение и обострение классовой борьбы, примирить между собой людей с высоким и низким достатком за счет улучшения положения лиц из второй категории. Для этого следует «приобщить возрастающую часть нашего народа к высоким благам культуры, образования и благосостояния».⁶

Так же думал и Бисмарк. Еще в 1871 году он в письме к одному из коллег в прусском правительстве заявил о необходимости «реализовать те требования социалистов, которые представляются справедливыми».⁷ Ту же мысль он повторил в парламенте в 1878 году. Однако сотрудничество с либералами, исповедующими свободу рынка и ревниво относившимися к любому усилению исполнительной власти, закрывало такую возможность. Внутриполитический поворот 1878—1879 годов вновь выдвинул идею «социального королевства» на первый план.

Первые предложения по организации системы социального страхования прозвучали в рейхстаге в январе 1881 года. В намерения Бисмарка входило, очевидно, сделать их одной из тем предвыборной борьбы, ввиду предстоявших спустя несколько месяцев парламентских выборов. 9 марта 1881 года в рейхстаг был внесен первый законопроект о социальном страховании, предусматривавший выплаты рабочим, потерявшим трудоспособность в результате несчастного случая.

Действие законопроекта не распространялось на сельскохозяйственных рабочих, ремесленников, а также трудившихся на транспорте. Одним из ключевых пунктов правительственного предложения было создание специального общеимперского ведомства, ответственного за реализацию программы. Значительную часть денег ведомство должно было получать из государственного бюджета — зримое воплощение заботы государства о лицах наемного труда. Выступая в парламенте, Бисмарк объяснял появление законопроекта соображениями «практического христианства».⁸

Однако как раз это и не устраивало большинство депутатов. Система социального страхования, которая европейцу XXI века представляется чем-то само собой разумеющимся, тогда была в диковинку. Правительство упрекали в том, что оно «встало на почву социалистической теории»⁹ или даже пытается ввести «коммунизм в настолько плохом варианте, что его до сих пор никто не предлагал».¹⁰ Законопроект был передан в комиссию, которая внесла в него две существенные поправки. Во-первых, единое имперское ведомство заменялось набором локальных органов, во-вторых, субсидии из государственного бюджета отменялись, финансирование должно было носить чисто страховой характер. Эти поправки в значительной степени выхолащивали суть проекта «железного канцлера».

27 октября 1881 года состоялись очередные парламентские выборы. После бурных потрясений предшествующих лет интерес к политике у немцев несколько снизился, и явка составила лишь около 56 процентов имевших право голоса. Партии правого спектра понесли достаточно ощутимые потери: консерваторы лишились 38 мандатов и оказались представлены лишь 78 депутатами, ослабленные расколами национал-либералы сохранили лишь 47 мест. Прогрессисты смогли оправиться от поражения и увеличили свою фракцию более чем вдвое, до 60 человек; к ним примыкали «сецессионисты», получившие 46 мандатов. Партия Центра сформировала сильнейшую (с большим отрывом) фракцию из 100 депутатов. Примыкавшие к ним поляки, вельфы, датчане и эль-

засцы имели в общей сложности 45 мест. Социал-демократы, потеряв значительное количество голосов, тем не менее увеличили число своих депутатов с 9 до 12.

Таким образом, в рейхстаге существовало примерное равновесие сил между тремя группировками: правой, либеральной и «католической». Поскольку либералы и католики были непримиримыми противниками, наибольшей свободой действий обладали консерваторы, которые могли заключать тактические союзы как с теми, так и с другими. С таким парламентом правительству было непросто иметь дело. Несмотря на то что от национал-либералов (как того и хотел Бисмарк) откололось левое крыло, послушными сторонниками действующей власти они не стали.

Открытие рейхстага сопровождалось, как обычно, тронной речью императора. На сей раз она носила программный характер и была посвящена социальной политике. Здесь были сформулированы принципы, которые в основе своей действуют в Германии вплоть до сегодняшнего дня: органы социального страхования функционируют на основе самоуправления, их кассы наполняются за счет взносов работников и работодателей. Роль государства сводилась, по сути, к покровительству и созданию рамочных условий для этой системы. В такой форме социальное законодательство становилось гораздо более приемлемым, в первую очередь, для партии Центра.

Весной 1882 года на рассмотрение парламента был внесен обновленный законопроект о страховании от несчастных случаев и законопроект о страховании по болезни. После долгих дебатов оба законопроекта были приняты рейхстагом. Закон о страховании по болезни был принят в июне 1883 года. В соответствии с ним, финансирование возлагалось на специально создаваемые больничные кассы, которые должны были получать две трети средств от взносов работников и треть — от предпринимателей. Год спустя было наконец принято страхование от несчастных случаев, расходы по которому полностью возлагались на работодателей.

Таким образом, Германская империя стала обладательницей передовой по тем временам системы социального стра-

хования, равной которой не было ни в одном государстве Европы. Несколько лет спустя, в 1889 году, ее дополнил закон о выплате пособий по старости и инвалидности. Круг застрахованных был относительно узок и не включал в себя многие категории наемных работников. Однако уже во второй половине 1880-х годов были предприняты усилия по его расширению. К моменту отставки Бисмарка в империи насчитывалось около 7 миллионов застрахованных по болезни и 17 миллионов — от несчастного случая.¹¹ Выплаты были откровенно невелики и лишь незначительно облегчали материальное положение рабочих. Тем не менее, большой шаг вперед был сделан.

С точки зрения «железного канцлера», однако, успех оказался далеко не полным. Ключевая идея — о том, чтобы эмоционально и материально привязать рабочих к государству системой социальных гарантий, — осталась нереализованной. В определенном смысле можно говорить о том, что она опередила свое время. Для того чтобы она стала общепризнанной в развитых странах, потребовались потрясения начала XX века. Соответственно, сколько-нибудь ослабить влияние социал-демократов на германский пролетариат Бисмарку также не удалось.

Ввиду проблем с формированием верного правительству большинства в рейхстаге, «железный канцлер» еще в конце 1870-х годов стал задумываться о создании параллельных структур, которые могли бы ослабить влияние парламента. Прозвучавшая уже во время конфликтов вокруг новой внешнеторговой политики идея о том, что «профессиональные депутаты» не отражают желаний экономически активного населения, подсказывала направление движения. В конце 1880 года в Пруссии было объявлено о создании Народного хозяйственного совета. В него должно было входить 75 делегатов, из которых 45 направляли торговые палаты и другие объединения предпринимателей, а оставшиеся 30 назначались правительством. Существовала специальная квота для ремесленников и рабочих — их должно было быть в общей сложности не меньше пятнадцати. Задача нового органа за-

ключалась в том, чтобы обсуждать проблемы экономической и социальной политики.

Конечно, это была только первая ступень на пути к созданию аналогичного имперского органа. Но депутаты рейхстага, разгадав маневр правительства, использовали свое бюджетное право и в 1881—1882 годах попросту блокировали создание общеимперского Народнохозяйственного совета, отказавшись выделять средства на его деятельность. После этого и прусский орган фактически впал в ничтожество, окончательно уйдя со сцены в 1887 году. Другой попыткой ослабить парламент был законопроект о введении двухлетнего бюджетного периода, который ожидаемо провалился. Планы изменить избирательное право, с которыми в 1880-х годах играл Бисмарк, вообще не вышли из стадии теоретических размышлений. «Этот народ не может скакать. Те, у кого что-то есть, не работают, и только голодные прилежны; они нас и сожрут. Говорю без всякой горечи и совсем спокойно: я очень мрачно смотрю на будущее Германии», — заявлял «железный канцлер» в конце 1883 года.¹²

Несколько более успешной была политика, направленная на укрепление лояльности германской бюрократии. В 1882 году прусским чиновникам было приказано «представлять политику правительства, в том числе, и на выборах».¹³ В рядах бюрократического аппарата осуществлялся строгий отбор по принципу лояльности, которая являлась необходимой предпосылкой для любого карьерного роста. В результате уже к концу правления Бисмарка германское чиновничество превратилось в монолитный консервативный блок, мощный барьер на пути любых попыток либерализации политической системы. В 1883 году с поста прусского военного министра был смещен генерал Камеке, считавший необходимым вести диалог с парламентом, а само ведомство лишилось определенной части своих прерогатив в пользу военного кабинета императора и Большого генерального штаба.

Не вполне удачно развивалась экономическая политика правительства. В 1881—1882 годах провалилась попытка ввести государственную табачную монополию. От планов пере-

вести железные дороги в собственность империи пришлось окончательно отказаться. Масштабная национализация была проведена в первой половине 1880-х годов лишь на территории Пруссии; соответствующий законопроект был принят ландтагом в декабре 1879 года. К 1885 году в руках государства находилось около 90 процентов прусских железных дорог, включая все основные. Кроме того, некоторые частные железные дороги находились под государственным управлением.

В преддверии парламентских выборов 1884 года было использовано новое средство консолидации общественного мнения — колониальный вопрос. Экономическая депрессия и пример других великих держав делали в начале 1880-х годов лозунг приобретения колоний все более популярным в Германии. Еще в 1879 году лютеранский миссионер Фридрих Фабри опубликовал памфлет «Нуждается ли Германия в колониях?», в котором утверждал: «Если новая Германская империя хочет сохранить и укрепить свое положение на длительное время, она должна осознать свою культурную миссию и, не испытывая сомнений, приняться за колонизаторскую деятельность».¹⁴

За приобретение заморских территорий выступали влиятельные группы интересов. В их число входили представители торговой и промышленной буржуазии, заинтересованные в стимулировании германского экспорта, приобретении новых рынков сбыта и — по возможности — источников ресурсов. Кроме того, колонии в последней трети XIX века считались едва ли не обязательным атрибутом мировой державы, сообщая ей соответствующий статус на международной арене. Соображения престижа играли для адептов колониальной экспансии не менее важную роль, чем экономические мотивы. Именно этим объясняется тот факт, что приобретение колоний быстро стало популярным лозунгом не только среди предпринимателей, но и в рядах широкой публики.

6 декабря 1882 года во Франкфурте-на-Майне был образован Германский колониальный союз, в числе членов которого находились многие «капитаны экономики», такие, как

Крупп, Кардорф, Сименс и Штумм, а также личный банкир Бисмарка Герсон Бляйхредер. В числе его членов присутствовали многие политики консервативного и либерального направления, а также авторитетные общественные деятели. В результате интерес к колониальной пропаганде со стороны «железного канцлера», ранее принципиально отвергавшего приобретение заморских территорий, непрерывно возрастал. В 1884 году начался короткий, но бурный всплеск германской колониальной политики — утратившей свое значение в тот момент, когда она не оправдала возложенных на нее внутривнутриполитических ожиданий.

Состоявшиеся в октябре 1884 года парламентские выборы привели к серьезному поражению либеральных сил. За полгода до выборов «сецессионисты» и прогрессисты объединились в рамках Германской свободомыслящей партии. В ее программе содержались требования реальной правительственной ответственности и снижения налогов, а также снижения срока военной службы. Несмотря на то что свои голоса за нее отдал почти миллион избирателей, число мандатов сократилось до 67. В выигрыше оказались в основном консерваторы и примкнувшие к ним национал-либералы; Германская консервативная партия получила 22 дополнительных места, а три правые партии, вместе взятые, стали обладателями 157 мандатов. Национал-либералы в 1884 году заявили о намерении поддерживать правительство и категорическом отказе от создания единой большой либеральной партии. Своей первейшей задачей они объявили «усиление империи и решение общих задач германского народа»,¹⁵ что еще больше сблизило их с консерваторами. Свои позиции сохранила партия Центра, проведя в палату 99 представителей. Вдвое (до 24 депутатов) выросла фракция социал-демократов.

Формирование парламентского большинства по-прежнему являлось непростым делом. Долгосрочные коалиции оказались практически невозможны. Все чаще возникала ситуация, когда законопроект принимался голосами ситуативного большинства, состоявшего из представителей различных политических направлений, причем партийные фракции

оказывались расколотыми между его сторонниками и противниками. К примеру, при очередном продлении в 1884 году «Исключительного закона» за него голосовала половина фракции Центра и несколько левых либералов. Тем не менее, по мнению ряда историков, напряженность в отношениях между правительством и парламентом несколько снизилась по сравнению с предшествующим периодом.¹⁶

Вновь избранному рейхстагу пришлось заниматься, в первую очередь, экономическими и военными проблемами. В 1885 году был введен так называемый «биржевой налог». В том же году было проведено повышение таможенных тарифов. Помимо введения пошлин на ряд изделий текстильной и химической промышленности, были значительно увеличены пошлины на зерно. С ввозом скота боролись проще: еще в 1880 году был принят закон о предотвращении эпидемий, и к концу десятилетия санитарные меры практически полностью закрыли границы для импортного мяса. Защита интересов сельского хозяйства соответствовала интересам не только консерваторов, но и партии Центра, подавляющее большинство избирателей которой проживало в сельских районах. Таможенное законодательство, таким образом, являлось еще одним мостиком, переброшенным правительством к политическому католицизму.

В 1885 году начался новый виток германизации на востоке Пруссии. Весной была проведена высылка из восточных провинций Пруссии лиц польской национальности, не имевших германского гражданства. Общественности дело было представлено таким образом, словно речь идет о мигрантах, которые хотят вытеснить немецкое население с восточных территорий. Под аналогичным соусом год спустя был принят закон, в соответствии с которым учреждался специальный фонд для приобретения земель в восточных провинциях. Купленные земли должны были затем использоваться для расселения немецких крестьян-колонистов. Результат оказался весьма скромным: доля польского землевладения практически не уменьшилась, а предметом операций становились в основном поместья немецких юнкеров. Помещики прода-

вали свои владения по завышенной цене, шантажируя власти тем, что в противном случае земля попадет в руки поляков. В целом очередной виток германизации привел только к росту националистических настроений среди польского населения. К тому же эта политика в очередной раз обострила отношения с католической церковью и партией Центра.

Однако главной проблемой для парламента стал военный вопрос. В 1880 году септеннат был продлен после непродолжительных дискуссий; в 1887 году нужно было принять новый военный закон. Ни либералы, ни партия Центра не были готовы в очередной раз отказаться на семь лет от контроля за военными расходами. Правительству предстояла серьезная схватка.

Задачу Бисмарка в этом вопросе облегчало то, что вторая половина 1880-х годов стала временем стремительного обострения международной напряженности. На горизонте появился призрак вооруженного конфликта с Францией и Россией. Вызванная отнюдь не внутривнутриполитическими проблемами, «военная тревога», тем не менее, была активно использована «железным канцлером» в борьбе с парламентом и помогла ему добиться своей последней крупной победы на этом поле.

Осенью 1886 года новый законопроект был внесен в парламент. Это был очередной септеннат, предусматривавший, помимо всего прочего, увеличение армии мирного времени на 10 процентов. Следует отметить, что в этом отношении Германская империя шагала вполне в ногу с остальными европейскими державами, включая свою потенциальную противницу — Францию. Тем не менее, Бисмарк рассчитывал, что законопроект будет отклонен и на фоне международного кризиса это станет достойным поводом к роспуску рейхстага.

Депутаты, действительно, согласились на увеличение размера армии, но потребовали сокращения срока действия закона с семи лет до трех. «Германская армия есть учреждение, которое не может зависеть от переменчивого большинства рейхстага. <...> Сделать численность армии мирного времени зависимой от сиюминутной расстановки сил и настроения рейхстага невозможно. Не занимайтесь подобными

фантазиями, господа! Без нашей германской армии, одного из фундаментальных учреждений и основ, без потребности в общей обороне от вражеских атак не возник бы сам союз, на котором покоится Германская империя. Вспоминайте об этом каждый раз, когда Вы пытаетесь выбить у нее из-под ног эту основу ее существования; потому что мы все хотим чувствовать себя защищенными, и ваши избиратели тоже — подумайте об этом! Попытка <...> сделать армию зависимой от меняющегося большинства рейхстага и его решения, другими словами, превратить императорскую армию, которую мы имеем в Германии, в парламентскую армию, войско, о состоянии которого будут заботиться не император и союзные правительства, а господа Виндтхорст и Рихтер — эта попытка не удастся! <...> Это обязывает нас апеллировать к мнению народа, избирателей, чтобы узнать, действительно ли они видят ситуацию подобным образом», — заявил канцлер в рейхстаге.¹⁷ В начале 1887 года парламент был распущен.

В обстановке «военной тревоги», о которой трубили на всех углах, правительству и поддерживавшим его политическим партиям удалось добиться невиданной ранее мобилизации населения. Как писал позднее один из свидетелей этих событий, «немецкие избиратели не смогли противостоять напору Бисмарка».¹⁸ Активность проявляли и «капитаны экономики»: Альфред Крупп обратился к своим рабочим с призывом «повиноваться призыву императора» и голосовать за «картель».¹⁹

21 февраля на избирательные участки пришли более 77 процентов имевших право голоса — результат, который останется непревзойденным еще два десятка лет. Три партии правого крыла шли на выборы в составе «картеля»; их кандидаты взяли на себя обязательство поддерживать друг друга и совместно бороться с конкурентами. В результате национал-либералы добились последнего в своей истории взлета, опередив партию Центра по числу поданных голосов (почти 1.7 миллиона) и проведя в рейхстаг 97 депутатов. Их партнеры по «картелю» — две консервативные партии — смогли получить 122 мандата. Таким образом, блок правых партий

обладал в палате уверенным большинством голосов. На фоне железобетонной устойчивости партии Центра (она лишилась всего-навсего одного из 99 мандатов) были особенно заметны потери левых либералов и социал-демократов. У первых по итогам выборов осталось 32 из 67 мандатов, у вторых — 11 из 24. При этом стоит отметить, что число голосов, поданных за партию Бебеля и Либкнехта, даже несколько выросло; однако в рамках мажоритарной системы тактика «картеля» позволяла эффективно потеснить своих изолированных противников. Еще 17 мандатов потеряли малые, в том числе партия куляристские, партии.

Впервые за десять лет перед канцлером был рейхстаг, в котором он мог опереться на верное правительству большинство. Это было сразу же использовано для проведения целого ряда законодательных актов. В марте 1887 года был принят очередной септеннат. Год спустя он был дополнен законом, вносившим изменения в организационную структуру вооруженных сил и позволявшим значительно увеличить армию военного времени. В 1887 году были приняты законодательные акты, касавшиеся косвенных налогов на алкоголь и сахар. Тогда же были еще раз повышены таможенные тарифы. В результате пошлина на зерно, например, оказалась увеличена по сравнению с 1879 годом в пять раз — с одной марки за центнер до пяти. Это примерно соответствовало ее повышению с пяти до 25 процентов от стоимости центнера.

Тем временем на горизонте уже намечались новые потрясения. В марте 1888 года скончался Вильгельм I. Это ожидаемое, в общем-то, событие потрясло многих. Старый император был одним из символов империи и целой эпохи. Выступая на заседании прусской Академии наук, знаменитый историк и либеральный политик Теодор Моммзен сказал: «Для нас, даже для стариков <...>, он связывал между собой прошлое и настоящее столь непосредственным образом, что найти этому замену невозможно».²⁰

Сын старого кайзера, вступивший на престол под именем Фридриха III, был к тому моменту уже неизлечимо болен раком гортани. Его правление продлилось всего 99 дней, в те-

чение которых он не имел ни сил, ни возможностей что-то серьезно изменить в государстве. Впоследствии историки и публицисты много спекулировали на тему того, как изменилась бы история Германии, если бы «либеральный кайзер» царствовал хотя бы несколько лет. К сожалениям об «утраченном шансе» следует, однако, относиться с осторожностью. И отец, и дядя Фридриха III вступали в свое время на прусский престол с репутацией либералов, от которой довольно быстро не оставалось и следа.

В любом случае, летом 1888 года на престоле оказался 29-летний Вильгельм II. Пожалуй, ни один германский монарх впоследствии не становился объектом столь пристального изучения и столь ожесточенных споров. Одаренный, но весьма поверхностный, тщеславный и эмоциональный, Вильгельм II был чужд либеральным убеждениям своих родителей. Идеалом для него являлся дед, а любимым амплуа — роль гвардейского офицера. Молодой монарх мечтал править единолично и быть «народным кайзером», популярным во всех слоях населения.

Естественно, это не могло не привести к конфликту с могущественным канцлером. Уже в начале своего правления Вильгельм II заявлял приближенным, что собирается спустя короткое время избавиться от канцлера. Впоследствии отставка Бисмарка (не без влияния самого «железного канцлера») будет изображаться как грубая политическая ошибка, которую самолюбивый юнец допустил исходя из своих личных амбиций. В реальности ситуация была сложнее.

Дело в том, что к концу 1880-х годов на горизонте показались симптомы очередного кризиса. Внутри «картеля» образовались ощутимые трещины. Они были связаны, в том числе, с дальнейшим демонтажом Культуркампа и размерами таможенных пошлин. Национал-либералы, почувствовав свою силу, стремились играть самостоятельную роль. Некоторые исследователи считают, что Бисмарк специально углублял кризис блока, чтобы добиться формирования нового альянса — консервативных партий и Центра.²¹ В любом случае, он продолжал прилагать усилия, направленные на

сближение с политическим католицизмом. Однако этот курс не встречал одобрения молодого императора.

Еще более серьезной проблемой стала распространенная как в политических кругах, так и в широкой общественности усталость от Бисмарка. Его правление казалось затянувшимся, его меры — половинчатыми, его манера вести дела — слишком тяжеловесной. «У меня ощущение, что долго это продолжаться не может», — писал в своем дневнике в конце февраля 1889 года новый шеф Большого генерального штаба Альфред, граф Вальдерзее.²² Даже в рамках имперского административного аппарата, где сотрудники на протяжении многих лет подбирались по принципу лояльности, росла скрытая оппозиция старому канцлеру.

Тем не менее, на первых порах правительству удавалось добиться решения своих задач. В 1889 году была продолжена линия на формирование социального законодательства, которая пользовалась поддержкой кайзера. Рейхстаг принял закон о страховании по старости и инвалидности. Оценивая его, исследователи обычно обращают внимание на маленький размер пенсии и на то, что выплачивалась она только по достижении 70-летнего возраста, до которого доживал редкий рабочий. В действительности пенсия назначалась не столько по старости, сколько по нетрудоспособности (в дальнейшем около 90 процентов пенсионеров относились именно к этой категории). Фактически закон стал очередным серьезным шагом вперед в формировании германской социальной системы.

Если в отношении «пряника» позиции императора и канцлера совпадали, то в отношении «кнута» они серьезно расходились. Бисмарк считал необходимым ужесточение репрессий против социал-демократов; император, лично вступивший в 1889 году за бастующих горняков Рура, был сторонником иного подхода. Вильгельм II стремился к популярности и не собирался начинать свое царствование с конфликтов.

В конце 1889 года в рейхстаг была внесена новая, ужесточенная и бессрочная версия «Исключительного закона». Для национал-либералов это было уже слишком, и они отказали

правительству в поддержке в этом вопросе. «Картель» фактически рухнул. Выборы, состоявшиеся 20 февраля 1890 года, привели к существенному сдвигу влево. Обе консервативные партии потеряли 29 мест, национал-либералы — даже 56. Свободомыслящая партия, напротив, усилилась и приобрела 66 мандатов вместо 32. Партия Центра вновь сформировала сильнейшую фракцию в составе 106 депутатов. Однако наиболее ярким был успех социал-демократов: в новом рейхстаге им досталось 35 мандатов, а по числу поданных голосов (1.4 миллиона) они вышли на первое место! Фактически итог выборов означал крупное внутривнутриполитическое поражение для «железного канцлера».

Бисмарк в ответ решил повысить ставки. Фактически он собирался повторить тот же прием, что и тридцать лет назад, выступив в роли спасителя государства в разгар бушующего кризиса. Отличие заключалось в том, что в данном случае усугубить кризис он собирался самостоятельно. 1 марта на аудиенции у императора канцлер заявил, что «при необходимости германские князья и сенаты вольных городов могли бы принять решение о выходе из соглашения. Тем самым можно было бы избавиться от рейхстага».²³

Однако Вильгельм II не собирался играть в эту игру. Он был совершенно не заинтересован в крупном внутривнутриполитическом кризисе с непредсказуемым исходом. Две недели спустя Бисмарк был вынужден уйти в отставку.

В истории молодой Германской империи закончилась целая эпоха. Эпоха, которая не предопределила дальнейшее развитие страны, но задавала определенное направление. Решения, принятые на заре новой империи, еще не раз аукнутся в дальнейшем. То же самое касалось и сферы внешней политики, где в эти два десятилетия происходили критически важные процессы.

ГЛАВА 9

ОБНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ

Традиционное описание внешней политики отдельно от внутренней является сегодня далеко не очевидным решением. Сто лет тому назад оно казалось вполне естественным; дипломатия в те времена рассматривалась как самостоятельная и независимая сфера. Однако в 1960—1970-е годы все большую популярность стала приобретать концепция «примата внутренней политики», требовавшая радикального пересмотра сложившихся взглядов и представлявшая дипломатию лишь как производную от внутриполитических процессов. Сегодня эпоха крайностей уже позади. Один из самых ярких представителей этого направления, Ганс-Ульрих Велер, пишет в своей современной работе: «Само представление о примате, неважно чего, не отражает сложности взаимодействия между внутренней и внешней политикой; следует исходить из их принципиальной взаимосвязи».¹

И все же внешняя политика Германской империи обладала своей собственной динамикой, которая делает вполне оправданным отдельный рассказ о ней. При этом мы, естественно, не будем упускать из виду ее связь как с внутриполитическими процессами, так и с развитием системы международных отношений в целом.

Однако сперва имеет смысл сказать пару слов о личностном факторе. Если и существовала сфера, в которой Бисмарк мог распоряжаться практически полновластно, то это была

именно германская внешняя политика. Поэтому говорить о «дипломатии Бисмарка» вполне оправданно. Для самого «железного канцлера» это была любимая сфера деятельности. В 1872 году он говорил о том, что «справляется с Европой за десять — пятнадцать минут во время первого завтрака».² Он неоднократно размышлял о том, чтобы полностью отказаться от руководства германской внутренней политикой и сосредоточиться исключительно на внешних делах.

И все же контроль канцлера над германской дипломатией не был полным. Да, внешнеполитическое ведомство было превращено им в исполнительный орган, не обладавший самостоятельностью. Однако факторами, с которыми приходилось считаться, оставались монарх, послы (как правило, представители аристократии, обладавшие сильными позициями при дворе и потому относительно независимые) и военные.

Эпоха Бисмарка демонстрирует весьма тесную связь между внешней и внутренней политикой страны. Международные дела часто использовались для давления на политических противников или разрешения внутренних кризисов. Это создавало дополнительные затруднения для германской дипломатии, которая и без того столкнулась со сложной задачей.

После образования Германской империи традиционная расстановка сил в Европе претерпела коренные изменения. Фактически начала складываться новая система международных отношений, основные черты которой были пока едва намечены. На месте традиционного вакуума в центре континента появился новый центр силы. Поэтому образование Германской империи не могло не вызвать определенной обеспокоенности в правящих кругах европейских держав. Как поведет себя новая могущественная держава? Не станет ли она, как Франция при Наполеоне I, стремиться к новым и новым завоеваниям? В европейских столицах вновь и вновь возникали слухи о том, что Германия претендует на немецкие земли Австро-Венгрии, прибалтийские провинции России, Данию или Голландию. «Несмотря на заявления Бисмарка о ми-

ролюбии новой империи, его политика вызывала в Европе всеобщее подозрение», — справедливо отмечает российский историк Андрей Владимирович Бодров.³

Международное положение Второго рейха было поэтому в определенной степени двойственным. С одной стороны, после 1871 года Германия оказалась в достаточно выгодной ситуации. Один из крупнейших германских историков XX века Ганс-Ульрих Велер вполне справедливо говорил о «позиции, как минимум приближающейся к гегемонии».⁴ С большинством великих держав Европы новое государство связывали если не дружественные, то, по крайней мере, вполне нормальные отношения. С другой стороны, в традиционной европейской логике баланса сил в ситуации, в которой одна из великих держав начинала приближаться к гегемонии, у нее вскоре появлялся противовес в виде блока других европейских государств. Центром этого блока в данном случае должна была неизбежно стать Франция; ее враждебность и стремление к реваншу превратились в постоянный фактор европейской политики. Особенности географического положения Германской империи, граничившей с тремя великими державами, делали ее особенно уязвимой по отношению к враждебным коалициям. Поэтому угроза «окружения» постепенно становилась доминирующим фактором в восприятии германским обществом и правящей элитой собственной безопасности.

Обеспечение этой безопасности и являлось основной задачей. Проблема была достаточно сложной, учитывая, что германо-французская вражда стала постоянным фактором европейской дипломатии. Любой противник Германии мог рассчитывать на поддержку со стороны Парижа; угроза французского реванша занимала умы немецких политиков и военных. С позиций сегодняшнего дня легко упрекать их в том, что они сгущали краски. Однако они ориентировались, в первую очередь, на исторический опыт предшествовавших двух веков, который показывал, что Франция неизменно стремилась к гегемонии в Западной Европе. «У нас не остается никаких сомнений в том, что любое правительство, к какой

партии оно бы ни относилось, будет считать реванш своей главной задачей, — писал Бисмарк в начале 1873 года. — Речь может идти лишь о том, какое время понадобится французам для того, чтобы реорганизовать свою армию или свои союзы настолько, чтобы поверить в то, что пришло время возобновить борьбу. Как только этот момент настанет, любое французское правительство будет вынуждено объявить нам войну».⁵ Поэтому фактически основная задача германской дипломатии эпохи Бисмарка заключалась в том, чтобы держать Францию в изоляции, не дать ей обрести союзников и создать коалицию против Германии.

Эта задача была практически невыполнимой в долгосрочной перспективе, особенно если учесть, что между потенциальными партнерами Германской империи существовали достаточно серьезные противоречия. Не случайно «железного канцлера» историки часто сравнивают с жонглером, который умудрялся удерживать в воздухе одновременно несколько шаров. Сам Бисмарк на заре своей дипломатической карьеры говорил, подразумевая именно отношения с Францией: «Нельзя играть в шахматы, если изначально запрещено вступать на 16 полей из 64».⁶ Однако именно в такой ситуации он, по сути, и оказался в 1870-е годы.

Можно сказать, что избранная Бисмарком стратегия обеспечения безопасности и внешнеполитических интересов Германской империи была изначально обречена на провал, поскольку противоречила логике существовавшей системы международных отношений. Однако вопрос заключается в том, имел ли он реальную возможность избрать альтернативную стратегию. Многие историки более поздней эпохи, особенно писавшие свои работы уже после Второй мировой войны, ставили Бисмарку в упрек то обстоятельство, что он пытался действовать, опираясь в первую очередь на военную мощь Германии и систему альянсов, порой противоречивших друг другу. Однако могла ли новая империя двигаться иным путем, например, сделать ставку на демонстрацию своих мирных намерений, отказ от применения силы и взаимопонимание со всеми соседями?

Нельзя сказать, что Бисмарк не предпринимал никаких шагов в этом направлении. После 1871 года он неоднократно заявлял, что Германия «удовлетворена» и не претендует ни на какие территориальные приращения. По сути своей заявления Бисмарка соответствовали истине. Он действительно считал, что дальнейшие территориальные захваты Германии совершенно не нужны, более того, были бы нежелательны. Однако с первых месяцев существования империи он избрал активную, наступательную стратегию, которая была способна только усилить недоверие соседей к новой державе. Угроза французского реваншизма, позиция влиятельных военных кругов, необходимость использовать образ «внешней опасности» для успешного проведения внутренней политики — все это толкало Бисмарка по избранному им пути. «Железный канцлер» действовал привычными для него методами, которые уже принесли ему громкий успех в 1860-е годы.

В рамках этой стратегии, однако, в его руках всегда находился целый набор альтернатив, между которыми он мог выбирать. Такая гибкость во многом и позволила Бисмарку в течение почти двух десятилетий добиваться определенного успеха в своей внешней политике. Впрочем, успеха весьма относительного — вся внешняя политика Бисмарка в 1870—1880-е годы была, по сути, вынужденным переходом от попыток найти долговременное решение проблемы безопасности и утвердить доминирующее положение Германской империи в Европе (что для многих немцев было одним и тем же) к постоянному искусному жонглированию, в процессе которого достигались в основном тактические успехи. При этом пространство для маневра с течением времени медленно, но верно сужалось.

Еще до окончания франко-германской войны немецкая дипломатия начала выстраивать первую из своих многочисленных комбинаций. Поскольку Великобритания придерживалась политики «блестящей изоляции», на роль основных партнеров могли претендовать Австро-Венгрия и Россия. Бисмарк ни в коем случае не желал выбирать между Петербургом и Веной — для успеха ему нужны были обе империи.

Так появилась идея своеобразного возрождения Священного Союза — коалиции консервативных монархий, построенной на общей идеологической базе. «Союз трех черных орлов» должен был обеспечивать существующее статус-кво в Европе и тем самым косвенно гарантировать Германской империи ее новые владения в Эльзасе и Лотарингии. В то же время Бисмарк стремился к тому, чтобы этот союз не сковывал германскую внешнюю политику, оставляя ей достаточную свободу действий.

Идея тройственного соглашения с Россией и Австро-Венгрией возникла еще в 1867 году, но к ее реализации Бисмарк приступил тремя годами позже. 13 сентября 1870 года, в разгар войны с Францией, он в направленной в Петербург телеграмме заявил о желательности «тесного сотрудничества монархически-консервативных элементов Европы».⁷ Эта инициатива встретила на берегах Невы достаточно благосклонный прием. В это же время к идее желательности сотрудничества с Германией начала склоняться и Австро-Венгрия, находившаяся в состоянии хронического внутреннего кризиса. Первые признаки «потепления» появились в ноябре 1870 года, когда полное и окончательное поражение Франции стало лишь вопросом времени. 26 декабря глава австрийского правительства Бойст заявил, что составной частью будущей внешней политики Вены станет «забота о лучших дружественных отношениях»⁸ с новым государством.

Стремление как России, так и Австро-Венгрии укрепить свое сотрудничество с Германской империей объяснялось не только политическими, но и экономическими соображениями. Львиная доля иностранных инвестиций в империю Романовых была немецкой, Германия была в тот момент и важнейшим торговым партнером России — в середине 1870-х годах на ее долю приходилось 40 процентов русского импорта (1-е место) и 32 процента экспорта (1-е место разделено с Великобританией). Германский капитал также стремительно усиливал свои позиции в Австро-Венгрии.

И в Петербурге, и в Вене предпочли бы двустороннее соглашение с Берлином. Между Россией и Австро-Венгрией

существовали серьезные противоречия — в первую очередь, на Балканах. Однако Бисмарк стремился обеспечить Германии независимую позицию и не дать втянуть себя в это противостояние. В июне 1871 года он выступил с официальным обращением к крупнейшим европейским державам с призывом объединиться в борьбе против революционной угрозы. От Англии был получен, как и ожидалось, сдержанно-отрицательный ответ. С Австро-Венгрией начались активные переговоры, вылившиеся в августе-сентябре 1871 года в серию дипломатических рандеву с участием крупнейших государственных деятелей обеих стран.

6—11 сентября 1872 года в германской столице состоялось свидание трех императоров, которое должно было продемонстрировать всему миру силу монархической солидарности петербургского, венского и берлинского дворов. Оно прошло в атмосфере блеска и пышности, под покровом которых состоялись достаточно важные переговоры Бисмарка со своими коллегами — Андраши и Горчаковым. На них было достигнуто взаимопонимание по вопросу о европейском статус-кво и, конечно же, совместной борьбе с «красной угрозой». При этом Бисмарк не стремился закрепить за каждой из сторон далеко идущие обязательства. Встреча трех императоров стала явным успехом германской дипломатии, и называть ее простой демонстрацией было бы ошибкой. Проблема заключалась в том, что ни Россия, ни Австрия не собирались мириться с ролью младших партнеров Берлина.

Основы, заложенные в 1872 году, обрели плоть договоров в следующем, 1873 году. Так, 6 мая во время визита Вильгельма I в Петербург была подписана германо-русская военная конвенция Мольтке — Берга. Сам «железный канцлер» относился к этому соглашению достаточно скептически; на полях донесения, извещавшего о том, что теперь на помощь немцам в случае войны придут русские войска, Бисмарк написал: «Свои надежнее».⁹ Канцлер весьма ревниво относился к попыткам военных проводить свою, параллельную дипломатию.

Теперь усилия Бисмарка были направлены на то, чтобы обеспечить австро-русское соглашение. 6 июня в Шенбрунне Франц Иосиф и Александр II подписали достаточно абстрактное и расплывчатое соглашение об обеспечении европейского мира. 22 октября Вильгельм I присоединился к этому договору, который в результате получил имя «Союз трех императоров». Соглашение предусматривало взаимные консультации монархов в случае возникновения угрозы миру.

Союз трех императоров стал первым серьезным шагом по обеспечению безопасности Германской империи. Сам Бисмарк говорил о нем — с некоторым преувеличением — как о «важнейшем инструменте политики обеспечения безопасности против французских реваншистских устремлений».¹⁰ Понятно, что у каждой из сторон были свои причины для заключения договора, причем говорить об их полной гармонии было бы преувеличением — внутренние противоречия между державами устранены не были. Это тоже соответствовало замыслу «железного канцлера»: ему было невыгодно чрезмерное сближение Вены и Петербурга. Основания для подобных опасений действительно существовали; так, визит Франца Иосифа в российскую столицу в начале 1874 года был продиктован не в последнюю очередь стремлением лишить Германию положения арбитра в «тройке».

Несмотря на то что Союз трех императоров был достаточно абстрактным соглашением и, строго говоря, союзом не являлся, он достаточно надежно защищал Германскую империю от любой попытки изолировать ее, демонстрировал солидарность трех великих монархий и укреплял изоляцию Франции. Свободная форма союза заключала в себе еще и то преимущество, что не давала спорам о первенстве в организации достичь значительного размаха. Тем не менее, соглашение трех держав не было предназначено для серьезных испытаний на прочность.

В том же 1873 году состоялся визит в Австрию и Германию итальянского короля. Хотя в результате не было заключено никакого соглашения, встреча монархов послужи-

ла прекрасной демонстрацией хороших отношений Рима и Берлина.

Сохранить Францию слабой — так выглядела еще одна важная задача, которую преследовал Бисмарк. К тому же довольно скоро выяснилось, что жупел «внешней угрозы» великолепно подходит для решения целой гирлянды внутривосточных проблем и оказывает буквально наркотическое воздействие на общественное мнение и значительную часть оппозиции. На побежденную Францию была наложена огромная контрибуция, до ее уплаты на территории республики оставались германские войска. Однако необходимость выплаты 5 миллиардов не стала для Парижа тем смертельным ударом, на который рассчитывал «железный канцлер». Не в последнюю очередь благодаря общенациональному подъему контрибуцию удалось выплачивать не только в оговоренные сроки, но даже опережающими темпами. В конце 1873 года последний германский солдат покинул французскую территорию. Поэтому Бисмарк стремился не допустить увеличения роли Франции на международной арене всеми доступными ему способами.

Историки до сих пор спорят о том, намеревался ли Бисмарк всерьез развязать вторую войну с Францией, чтобы устранить опасность реванша со стороны западной соседки. Несмотря на нормализацию дипломатических отношений осенью 1871 года, германо-французские кризисы различного масштаба вспыхивали с завидной частотой. Задача ослабления Франции — в первую очередь, путем дипломатического давления и изоляции — серьезно осложнялась тем, что все крупные европейские державы выступали за ее возвращение в систему «равновесия сил».

Объясняя причины жесткого германского давления на Францию, нельзя не упомянуть о внутривосточных мотивах этих шагов. Призрак внешней угрозы во все времена был прекрасным средством для сплочения нации, и Бисмарк умело использовал французский реваншизм для мобилизации общества на поддержку своей внутренней политики. Прекрасным примером может послужить обострение отноше-

ний с Францией осенью 1873 года, произошедшее накануне январских выборов в рейхстаг, имевших исключительно важное значение.

Весной 1875 года во франко-германских отношениях разразился более масштабный кризис, известный под именем «военной тревоги». В начале года в Петербург с особой миссией был направлен прусский дипломат Йозеф Мария фон Радовиц (младший). Формально он должен был временно замещать заболевшего германского посла в Петербурге. «Миссия Радовица» остается одним из самых загадочных эпизодов внешней политики Второй империи, поскольку о ней сохранилось не так много документальных свидетельств. Одна из распространенных версий исходит из того, что Радовиц предложил Горчакову достаточно далеко идущее соглашение, которое обеспечивало бы России свободу рук на Балканах, а Германии — на западных рубежах. Другая интерпретация подразумевает более скромные задачи — стимулирование активной политики России на южном направлении. В любом случае, российское руководство, опасаясь утратить свободу маневра, отвергло подобные инициативы.

9 апреля во влиятельной консервативной газете «Пост» появилась статья «Предвидится ли война?». Вывод, который делал автор статьи, был весьма тревожным: вооруженный конфликт между Германией и Францией уже на горизонте. Хотя формально газета была независимой, никто не сомневался в том, что публикация инспирирована правительством. Одновременно из правительственных кругов Германии начали исходить сигналы о том, что страна действительно серьезно собирается начать превентивную войну.

21 апреля вернувшийся из Петербурга Радовиц в беседе с французским послом доказывал всю правомочность превентивного удара по Франции. Глава прусского Генерального штаба фельдмаршал Гельмут фон Мольтке также принял в «военной тревоге» самое активное участие. В частности, он заявил английскому послу Одо Расселлу, что «желает войны не та держава, которая выступает, а та, которая своим образом действий заставляет других выступать» и, таким

образом, немецкое нападение было бы вполне оправданным. 30 апреля, встретившись теперь уже с бельгийским послом Нотомбом, он вновь посетовал на скорость французских вооружений, которая «является неоспоримым свидетельством подготовки к войне. В таких обстоятельствах мы не можем ждать, пока Франция будет готова, — наш долг заключается в том, чтобы опередить ее».¹¹

Бисмарк в этот период старался держаться в тени; это оставляло ему открытым путь для отступления в том случае, если бы события приняли нежелательный оборот. По сегодняшний день среди историков нет единого мнения по поводу причин «военной тревоги» и намерений имперского канцлера. По мнению одних исследователей, Бисмарк всерьез планировал начать новую войну с Францией, наголову разгромить ее и лишить статуса великой державы. Другие, наоборот, полагают, что кризис спровоцировали влиятельные представители генералитета, а глава правительства имел к нему лишь косвенное отношение. Определенным компромиссом является точка зрения, согласно которой канцлер стремился провести нечто вроде «разведки боем», проверив, как другие державы Европы отнесутся к возможности новой войны с Францией, и при удобном случае нанеся последней серьезное дипломатическое поражение. В то же время «железный канцлер» оставлял себе возможность быстро и без потери престижа отступить в случае неудачи.

Наиболее убедительной, однако, представляется версия, представленная в новейшем исследовании Джеймса Стоуна, посвященном «военной тревоге». По его мнению, ключевой целью Бисмарка было «политическими и военными средствами сдерживать антиреспубликанские силы во Франции».¹² Давление на Париж весной 1875 года следует рассматривать в общем контексте германской дипломатии, стремившейся оказать влияние на внутреннюю политику соседних государств (в том числе Дании, Бельгии, Испании и Австро-Венгрии) с целью не допустить формирования «католической коалиции» вроде той, которую планировал Наполеон III в конце 1860-х годов. О своей задаче в отношении Франции

Бисмарк откровенно писал послу в Париже Арниму еще в декабре 1872 года: «Наша потребность заключается в том, чтобы Франция оставила нас в покое, и мы должны не допустить того, чтобы французы, если они не захотят сохранить мир с нами, нашли себе союзников. Пока таковых нет, французы нам не опасны. <...> Французской республике будет очень тяжело найти монархического союзника против нас».¹³ Именно поэтому поддержка республиканцев во Франции представлялась Бисмарку жизненно важной.

К концу апреля, когда кризис достиг своего пика, стала вполне очевидной реакция на него других великих держав. Французская дипломатия тоже не дремала, увидев шанс нанести дипломатическое поражение восточному соседу и запросив помощи у Петербурга и Лондона. Поскольку все немецкие заявления об «угрозе с запада» были явно надуманными, французским политикам удалось без труда склонить на свою сторону русских и англичан, не желавших дальнейшего усиления Второго рейха.

9 мая британский посол в Германии официально заявил, что Лондон в высшей степени заинтересован в сохранении мира. С 10 по 13 мая император Александр II и Горчаков находились в Берлине, где еще раз подчеркнули свою позицию — мир должен быть сохранен. Российская внешняя политика, стремившаяся усилить влияние страны на континенте, добилась значимой победы. Германская дипломатия потерпела чувствительное поражение.

На этом «военная тревога» была исчерпана. Линия на ослабление Франции проводилась германской дипломатией с этого момента достаточно осторожно, на первое место вышли попытки договориться с западной соседкой, которые достигли своего апогея в начале 1880-х годов. Как пишет современный российский исследователь, «уже с середины 1870-х годов можно было отметить некоторые симптомы перехода от резкого антагонизма к осторожному взаимодействию в отдельных сферах».¹⁴

На счастье Бисмарка, о «военной тревоге» быстро забыли. Более важным событием в европейских международных

отношениях стал начавшийся в 1875 году Восточный кризис, столкнувший между собой Россию и Австро-Венгрию. Союз трех императоров дал серьезную трещину.

В 1875 году балканские народы Османской империи начали восстание против турецкого господства, быстро принявшее широкий размах. Если в Петербурге считали необходимым поддержать своих единоверцев в борьбе с давним врагом России, то в Вене с тревогой смотрели на перспективу усиления российского влияния на Балканах, которые Австрия считала своей сферой интересов. Напряженность между двумя странами нарастала с каждым днем. Германской империи было сложно остаться в стороне от этих событий, поскольку оба партнера возлагали на нее свои надежды. При этом Бисмарк отлично понимал, что у Берлина на данный момент никаких интересов на Балканах нет и Восточный вопрос его напрямую не касается. Однако пассивность могла привести к утрате контроля над ситуацией, поэтому «железный канцлер» прилагал серьезные усилия для того, чтобы сохранить контакт между Веной и Петербургом. Он не был заинтересован в излишнем сближении двух держав, однако война между ними, считал он, не сулит Германии ничего хорошего.

В мае 1876 года представители государств — членов Союза трех императоров — встретились в Берлине. Горчаков прибыл в германскую столицу с требованием предоставить широкую автономию славянским народам Османской империи. Андраши высказывался за гораздо более умеренную реформу. Бисмарк заявил, что «Германию нельзя вынуждать делать выбор между обеими державами»,¹⁵ по сути поддержав австрийские предложения. В связи с этим Петербург вынужден был пойти на компромисс с Веной, достигнутый на переговорах в Рейхштадте в начале июля. Однако в сложившейся ситуации он не мог носить долговременный характер. Борьба продолжалась.

В августе 1876 года Горчаков сделал новое предложение — Германия должна вести себя активнее и выступить с инициативой созыва европейского конгресса по Восточ-

ному вопросу. Бисмарк отнесся к этому с большим скепсисом — конгресс, по его мнению, мог способствовать только новым столкновениям Петербурга и Вены, а также дать Франции возможность выйти из изоляции. Поэтому «железный канцлер» ответил отказом. Однако портить отношения с Россией Бисмарк не собирался и решил сыграть на симпатиях между династиями. Фельдмаршал Мантойфель был отправлен в Варшаву с личным письмом германского императора к своему племяннику — императору российскому. Письмо должно было засвидетельствовать неизменные симпатии Берлина к Петербургу. Испытывавший весьма теплые чувства к российским родственникам, престарелый Вильгельм I зашел слишком далеко, включив в свое послание весьма далеко идущее обещание: «Воспоминание о Вашей позиции по отношению ко мне и моей стране с 1864 по 1871 год будет, что бы ни случилось, определять мою политику по отношению к России».¹⁶ Эти слова были восприняты российской политической элитой как карт-бланш.

1 октября 1876 года Александр II через германского военного атташе в России Вердера задал руководству рейха предельно прямой вопрос: как поведет себя Берлин, если между Россией и Австро-Венгрией начнется война? Бисмарк оказался в крайне сложной ситуации. Прямо отказать Петербургу в поддержке он не мог, обещать ее — тем более. Любой уклончивый ответ также явно вызвал бы неудовольствие российского императора. В конечном счете, канцлер решил отреагировать максимально сдержанно и в то же время корректно. Германия, заявил он, «сначала предпримет попытку убедить Австрию сохранить мир даже в случае русско-турецкой войны, и эти усилия, насколько до сих пор известно о намерениях Австрии, не останутся бесплодными <...> Если, несмотря на все наши усилия, мы не сможем предотвратить разрыв между Россией и Австрией, то Германия не видит в этом повода отказываться от своего нейтралитета».¹⁷ В Петербурге это было воспринято как однозначный отказ в поддержке. Германо-российские отношения вступили в полосу охлаждения.

Бисмарк считал необходимым придерживаться в разразившемся кризисе строгого нейтралитета. Выступая в рейхстаге с ответом на запрос одного из депутатов касательно повышения Россией пошлин на импорт промышленных товаров, он заверил депутатов в незаинтересованности немецкой дипломатии в Восточном вопросе, который «не стоит костей даже одного померанского мушкетера».¹⁸ Впоследствии, в феврале 1878 года, он отказал австрийцам в заключении оборонительного союза, чтобы избежать ухудшения отношений с Россией. В то же время «железный канцлер» собирался использовать Восточный вопрос для того, чтобы отвлечь внимание европейских держав и обеспечить германской дипломатии большую свободу действий.

В апреле 1877 года Россия объявила войну Османской империи. Два месяца спустя Бисмарк составил небольшой программный документ, известный под названием «Киссингенский диктат». Официальное название документа гласило «Восточный вопрос как проблема безопасности Германии». В нем он употребил словосочетание, которое в дальнейшем часто использовалось для характеристики его видения международных отношений в Европе: «Одна французская газета сказала недавно обо мне, что у меня кошмар коалиций. Этот кошмар будет для немецкого министра еще долго, может быть, всегда оставаться глубоко оправданным. Коалиции против нас могут быть образованы на основе соглашения западных держав с Австрией или, что еще опаснее, в форме союза России, Австрии и Франции; сближение между двумя из перечисленных держав позволит третьей оказывать на нас весьма существенное давление». Выходом могла бы стать политика «не приобретения территорий, а создания такой политической ситуации, в которой все державы, кроме Франции, нуждаются в нас и будут воздерживаться от направленных против нас коалиций из-за существующих между ними разногласий».¹⁹ Этот документ стал фактической программой действий германской дипломатии в следующем десятилетии.

После заключения Сан-Стефанского мира Бисмарк попытался выступить в роли посредника между Петербургом и

Веной. Австрийская дипломатия, однако, настаивала на созыве конгресса европейских держав по Восточному вопросу. Это решение выглядело далеко не оптимальным для Бисмарка, однако это была едва ли не единственная альтернатива дальнейшему обострению напряженности. В качестве места проведения конгресса был предложен Берлин, с чем к концу мая согласились все заинтересованные стороны. Помимо всего прочего, это дало Бисмарку возможность поднять свой престиж внутри страны в ситуации острого внутривнутриполитического кризиса; нельзя забывать, что именно на это время пришлось решающие выборы в рейхстаг. Еще одно условие, на котором настоял Бисмарк, — достижение ключевыми игроками договоренностей до начала конгресса; это позволяло гарантировать успех мероприятия.

Берлинский конгресс открылся 13 июня 1878 года. Он стал крупнейшей международной конференцией второй половины XIX века. В германскую столицу прибыли такие звезды европейской дипломатии, как глава австрийского правительства Андраши, британский премьер-министр Дизраэли, российский канцлер Горчаков. Однако первую скрипку, конечно же, играл Бисмарк. Перед «железным канцлером» стояла весьма непростая задача. Он должен был постараться примирить соперников, в то же время не испортив отношений ни с одним из них. Именно поэтому Бисмарк изначально отказался от роли арбитра, принимающего решения. Свою линию на конгрессе он называл позицией «честного маклера», незаинтересованного посредника, который должен помочь другим участникам переговоров прийти к соглашению.

В реальности Бисмарк, конечно же, отстаивал германские интересы. Помимо того, чтобы привести конгресс к благополучному завершению и не допустить большой войны в Европе, «железный канцлер» считал необходимым укрепить позиции своей страны и усилить зависимость от нее других игроков. К примеру, в комиссиях германским представителям была поставлена задача придерживаться строгого нейтралитета; это должно было послужить российским властям сигналом о том, что поддержка со стороны Берлина не

является чем-то само собой разумеющимся и требует ответных уступок.²⁰

Итогом конгресса стала существенная ревизия Сан-Стефанского мира. Это был классический компромисс, при котором каждому пришлось идти на уступки и никто в конечном счете не был полностью доволен достигнутым результатом. Исключение, пожалуй, составлял лишь Бисмарк, который смог привести Восточный кризис к благополучному завершению. В течение каких-то трех лет он благодаря событиям на Балканах превратился в глазах всей Европы, как писал самый знаменитый биограф «железного канцлера» Лотар Галл, из нарушителя спокойствия в его гаранта.²¹

Берлинский конгресс, помимо всего прочего, знаменовал важную веху в истории европейской дипломатии. «Европейский концерт», давший сбой в середине XIX века, был восстановлен. Великие державы вновь придерживались принципов Венской системы. Сама система, впрочем, была довольно сильно модифицирована; не случайно применительно к рубежу XIX—XX веков иногда говорят о «Венско-Берлинской системе». Трудно согласиться с Винфридом Баумгартом, характеризовавшим конгресс как «последнюю большую манифестацию Европейского концерта».²² Как это было и в 1820-е годы, по мере того как правила игры устоялись, нужда в «больших манифестациях» отпала.

Германской дипломатии не удалось избежать упреков со стороны Петербурга. Российские политики и общественное мнение обвиняли Бисмарка в том, что он лишил страну плодов ее победы и не оказал России ту поддержку, на которую она была вправе рассчитывать. «Железный канцлер» действительно не оказывал никакого предпочтения интересам России перед интересами других участников конгресса — что, впрочем, вполне соответствовало взятой им на себя роли «честного маклера». Тем не менее, упрекать его в том, что он встал на сторону Лондона и Вены, как это делала российская пресса, довольно затруднительно.

Однако германо-российские отношения существенно ухудшились. Возрастающую роль играли и экономические

противоречия: в начале 1879 года между двумя странами вспыхнула настоящая экономическая война, когда германские власти под предлогом карантина против чумы запретили ввоз скота из России. Нападки на Российскую империю звучали и в германской прессе. Проблемы в отношениях двух стран имели, впрочем, более глубокие корни; ощущаемое охлаждение ощущалось еще с середины 1870-х годов. В Петербурге не хотели мириться с германской «полугегемонией» в центре континента. Более того, российское руководство ожидало, что немцы будут играть роль младшего партнера, отдающего приоритет интересам восточной соседки. Как писал германский историк Конрад Канис, «началось настоящее соревнование за главенство между двумя неравными соперниками».²³ Публицисты XX века, писавшие о том, что у России и Германии не было никаких конфликтующих интересов, легко забывали вещи, которые были очевидны современникам событий. «Россия повела себя по отношению к своему единственному другу, Германии, как азиатский деспот, считающий, что его слуга недостаточно быстро прибежал на зов», — жаловался Бисмарк в сентябре 1879 года.²⁴

Имперский канцлер все в большей степени склонялся к сближению с Австро-Венгрией. В чем заключалась причина такого, на первый взгляд, парадоксального решения? Ведь сам Бисмарк несколько десятилетий назад предостерегал от того, чтобы связывать себя с дунайской монархией слишком тесными узами. Однако сейчас ситуация изменилась. На Россию, не желавшую и слышать о возобновлении «союза трех черных орлов», следовало оказать давление. Одновременно соглашение с Веной могло стать той «синицей в руках», которая, по меньшей мере, гарантировала Германию от полного окружения враждебным альянсом.

С современных позиций перспектива формирования такого антигерманского блока кажется практически нереальной. Однако стоять на позиции послезнания — далеко не лучший способ понять мотивы политических деятелей, которые знали о прошлом и настоящем, а не о будущем. А историче-

ский опыт говорил о том, что против нового сильного игрока легко может сформироваться весьма разнородная на первый взгляд коалиция. В Германской империи особенно часто вспоминали Фридриха Великого, который в Семилетней войне вынужден был сражаться против коалиции Франции, Австрии и России. Шеф Большого генерального штаба Мольтке вообще искренне полагал, что Германии предстоит еще одна «война за объединение», задачей которой станет закрепление достигнутых в 1871 году результатов. Учитывая, что в Австрии многие так и не смирились с поражением 1866 года, подобного рода опасения имели право на существование. Поэтому Бисмарку необходимо было исключить возможность худшего варианта развития событий.

Нельзя сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что к союзу с Австрией Бисмарка толкали многие группы интересов внутри страны. Идея сближения с «братьями по крови» была в высшей степени популярной во всех кругах немецкого общества. На союзе настаивали и военные, которые уже давно исходили из неизбежности войны на два фронта — против Франции и России — и считали необходимым иметь хотя бы одного надежного союзника. В такой ситуации сближение с Веной приобретало для «железного канцлера» большое внутрисполитическое значение.

Свою роль играли и геополитические соображения. В случае союза с Россией Германия автоматически превращалась в «щит» Петербурга в Европе. Тяжесть любой европейской войны принимал на себя в первую очередь Берлин. Это создавало определенную зависимость от России. Учитывая, что российские политики и так упорно не хотели расставаться с прошлой схемой взаимоотношений, в рамках которой Пруссия играла роль младшего партнера, подобное положение дел было неприемлемым для Бисмарка. Кроме того, «железный канцлер» рассчитывал с помощью сближения с Веной оказать давление на Петербург; по его мнению, российские власти, испугавшись изоляции, должны были возобновить союз с Берлином, довольствуясь ролью младшего партнера.

События начали стремительно развиваться в августе 1879 года, когда Берлина достигли слухи о возможной отставке Андраши. Не желая терять давнего и надежного партнера, Бисмарк немедленно предложил своему австрийскому коллеге встретиться в Гаштейне, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и перспективы сотрудничества двух стран. Однако еще до того, как эта встреча состоялась, очередной ход сделала российская дипломатия. 15 августа Александр II отправил своему дяде, германскому императору, личное послание, вошедшее в историю под именем «письма-пощечины». Название вполне точно отражает содержание текста. Российский император упрекал своего немецкого родственника в неблагодарности, жаловался на Бисмарка и завершал послание многообещающей фразой: «Последствия могут иметь опустошительный характер для обеих наших стран».²⁵ Хотя Бисмарк не желал полного разрыва с Россией, «письмо-пощечина» пришлось ему как нельзя более кстати. Дело в том, что Вильгельм, традиционно питавший симпатии к российскому императорскому дому, не желал и слышать о соглашении с Австро-Венгрией, носящем явный антироссийский характер.

Необходимость спешить заставила Бисмарка отказаться от своего изначального проекта, предусматривавшего создание долговременной и многосторонней связи между двумя государствами, чем-то напоминавшей отношения между членами Германского Союза. На повестке дня оказался куда более скромный проект. 27—28 августа 1879 года прошла встреча Бисмарка с Андраши в Гаштейне. Оба государственных деятеля договорились о подписании оборонительного союза. При этом австрийский дипломат настаивал на том, что союз должен иметь исключительную направленность против России.

На первый взгляд это делало договор не слишком равноправным, поскольку конфликта с империей Романовых следовало опасаться в первую очередь Австро-Венгрии. В случае германо-французской войны Вена не обещала ничего большего, чем благожелательный нейтралитет. Однако на самом деле это условие всецело отвечало интересам Бисмарка.

«Железный канцлер», как и военные круги, не опасался войны с изолированной Францией; гораздо страшнее представлялся ему конфликт с участием России, в котором, в соответствии с планируемым договором, Австро-Венгрия обязалась принять участие. Кроме того, договор фактически исключал возможность сближения Вены и Парижа.

Тем не менее, германский император продолжал колебаться. В начале сентября Вильгельм встретился со своим российским племянником в приграничном городке Александрово, где российский император полностью отказался от своих недавних слов. Добрые отношения двух монархов были восстановлены, эффект «письма-пощечины» в значительной степени утрачен. Большую поддержку Бисмарку оказала в данном случае германская военная элита. Мольтке принимал самое активное участие в переговорах с империей Габсбургов. 25 сентября фельдмаршал лично докладывал императору все аргументы в пользу скорейшего заключения союза с Австро-Венгрией.

В итоге усилия Бисмарка увенчались успехом. В конце сентября 1879 года он лично отправился в Вену, где был согласован окончательный текст договора. 15 октября состоялось подписание договора в Вене, а неделю спустя соглашение было ратифицировано Вильгельмом I. Внешнеполитический поворот состоялся. Германская империя заключила свой первый долговременный и содержащий конкретные обязательства союзный договор. Впоследствии он окажется наиболее устойчивым из всех союзов, просуществовав до самого крушения Второго рейха в 1918 году. Одновременно австро-германский пакт положил начало складыванию системы двух противостоящих друг другу военных блоков, которые в 1914 году начали Первую мировую войну.

Союз с Австрией был положительно встречен большей частью германской общественности. Как писал Генрих фон Трейчке, он «преградил путь опасностям, которые грозили с востока; русскому канцлеру был преподан урок, что наше государство уже не есть Пруссия времен Фридриха Вильгельма IV».²⁶

Таким образом, одновременно с «внутриполитическим поворотом» в Германии произошел «внешнеполитический поворот». Его значение, однако, нельзя переоценивать. Союз с Австрией еще не вел с автоматической неизбежностью к формированию в Европе двух блоков, тем более в том составе, в котором они сложились в начале XX века. Ключевые задачи германской внешней политики оставались прежними, но для их реализации приходилось прикладывать все больше усилий. По словам Конрада Каниса, союз с Австрией «имел до 1890 года скорее второстепенное значение».²⁷ Это, возможно, некоторое преувеличение; однако Бисмарк действительно никогда не клал все яйца в одну корзину и не делал ставку на отношения с одной из великих держав. Его игра всегда была значительно масштабнее и сложнее.

События конца 1870-х годов демонстрируют также тесную связь внешней и внутренней политики. Введение сельскохозяйственных пошлин было весьма болезненно воспринято в России. Здесь доходы от экспорта зерна играли большую роль, особенно учитывая нестабильное финансовое положение империи. Зато сохранялась тесная привязка России к германскому финансовому рынку, который благодаря избытку ликвидности легко поглощал русские займы.

История заключения австро-германского союза показывала, насколько серьезным может быть влияние на внешнюю политику других игроков, помимо имперского канцлера. Особенно активную роль играли военные. Большой генеральный штаб обладал монополией на стратегическое планирование, служившие в нем «полубоги» считали себя ответственными за национальную безопасность. В руках военных находилась и своя собственная «дипломатическая сеть» в виде системы военных атташе в европейских столицах.

Военные были настроены весьма скептически по отношению к России и в гораздо большей степени, чем Бисмарк, полагались на превентивную войну. Мольтке не рассматривал заключенный в 1871 году мир как окончательный. Фельдмаршал предвидел вероятность союза западного и восточного соседей Германии и стремился принять необходимые

приготовления на случай именно такого развития событий. В памятной записке от 27 апреля 1871 года, так и озаглавленной — «Война с Россией и Францией», шеф генерального штаба указывал, что «возможность подобной комбинации невозможно отрицать», поскольку, несмотря на дружеские отношения между династиями, между народами империй Романовых и Гогенцоллернов «несомненно существует обоюдная неприязнь».²⁸

Идея войны на два фронта, причем войны превентивной, стала в дальнейшем основой германского военного планирования. Вопрос заключался в том, где нанести главный удар — на западе или на востоке. В 1870—1880-е годы этот вопрос оставался открытым; в Большом генеральном штабе разрабатывались различные планы. Так, в феврале 1877 года Мольтке составил план, по которому на случай войны на два фронта против России и Франции из 600-тысячной армии 520 тысяч следовало сконцентрировать на западном фронте и начать переброску войск на восток лишь на четвертой неделе кампании, нанеся до этого смертельный удар Франции. Не забывали в Большом генеральном штабе и о других возможных вражеских коалициях: еще в декабре 1878 года Мольтке планировал войну против Австрии и Франции, итогом которой мог стать переход немецких земель Австро-Венгрии ко Второму рейху.

Впрочем, пока у руля германской дипломатии находился Бисмарк, ему не составляло большого труда ограничивать влияние военных на внешнюю политику империи. Вопрос заключался в том, справятся ли с этой задачей его преемники.

КАЛЕЙДОСКОП АЛЬЯНСОВ

1880-е годы еще в большей степени, чем предыдущее десятилетие, стали для германской дипломатии временем искусного лавирования с целью обеспечить себе доминирующее положение в Европе и не допустить формирования враждебных коалиций. Сам Бисмарк неоднократно сравнивал свою внешнюю политику с искусным жонглированием несколькими шарами. В этом непростом деле ему удалось добиться значительных успехов, однако многие из них носили чисто тактический характер и спустя некоторое время полностью обесценивались.

После заключения союза с Австрией германская дипломатия стремилась возобновить сотрудничество с Петербургом. «Мне удалось осуществить то, что я мог бы обозначить как первый этап моей политики безопасности, отгородить Австрию от западных держав. <...> Я не сомневаюсь, что смогу реализовать и второй этап, то есть восстановить Союз трех императоров, единственную систему, которая, по моему убеждению, может гарантировать европейский мир на длительное время», — заявлял «железный канцлер».¹ Однако сказать это было гораздо легче, нежели сделать.

Впрочем, сближению с Россией имелась и альтернатива в виде соглашения с Британией. Несмотря на то что Лондон предпочитал в эти десятилетия проводить политику «блестящей изоляции», Бисмарк не исключал его из своих расчетов.

Канцлер считал российско-британское соперничество в Азии одним из долговременных факторов, который предотвратит сближение этих двух стран и будет автоматически делать противника одной из них союзником другой. Недавний Восточный кризис должен был продемонстрировать Британии всю опасность имперских устремлений России и вынудить ее к поиску партнеров.

Осенью 1879 года Бисмарк предпринял соответствующий зондаж в Лондоне, запросив, какой будет реакция Англии, если Германия продолжит оказывать сопротивление амбициям России и в результате окажется в состоянии конфликта с Петербургом. Реакция оказалась сдержанной, но в то же время отнюдь не отрицательной — британские дипломаты ответили, что в таком случае постараются удержать Францию от вмешательства в конфликт. Однако вскоре консерваторов у руля британской политики сменили либералы, которые громогласно заявляли, что не пойдут на коалицию с Берлином, поскольку в результате будут испорчены отношения с Парижем.

В России тем временем происходила существенная переоценка ценностей. На смену негативным эмоциям, преобладавшим после Берлинского конгресса, приходила трезвая оценка ситуации. В соответствии с ней, Петербургу угрожала реальная опасность оказаться в изоляции. К идее сближения с Францией и на берегах Невы, и на берегах Сены относились с осторожностью. К тому же в Петербурге хорошо отдавали себе отчет в том, что такой дипломатический маневр до предела обострит и без того непростые отношения с Германией. Поэтому было решено последовать старой максиме о том, что друзей нужно держать близко, а врагов — еще ближе, и пойти на возобновление «союза трех черных орлов».

Новым российским послом в Берлине был в январе 1880 года назначен Петр Александрович Сабуров, сторонник сближения с Германией. Именно он в следующем месяце предложил Бисмарку создание двустороннего оборонительного и наступательного союза. Российская дипломатия предпочла бы иметь дело только с Берлином, однако «железный

канцлер» был категорически не согласен с такой постановкой вопроса. В итоге российское предложение трансформировалось в идею воссоздания Союза трех императоров.

В свою очередь, Бисмарк вступил в переговоры с австрийскими дипломатами, отстаивая идею соглашения с Россией. Всячески подчеркивая особые отношения Берлина с Веной, он в то же время заявлял, что только возобновление Союза трех императоров позволит направить российскую внешнюю политику по пути умеренности и миролюбия. Покой он оказывал жесткое давление на Вену, угрожая в случае неуступчивости австрийцев пойти на двустороннее соглашение с Петербургом. Бисмарк явно стремился к восстановлению конструкции, которая, как он считал, будет гарантировать безопасность Германии и оставит Францию в прежней изоляции.

18 июня 1881 года обновленный Союз трех императоров был заключен сроком на три года. В 1884 году он был продлен еще раз. Впрочем, ряд исследователей считает, что говорить об «обновлении» старого соглашения не совсем верно. На место консультативного пакта пришло соглашение о нейтралитете, сопровождавшееся договоренностями о разделе сфер влияния. Стороны обязались сохранять дружественный нейтралитет в том случае, если одна из них окажется вовлеченной в войну с четвертой державой. Кроме того, они договорились уважать интересы друг друга на Балканах и предпринимать какие-либо территориально-политические преобразования в регионе только по взаимному согласию. В секретном дополнительном протоколе стороны указывали, что не будут препятствовать объединению Болгарии.

Для Бисмарка это был крупный дипломатический успех. Как считают некоторые современные историки, «железный канцлер» ценил Союз трех императоров гораздо выше, чем оборонительный альянс с Австро-Венгрией.² Открытым, однако, оставался вопрос об устойчивости этого союза. Бисмарк прекрасно сознавал, что подписанный договор не снял русско-австрийских противоречий на Балканах. Однако лучшего решения на данный момент не имелось. Впрочем,

по мнению Конрада Каниса, для немцев конкретные условия играли меньшую роль, чем сам факт соглашений, которые «должны были все вместе помешать России и Франции в принципе рассматривать войну против Германии».³

В последующие годы Германия оказывала поддержку балканской политике России, стремясь укрепить отношения за счет сотрудничества. В 1884 году на германском финансовом рынке был размещен крупный российский заем, что должно было, по мнению Бисмарка, способствовать дополнительному сближению двух стран.

Одновременно Бисмарк стремился развить и дополнить свою систему союзов. За пределами альянса трех империй оставались еще три крупные европейские державы — Британия, Франция и Италия. Германский канцлер в начале 1880-х годов стремился направить их энергию в русло колониальных захватов, где они с неизбежностью вступили бы в конфликт друг с другом, в котором им потребовалась бы немецкая поддержка. Бисмарк считал колониальные споры идеальным объектом для того, чтобы ссорить другие державы, оставаясь в роли «третьего радующегося», ввиду полной незаинтересованности в заморских владениях. Он также стремился постоянно держать открытым Восточный вопрос — ведь Германия единственной из великих держав не имела здесь важных интересов. Немцы поощряли австро-русское соперничество на Балканах, англо-французские противоречия в Египете и франко-итальянскую конкуренцию в Северной Африке.

Политика Бисмарка была «мирной» в том плане, что она не была направлена на разжигание большой европейской войны. Однако действительный мир и сотрудничество великих держав были невыгодны Берлину. Соперничество, дипломатическое противоборство, напряженность позволяли немцам не допускать формирования противостоящих альянсов и сохранять свое доминирующее положение в европейской системе. Проще говоря, Бисмарк стремился к ситуации, когда все остальные державы конфликтуют, но не воюют друг с другом. Для этого требовалось постоянно подогревать их споры

и в то же время искать компромисса. Такая политика напоминала балансирование на шпагате и не могла привести к созданию прочных конструкций.

В начале 1880-х годов курс на сотрудничество с немцами взяли итальянцы, которые стремились усилить свои позиции в бассейне Средиземного моря. Естественной целью итальянской экспансии был Тунис, формально принадлежавший Османской империи и находившийся на побережье Северной Африки ближе всего к Апеннинскому полуострову. Однако здесь в роли опасного конкурента выступила Франция, которая и захватила лакомый кусок. За помощью и поддержкой итальянцы решили обратиться в Берлин. Однако Бисмарк, верный своей стратегии, заявил в январе 1882 года, что «ключ к двери, которая ведет к нам, находится в Вене».⁴

Между Италией и Австро-Венгрией на тот момент еще существовали серьезные противоречия, касавшиеся главным образом региона Южного Тироля, населенного в основном итальянцами. Фактически перед Римом встал тот же выбор, что и год назад перед Петербургом — остаться в дипломатической изоляции или получить поддержку Германии, пойдя на компромисс с традиционным соперником. Как и Россия, Италия предпочла второй вариант.

20 мая 1882 года Тройственный союз был подписан. Стороны гарантировали друг другу благожелательный нейтралитет в случае конфликта с четвертой державой; если одна из участниц договора подвергалась нападению двух и более стран, две другие обязывались оказать ей вооруженную помощь. Кроме того, если Италия оказывалась объектом французской агрессии, Германия и Австро-Венгрия также гарантировали вооруженное вмешательство. В свою очередь, итальянцы обязались прийти на помощь немцам в случае французского нападения.

Тройственный союз был изначально тайным соглашением. В 1883 году к нему фактически примкнула Румыния, подписав союзный договор с Германией и Австро-Венгрией. Тройственный союз стал еще одним долговременным альянсом, который просуществовал до начала Первой мировой

войны. Впрочем, в ситуации 1880-х годов его значение, опять же, не стоит переоценивать. Ни в Берлине, ни в Вене Италию не считали великой державой. Только при продлении союза в 1887 году итальянцам, пользуясь обострением ситуации в Европе, удалось добиться более выгодных для себя условий.

Основные цели германской внешней политики были на какое-то время достигнуты. В апреле 1882 года Бисмарк заявил своему врачу, что международные дела не стоят ему «ни единого часа бессонницы».⁵ Даже отношения с Францией, казалось, начали улучшаться. Французское правительство во главе с премьер-министром Жюлем Ферри сконцентрировало свое внимание на колониальных проблемах. Бисмарк был готов поддержать Париж, поскольку такая поддержка не стоила ему совершенно ничего. В итоге сформировалось нечто вроде «колониального альянса» двух стран — едва ли не единственный короткий эпизод сотрудничества за все время после 1871 года.

Вскоре в колониальную эру вступила и Германия. Колониальная политика Бисмарка до сих пор является предметом споров среди историков, пытающихся понять ее мотивы. Дело в том, что Бисмарк резко негативно относился к идеям колониальных захватов. Колонии, говорил он в 1870-е годы, были бы для Германии тем же, чем является соболиная шуба в польском дворянском семействе, где нет денег даже на новые рубашки. Они станут уязвимым местом империи, не давая ровным счетом ничего взамен. «Пока я нахожусь на посту канцлера, мы не будем проводить колониальную политику», — подчеркивал он в 1881 году.⁶

Поэтому на первых порах германская колонизация развивалась на основе частной инициативы. В мае 1883 года бременский торговец Людериц приобрел у местных племен земли вокруг бухты Ангра Пекена на юго-западном побережье африканского континента, на территории современной Намибии. Быстро расширив границы подконтрольной территории, Людериц осознал, что в одиночку не сможет удержать эти владения, особенно учитывая опасное соседство с Капской

колонией англичан, которые вряд ли стали бы всерьез считаться с правами немецкого торговца. Поэтому новоявленный колонизатор обратился за поддержкой в Берлин. Ответом, неожиданно для многих, стала направленная Бисмарком 24 апреля 1884 года германскому консулу в Капштадте телеграмма, в которой канцлер заявлял, что владения Людерица теперь находятся под защитой рейха. Начало формированию германской колониальной империи было положено.

Сам канцлер при этом подчеркивал, что речь идет не о колониях в собственном смысле слова, а о «подзащитных областях», на которых имперское правительство ограничивается тем, что оберегает созданные частными предпринимателями компании от политического давления со стороны иностранных конкурентов. В течение следующего года число «подзащитных областей» стремительно расширилось. В июле 1884 года канонерская лодка «Мёве» совершила стремительный рейд вдоль западного побережья Африки, подняв германский флаг в Того и Камеруне. 27 февраля 1885 года под защиту империи была принята территория в восточной Африке, приобретенная незадолго до этого предпринимателем и авантюристом Карлом Петерсом, — ее границы приблизительно совпадают с границами нынешней Танзании. В мае того же года «подзащитной областью» стало северо-восточное побережье Новой Гвинеи и ряд островов в Тихом океане.

Разумеется, стремительная колониальная экспансия Берлина вызвала недовольство в Лондоне. Сначала поведение немцев не воспринимали всерьез, продолжая считать, что масштабных действий в этом направлении от Берлина ждать не приходится. Однако вскоре ситуация изменилась. Одно временно Бисмарк считал нужным поддерживать Париж во всех его колониальных спорах с Лондоном. На конференции по Египту в июле 1884 года Германия и Франция действовали единым фронтом, оставив Англию в изоляции. Пик сотрудничества был достигнут на конференции по Конго, состоявшейся зимой 1884—1885 годов в Берлине. Здесь немцы и французы совместно остановили британскую экспансию

в Западной Африке, утвердили в бассейне реки Конго принцип свободной торговли и способствовали созданию формально независимого государства под скипетром бельгийского монарха.

Однако в то же время Бисмарк не хотел перегибать палку и идти на слишком серьезный конфликт с Британией. Его задача в значительной степени заключалась в том, чтобы продемонстрировать Лондону свою силу и готовность защищать интересы, показать, что хорошие отношения с Германской империей не есть что-то само собой разумеющееся и не требующее усилий. В марте 1885 года на переговорах, проведенных в Лондоне, было достигнуто соглашение, которое признавало за Германией все уже приобретенные ею территории, однако ставило границы дальнейшей колониальной экспансии Берлина.

На этом история колониальной политики Бисмарка фактически завершилась. Казалось, канцлер вновь полностью утратил к ней всякий интерес. Несколько лет спустя, разговаривая с одним из энтузиастов колониальной экспансии, развернувшим перед ним карту Африки, Бисмарк произнес ставшую знаменитой фразу: «Ваша карта Африки очень хороша, однако моя карта Африки находится в Европе. Здесь Россия, а здесь Франция, а мы в середине. Вот моя карта Африки».⁷

Все это вновь ставит перед нами вопрос о целях германской колониальной политики середины 1880-х годов. Очевидный интерес Германии заключался в том, чтобы не вступать в территориальные споры других держав, а извлекать из них максимальную выгоду для себя. С этой точки зрения колониальная экспансия представлялась действительно бессмысленной и даже вредной авантюрой. Единственное ее значение в контексте внешней политики заключалось в том, чтобы продемонстрировать жесткость по отношению к Англии, сделав ее более склонной к сотрудничеству. Однако добиться реализации этой цели не удалось.

Ключом к пониманию действий Бисмарка во многом является внутривнутриполитическая ситуация в Германии. В 1884—1885 годах «железный канцлер» отчаянно искал средство, ко-

торое помогло бы ему улучшить свои позиции по отношению к рейхстагу. Естественно, что при этом он не оставлял без внимания ни один популярный лозунг, способный привлечь избирателей. Приобретение колоний, писал он германскому послу в Лондоне графу Мюнстеру, «жизненно важно для нас уже исходя из соображений внутренней политики <...> Общественное мнение в Германии придает сегодня колониальной политике столь значительный вес, что положение правительства в значительной степени зависит от ее успеха».⁸ Еще одна вполне вероятная задача заключалась в том, чтобы обострением отношений с Великобританией нанести удар либеральной придворной группировке, сформировавшейся вокруг наследника престола, выступавшего за сближение с Лондоном. По мнению Кристофа Нонна, Бисмарк в 1885 году прекратил провоцировать Лондон, получив от кронпринца заверения в том, что в случае его восшествия на престол «железный канцлер» не будет отправлен в отставку.⁹

В любом случае, германская колониальная экспансия развивалась лишь в условиях «окна возможностей», существовавшего в 1884—1885 годах, когда ни один из крупных игроков не мог всерьез помешать Германии, чьи внешнеполитические позиции были исключительно благоприятными. Однако уже весной 1885 года это «окно возможностей» начало закрываться. На повестку дня встали куда более значительные проблемы, чем приобретение территорий в Африке и Океании.

В апреле 1885 года глава французского правительства Жюль Ферри вынужден был уйти в отставку. На смену ему пришел Анри Брессон, настроенный против всякого примирения с Германией. В отношении двух соседей вернулась прежняя напряженность. В сентябре того же года разразился очередной кризис на Балканах. В Восточной Румелии — южной части Болгарии, остававшейся, в соответствии с решениями Берлинского конгресса, в составе Османской империи — вспыхнуло восстание, итогом которого стало объединение страны. Это вызвало резко негативную реакцию России, отношения которой с Болгарским княжеством оставляли в по-

следнее время желать лучшего, а также серьезное обострение отношений между Россией и Австро-Венгрией.

Бисмарк в данной ситуации пытался в течение некоторого времени выступать посредником между обеими сторонами, однако довольно быстро оставил эту стратегию. Отношения между Берлином и Петербургом ухудшились. Возобновление Союза трех императоров стало после этих событий практически невозможным. Одна из конструкций, обеспечивавших доминирующее положение Германии в Европе и ее безопасность, рухнула.

Параллельно во второй половине 1880-х годов интенсифицировались российско-французские контакты, заинтересованность в которых демонстрировали обе стороны. В это же время до предела обострились германо-французские отношения. Во многом это было связано с деятельностью генерала Жоржа Буланже, ставшего в январе 1886 года французским военным министром. Буланже, являясь сторонником войны с Германией, открыто призывал к реваншу и использовал всю свою власть и влияние для того, чтобы ускорить непосредственную подготовку армии к вооруженному конфликту. Для Бисмарка, которому международная напряженность помогала справиться с внутривнутриполитическими проблемами, это оказалось как нельзя кстати. С другой стороны, события 1886 года вызвали к жизни серьезный конфликт «железного канцлера» с военным руководством, на сей раз в лице генерал-квартирмейстера прусского генерального штаба Альфреда фон Вальдерзее, игравшего роль заместителя престарелого Мольтке.

Вальдерзее был назначен на эту должность в 1882 году и сразу же стал претендовать на серьезное влияние в политических вопросах. Он горячо выступал за скорейшую превентивную войну. При этом генерал-квартирмейстер питал к политическому руководству страны гораздо меньше пиетета, чем сам Мольтке: «Государственная власть может лишь создать для нации наиболее благоприятную с военно-стратегической точки зрения исходную позицию, поскольку последнее слово все равно скажут мечи».¹⁰

Идея о необходимости превентивной войны пользовалась значительной поддержкой не только среди военной элиты, но и при дворе и даже в обществе. Она сопровождалась дальнейшим ухудшением отношения к России. В адрес «железного канцлера» все чаще звучала критика за его примирительную и боязливую политику в отношении Петербурга. В 1883 году баденский политик Франц фон Роггенбах писал Альбрехту фон Штошу: «Должны ли мы и дальше боязливо избегать столкновения славянского и германского мира, как это делала старая школа прусской дипломатии? Я считаю: нет. Однажды Германская империя должна исправить тот неудачный шаг, к которому Фридрих II был принужден своей изоляцией в Европе, и перестать покупать ненадежную русскую дружбу, жертвуя здоровым развитием на Востоке».¹¹

Кризис в отношениях с Францией и Россией сделал идею превентивной войны крайне актуальной. «В этот момент среди военного руководства едва ли удалось бы найти человека, который бы не верил в преимущества превентивного удара по России», — писали впоследствии немецкие исследователи.¹² Большой генеральный штаб развернул собственную дипломатическую активность, используя начатые в 1882 году штабные переговоры с австрийцами. Главным действующим лицом на первом этапе стал военный атташе Германии в Вене майор Дейнес, который вышел далеко за рамки своих полномочий, обещая пересмотр договора 1879 года в наступательном духе и советуя австрийцам начать переброску войск к русским границам. Даже Мольтке был вынужден впоследствии признать, что майор «был слишком далеко увлечен своей военной страстью».¹³ Однако затем Мольтке и его заместитель Вальдерзее начали прямые переговоры с австрийским военным атташе в Берлине бароном Штайнингером.

Бисмарк резко протестовал против вмешательства в сферу его компетенции; между ним и Мольтке разыгрался в конце 1887 года очередной конфликт. В конечном счете фельдмаршал был вынужден уступить — и выхолостить переговоры с австрийцами, к большому разочарованию последних. Им было объявлено, что все обсуждаемые мероприятия от-

носятся не к текущему моменту, а к случаю *casus foederis*, решение о котором будет принимать политическое руководство. «Мы не можем ничего обещать австрийцам — никакого развертывания, никакой мобилизации, если они будут нападающей стороной».¹⁴ Военные официально заверили канцлера, что не собираются вмешиваться в сферу его компетенции.

В конечном счете Бисмарку удалось одержать верх над сторонниками военного решения проблем безопасности страны и разрешить кризис в отношениях с Францией. В конце мая 1887 года Буланже ушел в отставку со своего поста. В том же 1887 году «железному канцлеру» удалось добиться двух серьезных внешнеполитических успехов.

Первым из них стало образованием так называемой «Средиземноморской Антанты» в составе Великобритании, Италии и Австро-Венгрии. Стороны подписали соглашение, в соответствии с которым обязывались поддерживать существующее статус-кво в бассейне Средиземного моря. Кроме того, договор включал в себя гарантии целостности Турции, которая не должна была никому передавать своих прав на Болгарию. Защита целостности и независимости Османской империи должна была осуществляться участниками соглашения даже против ее воли. Договор, таким образом, носил явно антироссийский характер. Хотя Германия напрямую не участвовала в «Средиземноморской Антанте», последняя была в значительной степени плодом усилий Бисмарка. Именно Берлин выступил с идеей подписания подобного пакта, и «железный канцлер» приложил большие усилия к тому, чтобы преодолеть колебания англичан. Он даже продемонстрировал Солсбери текст секретного австро-германского альянса, чтобы доказать, что Берлин в случае вооруженного конфликта не останется в стороне. Фактически подписание договора означало вовлечение Лондона в орбиту германской системы союзов.

Вторым успехом стало восстановление «провода в Петербург». Несмотря на то что российская дипломатия начала все в большей степени ориентироваться на Францию, окончательно портить отношения с Германией на берегах Невы не

хотели. Естественно, ни о каком возобновлении Союза трех императоров с участием Австро-Венгрии речь уже не шла. В январе 1887 года состоялись первые переговоры на предмет заключения двустороннего пакта о нейтралитете. Однако до конструктивного обсуждения дело дошло только в апреле. Между участниками диалога сразу же обнаружились серьезные противоречия. Если российская сторона хотела получить полную свободу рук в отношении Австрии, то Бисмарк подчеркивал, что не бросит Вену на произвол судьбы. В конце концов он даже продемонстрировал своему визави, российскому послу в Берлине Шувалову, текст секретного австро-германского союза 1879 года.

18 июня после долгих переговоров был наконец подписан документ, вошедший в историю как «Договор перестраховки». Он обеспечивал каждому из партнеров доброжелательный нейтралитет другой стороны в том случае, если он подвергнется нападению третьей державы. В случае войны России с Англией или Турцией Германия обязывалась сохранять нейтралитет при любых обстоятельствах. В дополнительном протоколе Бисмарк признал Болгарию сферой российских интересов, а также не возражал против захвата Россией черноморских проливов. Срок действия строго секретного соглашения составлял три года. Оно позволяло Бисмарку в значительной степени устранить негативные последствия развала Союза трех императоров, замедлив дрейф России в сторону союза с Францией. Однако «железный канцлер» прекрасно отдавал себе отчет в том, что это соглашение также не пройдет испытания серьезным кризисом.

И современники, и исследователи достаточно много спорили о том, в какой степени «Договор перестраховки» противоречил австро-германскому союзу. Критики «железного канцлера» нередко высказывали мнение, что он, оказавшись в сложной ситуации, связал Германию противоречивыми обязательствами, совершив предательство по отношению к Вене. Однако в реальности ни Петербург, ни Вена не получили карт-бланш на развязывание конфликта; система союзов Бисмарка была рассчитана не на то, чтобы занять

чью-то сторону в случае начала войны, а на то, чтобы не допустить войны в принципе. Могло ли это стремление увенчаться успехом в долгосрочной перспективе, сказать сложно. Даже старший сын канцлера Герберт, ставший в 1885 году статс-секретарем иностранных дел, говорил, что «Договор перестраховки» способен «в крайнем случае, удерживать русских от войны с нами на 6—8 недель дольше».¹⁵

В любом случае, альтернативных вариантов действий в тот момент не было. Сохранение «провода в Петербург» позволяло, помимо всего прочего, сохранять свободу рук в отношении Вены и не становиться заложниками австро-германского союза.

Если бы мир все же оказался нарушен, существовавшая система союзов позволяла столкнуть Россию с Англией, Австро-Венгрией и Италией на Балканах, предоставив Германии свободу рук в отношении Франции. Такая возможность тоже рассматривалась Бисмарком, после 1885 года убежденным в том, что вооруженный конфликт с Парижем в высшей степени вероятен. «Для нас станет необходимостью в случае русско-австрийской войны атаковать Францию, так, чтобы одновременно с восточной войной, в которой Австрия, Италия, вероятно, Англия и балканские государства вместе выступят против России, можно было провести германо-французскую войну», — в таком виде записал мысли Бисмарка в октябре 1887 года один из его ближайших помощников.¹⁶ Однако «железный канцлер» по-прежнему делал ставку не на развязывание войны, а на сохранение напряженного мира.

К этому моменту сближение Петербурга и Парижа уже начало набирать обороты. Пытаясь предотвратить это, Бисмарк совершил в конце 1887 года весьма серьезный промах, решив воздействовать на Россию с помощью финансового рычага. 10 ноября Имперский банк перестал принимать российские ценные бумаги в качестве залога. Их курс тут же значительно упал. Поскольку Берлин являлся на тот момент главным финансовым рынком для России, удар получился весьма сильным. Однако вместо ожидаемого эффекта последовал прямо противоположный — русские ценные бумаги

переместились в Париж, дополнительно ускорив сближение двух стран.

Историки впоследствии не раз упрекали «железного канцлера» в том, что он не понимал растущей роли экономики в международных отношениях, что внешняя политика навсегда осталась для него, в первую очередь, сферой высокой дипломатии. Однако подобного рода упреки плохо обоснованы. «Железный канцлер» знал и учитывал значение экономики в международных делах. К примеру, в процессе подготовки перехода к протекционистским тарифам в 1878 году Бисмарк разослал германским дипломатическим представителям инструкцию по поводу того, как именно объяснять поворот в таможенной политике правительствам соседних государств.

В данном же конкретном случае следует говорить о том, что Бисмарк совершил тот же промах, что и в 1875 году, переоценив возможности «жесткой линии» в отношении своего оппонента. Кроме того, нужно учесть, что российско-германские отношения в принципе развивались не самым благоприятным образом. Фактически уже в эпоху Бисмарка (а не при его неумелых преемниках, как это часто утверждается) была заложена основа для российско-французского альянса.

Однако в общем и целом в начале 1888 года внешнеполитический кризис был преодолен. На первый взгляд казалось, что Бисмарку удалось сохранить и даже расширить совершенную систему союзов, в которую были вовлечены все европейские державы, за исключением Франции. В реальности дело обстояло далеко не так просто. В течение предпоследнего десятилетия XIX века германская внешняя политика прошла пик своих успехов и начала постепенно клониться к закату. Из-за постоянных международных кризисов, в первую очередь на Балканах, созданная Бисмарком система союзов постоянно грозила обрушиться и нуждалась в новых и новых подпорках, каждая из которых была все менее прочной и надежной. Один из немецких исследователей характеризует эту систему следующим образом: «Все это не являлось долговременным решением германской проблемы безопасности,

а было новым искусным вариантом комбинации подпорок, акробатическим трюком на веревке, которая становилась все тоньше».¹⁷

В условиях нестабильных отношений с Россией Бисмарк искал контакт с Великобританией. Наблюдая сближение Парижа и Петербурга, он счел необходимым предложить сотрудничество Лондону, у которого имелись трения по колониальным вопросам и с Россией, и с Францией. В январе 1889 года был предпринят первый зондаж на предмет заключения оборонительного договора против французской агрессии. После двухмесячного размышления британский премьер-министр лорд Солсбери заявил, что не может ответить на германское предложение ни согласием, ни отказом. Тем не менее, в принципе от сотрудничества с Берлином он не отказался. Бисмарк понял это совершенно правильно — как стремление при необходимости опереться на Германию против России, не давая ничего взамен.

Однако только что вступивший на престол Вильгельм II не понимал и не одобрял тонкой дипломатической игры, которую вел канцлер. Он считал Германию достаточно сильной для того, чтобы не заботиться о плетении хитрой паутины дипломатических комбинаций. В этом он опирался на значительную часть немцев, не понимавших, почему великая держава должна вести себя как можно скромнее. В германском обществе существовал спрос на яркую, динамичную, эффективную внешнюю политику, который Бисмарк не мог удовлетворить. Даже в ведомстве иностранных дел канцлера критиковали за его спиной за старческую боязливость и избыточную осторожность.

К тому же к военным кайзер прислушивался в гораздо большей степени, чем к политическому руководству. Вальдерзее, ставший в 1888 году преемником Мольтке, имел на молодого императора в эти годы значительное влияние. Поэтому попытка Бисмарка в 1889 году улучшить отношения с Россией, включавшая в себя допуск российских ценных бумаг на берлинскую биржу, в конечном счете провалилась благодаря действиям кайзера. Вильгельм II сознательно за-

нял антироссийскую позицию, провоцируя Петербург своими высказываниями и своим визитом в Стамбул и обвиняя престарелого канцлера в русофильстве. Визит Франца Иосифа в Берлин летом 1889 года также продемонстрировал, что Бисмарк не в состоянии больше единолично определять курс германской дипломатии и контролировать молодого императора.

В марте 1890 года Бисмарк был отправлен в отставку. Это произошло, в первую очередь, в силу внутривластных причин, однако вопрос о дальнейших отношениях с Россией также играл свою роль. В германской политической элите — в том числе в дипломатическом ведомстве — многие восприняли эту новость с облегчением. В европейских столицах, напротив, преобладало беспокойство. Здесь Бисмарка при всех оговорках рассматривали как человека, с которым можно иметь дело, поскольку он все-таки ведет Германию достаточно предсказуемым курсом и стремится сохранить мир, а не пускается в авантюры.

Французская пресса, по сообщениям немецких дипломатов, считала отставку Бисмарка «событием, безрадостным для Франции, и высказывала мирной политике канцлера запоздалое признание». Из Петербурга германский военный атташе докладывал, что уход канцлера «произвел повсеместно удручающее впечатление».¹⁸ Казалось, вся Европа была едина во мнении, что отставка Бисмарка создала серьезную угрозу нормальному развитию международных отношений.

В 1890 году завершился важный отрезок в истории германской внешней политики. Даже являясь противником концепции о решающей роли личности в истории, трудно отрицать ведущую роль «железного канцлера» в формировании внешнеполитического курса Второго рейха. Характерной чертой «эпохи Бисмарка» было стремление обеспечить безопасность страны и утвердить ее доминирующее положение в Европе за счет искусных дипломатических комбинаций. Это было весьма сложной проблемой как в силу тенденций международных отношений того времени, так и по причине серьезной оппозиции такому курсу внутри страны. В конеч-

ном счете, задача, поставленная Бисмарком перед германской дипломатией, не имела долговременного и стабильного решения. Такого решения не существовало в принципе — учитывая, что германская внешняя политика была построена на использовании конфликтов других держав, постоянно подогревая их и в то же время не давая перерасти в войну. Это требовало непрерывного балансирования на тонком канате, которое не могло продолжаться бесконечно.

В какой степени действия «железного канцлера» определили дальнейший внешнеполитический курс Второй империи? На этот счет существуют различные точки зрения. На протяжении длительного времени германские историки противопоставляли мудрую и взвешенную политику Бисмарка грубым ошибкам Вильгельма II. Затем, однако, появилась альтернативная точка зрения, подчеркивавшая преемственность германской внешней политики. «Угроза войны на два фронта не просто обострилась благодаря немецкой политике, — пишет Ганс-Ульрих Велер. — Решения Бисмарка буквально гарантировали такую войну».¹⁹ Здесь, опять же, стоит избегать излишнего детерминизма. Однако оставленное «железным канцлером» наследство еще долго играло огромную роль в германской внешней политике.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Отставка князя Бисмарка есть свершившийся факт. Благодарение Господу, что он ушел! Мы говорим это сегодня столь же честно, как и всегда. Было бы благословением для империи, если бы его убрали раньше. Мы говорим это не в связи с его личными качествами, а в связи с той системой правления, которую создал князь Бисмарк», — так прокомментировал лидер прогрессистов Ойген Рихтер окончание целой эпохи.¹

Завершить эту книгу имеет смысл тем же самым вопросом, с которого она началась: в какой степени решения, принятые после образования немецкого национального государства, повлияли на его трагическую судьбу в первой половине XX века? Можем ли мы провести прямую, как стрела, линию преемственности «от Бисмарка к Гитлеру»?

Очевидно, что ответ зависит от нашего представления об истории в целом. Если мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой история не знает сослагательного наклонения, а все случившееся предопределено, сам вопрос теряет свой смысл. Однако большинство из нас все-таки с полным на то основанием полагает, что жизнь человечества — это не поезд, который идет по проложенным кем-то рельсам и не может свернуть. Наряду с объективными закономерностями в истории существуют и случайности, и личный фактор, благодаря которому конкретный человек может оказать огромное влияние на жизнь как отдельной страны, так и всего человечества.

К числу таких людей, безусловно, принадлежал и Отто фон Бисмарк. Правда, в его случае историки часто впадали в противоположную крайность, приписывая «железному канцлеру» едва ли не сверхъестественные возможности влиять на ход истории. Сам Бисмарк высказывался о своей деятельности гораздо скромнее. «Самому нельзя ничего создать; можно лишь ожидать, пока не послышатся шаги Всевышнего, и тогда прыгнуть и ухватиться за край его одежды — в этом вся суть», — сказал он однажды.² Тем не менее, принятые им решения оказали значительное влияние на дальнейшее развитие страны.

1870—1880-е годы не сделали «германскую катастрофу» неизбежной. Тем не менее, многие происходившие тогда процессы направили жизнь страны в русло, значительно повысившее вероятность трагического исхода. Именно в это время изменился характер немецкого национализма, который стал более агрессивным и реакционным. Появился и дал свои ядовитые ростки — при попустительстве власти имущих — политический антисемитизм современного типа. Бюрократический аппарат окончательно стал оплотом консерватизма, а армия осталась «государством в государстве» — два обстоятельства, которые затем сыграли роковую роль в недолгой истории Веймарской республики. В немецком обществе появились и непрерывно углублялись новые линии раскола; мощный импульс получила традиция мобилизации граждан на борьбу с «врагами государства». Традиционные политические элиты остались у власти, а значительная часть реформаторов пошла с ними на вольный или невольный компромисс. Демократизация политической системы осталась неравномерной, неглубокой и не затронула основ существующего строя — власти императора и его окружения. Социальные контрасты становились все более резкими.

Конечно, суть эпохи Бисмарка не исчерпывается только этими роковыми чертами. В действие оказались приведены значительно более мощные силы. В последней трети XIX века Германия стремительно превращалась из аграрной страны

в индустриальную, ее города из островков в море сельского мира — в современные, бурлящие жизнью мегаполисы. Империя вошла в тройку сильнейших экономик мира. Все чаще были слышны прогнозы, согласно которым в XX веке планета будет принадлежать четырем игрокам — Соединенным Штатам, Великобритании, России и Германии. Менялись привычки, образ жизни, мировоззрение немцев. Мир постепенно становился таким, каким мы его знаем сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ *Plessner H.* Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. Stuttgart, 1959.

Глава 1

¹ *Bismarck O. v.* Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. Bd. 2. Stuttgart, 1893. S. 30.

² *Klemm M.* Was sagt Bismarck dazu? Bd. 2. Berlin, 1924. S. 453.

³ *Kolb E.* Bismarck. München, 2009. S. 80.

Глава 2

¹ Kaiser Friedrich III. Das Kriegstagebuch von 1870/71. Berlin-Leipzig, 1926. S. 305.

² Цит. по: *Kirsch M.* Monarch und Parlament im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1999. S. 330.

³ *Halder W.* Innenpolitik im Kaiserreich 1871—1914. Darmstadt, 2006. S. 5.

⁴ *Rauh M.* Föderalismus und Parlamentarismus im Wilhelminischen Reich. Düsseldorf, 1973. S. 52.

⁵ *Зайеф Г.* Вильгельм I — германский император / Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997. С. 494.

⁶ *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. Von der „Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges. 1849—1914. München, 2008. S. 374.

⁷ *Schmidt R.* Otto von Bismarck. Realpolitik und Revolution. Stuttgart, 2004. S. 237.

⁸ *Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866—1918. Bd. 2. München, 1998. S. 101.

⁹ *Ullmann H. P.* Das Deutsche Kaiserreich 1871—1918. Frankfurt-am-Main, 1995. S. 34.

¹⁰ *Jäckel E.* Das deutsche Jahrhundert. Stuttgart, 1996. S. 51.

¹¹ *Bebel A.* Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. 1. Berlin, 1978. S. 235.

¹² Das Deutsche Kaiserreich 1871—1914. Ein historisches Lesebuch. Göttingen, 1992. S. 36.

¹³ *Kenkel K.* Die Entwicklung der politischen Parteien in Deutschland von 1848 bis zum Abgange Bismarcks. Paderborn, 1911. S. 26.

¹⁴ Цит. по: *Stalman V.* Die konservativen Parteien (1867—1918) / Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandeln. Paderborn, 2003. S. 97.

¹⁵ *Sheehan J. J.* Der deutsche Liberalismus 1770—1914. München, 1983. S. 181.

¹⁶ Lexikon zur Parteiengeschichte. Bd. 1. Leipzig, 1986. S. 636.

¹⁷ Das Deutsche Kaiserreich 1871—1914. S. 185.

¹⁸ *Nipperdey T.* Op. cit. Bd. 2. S. 344.

¹⁹ *Craig G.* Deutsche Geschichte 1866—1945. München, 1999. S. 129.

Глава 3

¹ *Klemm M.* Op. cit. Bd. 2. S. 419.

² *Nipperdey T.* Op. cit. Bd. 1. S. 12.

³ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 8.

⁴ *Hertz-Eichenrode D.* Deutsche Geschichte 1871—1890. Das Kaiserreich in der Ära Bismarck. Stuttgart, 1992. S. 175.

⁵ *Althammer B.* Op. cit. S. 131.

⁶ Ibid. S. 132.

⁷ *Engelberg E.* Deutschland 1849—1871. Berlin, 1962. S. 45.

⁸ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 75—82.

⁹ Цит. по: *Ullrich V.* Die nervöse Großmacht 1871—1918. Aufstieg und Niedergang des Deutschen Kaiserreiches. Frankfurt-am-Main, 2007. S. 40.

¹⁰ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 101.

¹¹ *Ullrich V.* Op. cit. S. 42.

¹² *Althammer B.* Op. cit. S. 118.

¹³ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 560.

¹⁴ Ibid. S. 581

¹⁵ *Kennedy P.* The rise and fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. L., 1988. P. 171.

¹⁶ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 562.

¹⁷ Ibid. S. 567

- ¹⁸ Das Deutsche Kaiserreich 1871—1914. S. 29.
- ¹⁹ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 582.
- ²⁰ Ibid. S. 613.
- ²¹ Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Ein Jahrtausend im Überblick. München, 2005. S. 204.
- ²² Ibid. S. 231.
- ²³ *Ullmann H. P.* Op. cit. S. 42.
- ²⁴ Ibid. S. 103.
- ²⁵ *Halder W.* Op. cit. S. 34.
- ²⁶ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 82.

Глава 4

- ¹ *Stürmer M.* Das Deutsche Reich 1870—1919. Berlin, 2002. S. 78.
- ² Im Bismarckschen Reich 1871—1890. Darmstadt, 1978. S. 37.
- ³ Das Deutsche Kaiserreich 1871—1914. S. 180.
- ⁴ *Halder W.* Op. cit. S. 35.
- ⁵ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 141.
- ⁶ *Ullrich V.* Op. cit. S. 310.
- ⁷ *Ливен Д.* Аристократия в Европе 1815—1914. М., 2000. С. 95.
- ⁸ *Ullrich V.* Op. cit. S. 288.
- ⁹ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 528.
- ¹⁰ *Messerschmidt M.* Das preußische Militärwesen / Handbuch der preussischen Geschichte. Bd. 3. Berlin, 2001. S. 443.
- ¹¹ *Ullmann H. P.* Op. cit. S. 184.
- ¹² *Ullrich V.* Op. cit. S. 311.
- ¹³ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 1211.
- ¹⁴ *Althammer B.* Op. cit. S. 170.
- ¹⁵ *Sösemann B.* Die Presse ist der „Dampfwagen der Gedanken“. Verleger und Journalisten im Wandel von Öffentlichkeit und Politik in der Ära Bismarck / Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandeln. Paderborn, 2003. S. 58.

Глава 5

- ¹ *Nipperdey T.* Op. cit. Bd. 1. S. 137.
- ² *Althammer B.* Op. cit. S. 129.
- ³ *Nipperdey T.* Op. cit. Bd. 1. S. 47.
- ⁴ Ibid. S. 101.
- ⁵ Ibid. S. 127.
- ⁶ *Sösemann B.* Op. cit. S. 49.
- ⁷ *Nipperdey T.* Op. cit. Bd.1. S. 801.

- ¹ Чубинский В. В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1988. С. 404.
- ² Jähns M. Feldmarschall Moltke. Teil 2. Berlin, 1900. S. 588.
- ³ Das Deutsche Kaiserreich 1871—1914. S. 188.
- ⁴ Nonn C. Bismarck. Ein Preuße und sein Jahrhundert. München, 2015. S. 208.
- ⁵ Halder W. Op. cit. S. 44.
- ⁶ Stürmer M. Militärkonflikt und Bismarckstaat / Gesellschaft, Parlament und Regierung. Düsseldorf, 1974. S. 228.
- ⁷ Lucius von Ballhausen R. Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart-Berlin, 1920. S. 43.
- ⁸ Richter E. Im alten Reichstag. Berlin, 1894. S. 92.
- ⁹ Parisius L. Deutschlands politische Parteien. Berlin, 1878. S. 200.
- ¹⁰ Stürmer M. Regierung und Reichstag im Bismarckstaat. Düsseldorf, 1974. S. 235.
- ¹¹ Оболенская С. В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992. С. 33.
- ¹² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990. S. 129.
- ¹³ Klemm M. Op. cit. Bd. 1. S. 387.
- ¹⁴ Bismarck O. v. Op. cit. Bd. 6. S. 256.
- ¹⁵ Schmidt R. Op. cit. S. 233.
- ¹⁶ Wehler H. U. Op. cit. S. 894.
- ¹⁷ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 123.
- ¹⁸ Bismarck O. v. Op. cit. Bd. 5. S. 233.
- ¹⁹ Im Bismarckschen Reich 1871—1890. S. 74.
- ²⁰ Bismarck O. v. Werke in Auswahl. Bd. 5. Darmstadt, 2001. S. 193.
- ²¹ Im Bismarckschen Reich 1871—1890. S. 80.
- ²² Bismarck O. v. Werke in Auswahl. Bd. 5. S. 513.
- ²³ Ibid. S. 540.
- ²⁴ Ullrich V. Op. cit. S. 51.
- ²⁵ Das Deutsche Kaiserreich. S. 206.
- ²⁶ Nonn C. Op. cit. S. 236.
- ²⁷ Wehler H. U. Op. cit. S. 862.
- ²⁸ Im Bismarckschen Reich. S. 163—164.
- ²⁹ Pflanze O. Bismarck. Bd. 2. München, 2008. S. 114.

- ¹ Tiedemann C. v. Aus sieben Jahrzehnten. Bd. 2. Leipzig, 1909. S. 215.
- ² Wehler H. U. Op. cit. S. 907.
- ³ Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 274.

- ⁴ Цит. по: *Оболенская С. В.* Указ. соч. С. 92.
- ⁵ *Schmidt R.* Op. cit. S. 254.
- ⁶ Das Deutsche Kaiserreich. S. 211.
- ⁷ *Bismarck O. v.* Werke in Auswahl. Bd. 6. S. 301.
- ⁸ Das Deutsche Kaiserreich. S. 217.
- ⁹ Das Deutsche Kaiserreich. S. 212.
- ¹⁰ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 887.
- ¹¹ *Bismarck O. v.* Werke in Auswahl. Bd. 6. S. 336.
- ¹² *Wehler H. U.* Op. cit. S. 872.
- ¹³ Das Deutsche Kaiserreich. S. 219.
- ¹⁴ *Winkler H. A.* Der lange Weg nach Westen. Bd. 1. München, 2010. S. 245.
- ¹⁵ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 927.
- ¹⁶ Im Bismarckschen Reich. S. 261.

Глава 8

- ¹ *Bismarck O. v.* Werke in Auswahl. Bd. 7. S. 402.
- ² Das Deutsche Kaiserreich. S. 242.
- ³ *Halder W.* Op. cit. S. 64.
- ⁴ *Ullrich V.* Op. cit. S. 71.
- ⁵ Ibid. S. 73.
- ⁶ Im Bismarckschen Reich 1871—1890. S. 93.
- ⁷ *Bismarck O. v.* Werke in Auswahl. Bd. 5. S. 123.
- ⁸ Ibid. Bd. 6. S. 532.
- ⁹ Im Bismarckschen Reich 1871—1890. S. 274.
- ¹⁰ Ibid. S. 280.
- ¹¹ *Althammer B.* Op. cit. S. 152.
- ¹² *Spitzemberg H.* Das Tagebuch der Baronin Spitzemberg. Göttingen, 1989. S. 202.
- ¹³ Im Bismarckschen Reich. S. 292.
- ¹⁴ Ibid. S. 211.
- ¹⁵ Das Deutsche Kaiserreich. S. 228.
- ¹⁶ *Ullmann H.-P.* Op. cit. S. 87.
- ¹⁷ *Bismarck O. v.* Werke in Auswahl. Bd. 7. S. 451.
- ¹⁸ Das Deutsche Kaiserreich. S. 249.
- ¹⁹ Im Bismarckschen Reich 1871—1890. S. 378.
- ²⁰ Ibid. S. 395.
- ²¹ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 995.
- ²² *Waldersee A. v.* Denkwürdigkeiten. Bd. 2. Stuttgart, Berlin, 1922. S. 41.
- ²³ *Engelberg E.* Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 567.

- ¹ *Wehler H. U.* Op. cit. S. 965.
- ² *Bismarck O. v.* Werke in Auswahl. Bd. 5. S. 212.
- ³ *Бодров А. В.* Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. СПб., 2011. С. 74.
- ⁴ *Wehler H. U.* Das Deutsche Kaiserreich 1871—1918. Göttingen, 1973. S. 182.
- ⁵ *Bismarck O. v.* Werke in Auswahl. Bd. 5. S. 292.
- ⁶ Ibid. Bd. 2. S. 322.
- ⁷ Цит. по: *Craig G.* Op. cit. S. 125.
- ⁸ *Wolter H.* Die Anfänge des Dreikaiserverhältnisses / Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der Reichsgründung. Berlin, 1971. S. 174.
- ⁹ Die große Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Bd. 1. Berlin, 1922. S. 203.
- ¹⁰ Цит. по: *Lappenküper U.* Die Mission Radowitz. Göttingen, 1990. S. 86.
- ¹¹ *Herre F.* Moltke. Der Mann und sein Jahrhundert. Stuttgart, 1984. S. 355.
- ¹² *Stone J.* The War Scare of 1875. Bismarck and Europe in the mid-1870s. Stuttgart, 2010. P. 321.
- ¹³ *Bismarck O. v.* Werke in Auswahl. Bd. 5. S. 255.
- ¹⁴ *Бодров А. В.* Идея франко-германского примирения по обе стороны Вогезов (1870—1880-е годы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. № 2. С. 71.
- ¹⁵ *Engelberg E.* Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 227.
- ¹⁶ Die große Politik... Bd. 2. Berlin, 1922. S. 38
- ¹⁷ Ibid. S. 76.
- ¹⁸ *Bismarck O. v.* Werke in Auswahl. Bd. 5. S. 775.
- ¹⁹ Ibid. Bd. 6. S. 52.
- ²⁰ *Canis K.* Bismarcks Außenpolitik 1870—1890. Aufstieg und Gefährdung. Paderborn, 2008. S. 143.
- ²¹ *Gall L.* Bismarck. Der weiße Revolutionär. München, 2002. S. 600.
- ²² *Baumgart W.* Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830—1878. Paderborn, 1999. S. XIV.
- ²³ *Canis K.* Op. cit. S. 87.
- ²⁴ *Klemm M.* Op. cit. Bd. 2. S. 253.
- ²⁵ Die große Politik... Bd. 3. Berlin, 1922. S. 16.
- ²⁶ Im Bismarckschen Reich. S. 239.
- ²⁷ *Canis K.* Op. cit. S. 159.
- ²⁸ *Moltke H. K. B. v.* Ausgewählte Werke. In 4 Bd. Bd.3. Berlin, 1925. S. 74—75.

Глава 10

¹ Цит. по: *Engelberg E.* Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 339.

² *Bridge F. R., Bullen R.* The Great Powers and the European states system 1814—1914. Harlow, 2005. P. 219.

³ *Canis K.* Op. cit. S. 189.

⁴ Die große Politik... Bd. 3. S. 208.

⁵ *Bismarck O. v.* Werke in Auswahl. Bd. 6. S. 670.

⁶ *Gall L.* Op. cit. S. 711.

⁷ *Klemm M.* Op. cit. Bd. 1. S. 449.

⁸ Die große Politik... Bd. 4. Berlin, 1922. S. 96.

⁹ *Nonn C.* Op. cit. S. 313.

¹⁰ *Jeismann K.-E.* Das Problem des Präventivkrieges. München, 1957. S. 144.

¹¹ Im Bismarckschen Reich 1871—1890. S. 313.

¹² Deutsche Militärgeschichte 1648—1939. In 6 Bd. Bd. 2. Teil 1. München, 1983. S. 225.

¹³ *Craig G.* Die preussisch-deutsche Armee. Düsseldorf. 1960. S. 296.

¹⁴ Die große Politik... Bd. 6. Berlin, 1922. S. 62.

¹⁵ *Ullrich V.* Op. cit. S. 105.

¹⁶ *Schmidt R.* Op. cit. S. 227.

¹⁷ Ibid. S. 223.

¹⁸ *Engelberg E.* Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 577.

¹⁹ *Wehler H. U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. S. 977.

Послесловие

¹ Das Deutsche Kaiserreich. S. 260.

² *Pflanze O.* Op. cit. Bd. 1. S. 92.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Bamberger L.* Erinnerungen. Berlin, 1899.
- Bebel A.* Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. 1. Berlin, 1978.
- Bismarck O. v.* Die politischen Reden des Fürsten Bismarck: In 14 Bd. Stuttgart, 1892—1905.
- Bismarck O. v.* Werke in Auswahl: In 8 Bd. Darmstadt, 2001.
- Das deutsche Kaiserreich 1871—1914. Ein historisches Lesebuch. Göttingen, 1992.
- Das kaiserliche Deutschland. Politik und Gesellschaft. 1870—1918. Düsseldorf, 1970.
- Der alte Kaiser. Briefe und Aufzeichnungen Wilhelms I. Leipzig, s. a.
- Die große Politik der europäischen Kabinette 1871—1914: In 40 Bd. Berlin, 1922—1927.
- Großherzog Friedrich I von Baden und die Reichspolitik 1871—1907: In 4 Bd. Stuttgart, 1968.
- Kaiser Friedrich III.* Das Kriegstagebuch von 1870/71. Berlin; Leipzig, 1926.
- Klemm M.* Was sagt Bismarck dazu? In 2 Bd. Berlin, 1924.
- Lasker E.* Aus Eduard Laskers Nachlaß: In 2 Bd. Berlin, 1902.
- Lucius von Ballhausen R.* Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart; Berlin, 1920.
- Moltke H. K. B. v.* Ausgewählte Werke: In 4 Bd. Berlin, 1925.
- Richter E.* Im alten Reichstag. Berlin, 1894.
- Spitzemberg H.* Das Tagebuch der Baronin Spitzemberg. Göttingen, 1989.
- Tiedemann C. v.* Aus sieben Jahrzehnten. Bd. 2. Leipzig, 1909.
- Waldersee A. v.* Denkwürdigkeiten. Bd. 2. Stuttgart, Berlin, 1922.
- Wentzke P.* Im neuen Reich. Politische Briefe aus dem Nachlaß liberaler Parteiführer. Bonn; Leipzig, 1926.
- Бисмарк О. ф.* Мысли и воспоминания: В 3 т. М., 1940—1941.

Литература

- Althammer B.* Das Bismarckreich 1871—1890. Paderborn, 2009.
- Baumgart W.* Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830—1878. Paderborn, 1999.
- Born K. E.* Von der Reichsgründung bis zum I Weltkrieg. München, 1978.
- Bridge F. R., Bullen R.* The Great Powers and the European states system 1814—1914. Harlow, 2005.
- Canis K.* Bismarcks Außenpolitik 1870—1890. Aufstieg und Gefährdung. Paderborn, 2008.
- Craig G. A.* Deutsche Geschichte 1866—1945. München, 1999.
- Craig G.* Die preußisch-deutsche Armee 1640—1945. Düsseldorf. 1960.
- Deininger H.* Frankreich-Rußland-Deutschland 1871—1891. München; Wien, 1983.
- Deutsche Militärgeschichte 1648—1939: In 6 Bd. Bd. 2. Teil 1. München, 1983.
- Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Ein Jahrtausend im Überblick. München, 2005.
- Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der Reichsgründung. Berlin, 1971.
- Engelberg E.* Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990.
- Engelberg E.* Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin, 1988.
- Engelberg E.* Deutschland 1849—1871. Berlin, 1962.
- Engelberg E.* Deutschland 1871—1897. Berlin, 1965.
- Gall L.* Bismarck. Der weiße Revolutionär. München, 2002.
- Geiss I.* German foreign policy 1871—1914. L., 1976.
- Gesellschaft, Parlament und Regierung. Düsseldorf, 1974.
- Haffner S.* Von Bismarck zu Hitler. München, 2001.
- Halder W.* Innenpolitik im Kaiserreich 1871—1914. Darmstadt, 2006.
- Handbuch der preussischen Geschichte. Bd. 3. Berlin, 2001.
- Herre F.* Moltke. Der Mann und sein Jahrhundert. Stuttgart, 1984.
- Hertz-Eichenrode D.* Deutsche Geschichte 1871—1890. Das Kaiserreich in der Ära Bismarck. Stuttgart, 1992.
- Hildebrand K.* Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871—1945. Stuttgart, 1995.
- Jäckel E.* Das deutsche Jahrhundert. Stuttgart, 1996.
- Jähns M.* Feldmarschall Moltke. Teil 2. Berlin, 1900.
- Jeismann K. E.* Das Problem des Präventivkrieges. München, 1957.
- Kenkel K.* Die Entwicklung der politischen Parteien in Deutschland von 1848 bis zum Abgange Bismarcks. Paderborn, 1911.
- Kennedy P.* The rise and fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. L., 1988.
- Kennedy P.* The rise of the Anglo-German antagonism 1860—1914. L., 1982.

- Kirsch M.* Monarch und Parlament im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1999.
- Kolb E.* Bismarck. München, 2009.
- Krockow C. v.* Bismarck. München, 2002.
- Lappenküper U.* Die Mission Radowitz. Göttingen, 1990.
- Lexikon zur Parteiengeschichte: In 4 Bd. Leipzig, 1986.
- Loth W.* Das Kaiserreich. Obrigkeitsstaat und politische Mobilisierung. München, 1997.
- Mommsen W.* Großmachtstellung und Weltpolitik. Frankfurt-am-Main; Berlin, 1993.
- Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866—1918: In 2 Bd. München, 1998.
- Nonn C.* Bismarck. Ein Preuße und sein Jahrhundert. München, 2015.
- Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. Berlin, 1878.
- Pflanze O.* Bismarck: In 2 Bd. München, 2008.
- Plessner H.* Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. Stuttgart, 1959.
- Rauh M.* Föderalismus und Parlamentarismus im Wilhelminischen Reich. Düsseldorf, 1973.
- Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel. Paderborn, 2003.
- Richter W.* Bismarck. L., 1964.
- Rose A.* Deutsche Außenpolitik in der Ära Bismarck (1862—1890). Darmstadt, 2013.
- Schmidt R.* Otto von Bismarck. Realpolitik und Revolution. Stuttgart, 2004.
- Sheehan J. J.* Der deutsche Liberalismus 1770—1914. München, 1983.
- Stone J.* The War Scare of 1875. Bismarck and Europe in the mid-1870s. Stuttgart, 2010.
- Stürmer M.* Das Deutsche Reich 1870—1919. Berlin, 2002.
- Stürmer M.* Das ruhelose Reich. Berlin, 1983.
- Stürmer M.* Regierung und Reichstag im Bismarckstaat. Düsseldorf, 1974.
- Ullmann H. P.* Das Deutsche Kaiserreich 1871—1918. Frankfurt-am-Main, 1995.
- Ullrich V.* Die nervöse Großmacht. Frankfurt-am-Main, 1997.
- Wehler H. U.* Das Deutsche Kaiserreich 1871—1918. Göttingen, 1973.
- Wehler H. U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. Von der «Deutschen Doppelrevolution» bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges. 1849—1914. München, 2008.
- Winkler H. A.* Der lange Weg nach Westen. Bd. 1. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. München, 2010.
- Wolter H.* Bismarcks Außenpolitik 1871—1881. Berlin, 1983.
- Бабанцев Н. Ф., Прокопьев В. П.* Германская империя 1871—1918. Красноярск, 1984.

- Бодров А. В.* Идея франко-германского примирения по обе стороны Вогезов (1870—1880-е годы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. № 2. С. 71—79.
- Бодров А. В.* Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. СПб., 2011.
- Данн О.* Нации и национализм в Германии 1770—1990. СПб., 2003.
- Ерусалимский А. С.* Бисмарк: дипломатия и милитаризм. М., 1968.
- Ливен Д.* Аристократия в Европе 1815—1914. М., 2000.
- Оболенская С. В.* Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992.
- Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. 1848—1918. М., 1958.
- Устинова Ю. Н.* Национал-либеральная партия в политической жизни Германии: 1871—1878 годы. Брянск, 2013.
- Утин Е. И.* Вильгельм I и Бисмарк. СПб., 1892.
- Чубинский В. В.* Бисмарк. Политическая биография. М., 1988.
- Шиндлинг А., Циглер В.* Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Прелюдия: от Кенигсберга до Потсдама	6
Глава 2. Структуры новой империи	27
Глава 3. Рывок в индустриальную эпоху	45
Глава 4. Меняющееся общество	63
Глава 5. Германская повседневность	82
Глава 6. Либеральная эра	95
Глава 7. Консервативный поворот	122
Глава 8. В паутине конфликтов	134
Глава 9. Обновление системы	152
Глава 10. Калейдоскоп альянсов	175
Послесловие	193
Примечания	196
Библиография	203
Источники	203
Литература	204

Николай Анатольевич Власов

ГЕРМАНИЯ БИСМАРКА

Империя в центре Европы

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Научно-популярная литература»*

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 24.04.2018.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.1. Уч.-изд. л. 10.5.
Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 439

Издатель: Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039681-4

9 785020 396814

Н. А. ВЛАСОВ

ГЕРМАНИЯ БИСМАРКА

ИМПЕРИЯ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

В 1871 году на карте Европы появилось немецкое национальное государство – Германская империя. Это событие неразрывно связано с именем одного из наиболее выдающихся государственных деятелей XIX века – «железного канцлера» Отто фон Бисмарка. «Империя Бисмарка», «эра Бисмарка», «эпоха Бисмарка» – так обычно называют сегодня период германской истории с 1871 по 1890 год. Роль «железного канцлера» в жизни страны, действительно, была огромной. Именно его политика внесла решающий вклад в объединение германских государств вокруг Пруссии. Он являлся автором проекта имперской конституции, создателем политических структур нового государства. Он практически единолично руководил германской дипломатией и играл определяющую роль в формировании внутриполитического курса страны. И все же история Германии 1870–80-х годов гораздо шире, чем биография ее первого министра. Наряду с именем Бисмарка она содержит множество других имен. Это – Гельмут фон Мольтке и Альфред Крупп, Вернер фон Сименс и Август Бебель, Роберт Кох и императрица Аугуста. Это, наконец, миллионы «безымянных» немцев, приехавших на парламентские выборы, переезжавших из деревень в города, читавших романы с продолжением или социал-демократическую газету «Вперед!». Об этих людях и пойдет речь в книге.